

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ РОССИИ
(до 1917 г.)**

Сборник статей

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ РОССИИ
(до 1917 г.)**

Сборник статей

МОСКВА 1993

042(02)I

Редакционная коллегия

СОВОЛЕВА Н.А. (отв. редактор), АКСЕНОВ А.И.,
БОГДАНОВ А.П. (отв. секретарь), ПИМУРОВ А.И.

ISBN 5-201-00652-3

© Институт российской истории РАН,
1993

ВВЕДЕНИЕ

Сборник "Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)" состоит в основном из статей сотрудников Отдела источниковедения российской истории (до 1917 г.). Включены также статьи двух аспирантов Отдела.

Материалы, представленные авторами, имеют широкий хронологический диапазон (XIV – начало XX в.), разнообразную тематику. Объединяющим моментом служит подход авторов к изучаемому материалу с источниковедческих позиций.

Сборник содержит, во-первых, публикации источников различных видов (делопроизводственные, нарративные, мемуарные) с соответствующим научным комментарием, с палеографическим или археографическим описанием; во-вторых, исследования, демонстрирующие приемы анализа разнохарактерных письменных памятников (летописей, мемуаров, писем, документов делопроизводства); в-третьих, статью по специальным историческим дисциплинам, в которой также раскрываются принципы работы со специфическими источниками, составляющими предмет ряда этих дисциплин и показывается перспективность тех или иных методов исследования.

Общая источниковедческая направленность сборника не исключает индивидуального подхода как к способам получения источниковой информации, так и к ее интерпретации, когда речь идет об осмыслении при помощи данной информации тех или иных исторических фактов и событий.

Авторские разработки источников, новые и неординарные методики исследования вместе с публикациями ранее неизвестных материалов делают сборник в целом интересным и полезным заданием.

КНЯГИНЯ АННА — ТЕТКА СИМЕОНА ГОРДОГО

Происхождение и матримониальные связи представителей московской княжеской фамилии известны исследователям много лучше, чем правителей других средневековых русских княжеств. Это неудивительно. Династия московских князей, став господствующей в Русском государстве, сберегла многие документы фамильного архива. Аналогичные же материалы иных наследников Всеволода Большое Гнездо не сохранились, а в ряде случаев намеренно уничтожались крепнувшим московским единовладием, чтобы избежать политических и владельческих притязаний со стороны потомков нижегородских, суздальских, тверских, ярославских и других князей¹.

Впрочем, генеалогия первых московских династов ясной представляется далеко не всегда. Неизвестно, например, на ком был женат первый московский князь Даниил Александрович, имел ли он кроме сыновей еще и дочерей, были ли дети у сыновей Даниила (кроме Ивана Калиты), каково происхождение матери Дмитрия Донского и т.д. Сохранившиеся источники совершенно не упоминают таких лиц или ничего не говорят о фамильном происхождении некоторых супругов московских князей, называя их только по именам.

К числу неизвестных по происхождению лиц относится упоминаемая в двух ранних московских документах княгиня Анна. Впервые ее имя встречается в договорной грамоте великого князя Симеона Ивановича Гордого со своими родными братьями Иваном и Андреем, составленной в 1348 г.: "Или что мя благословила которыми волостями тетка моя княгини Анна Заячковымъ... Тешевымъ... тиноу свободкоу"². Грамота сохранилась в очень дефектном состоянии, поэтому полного перечисления волостей и слобод, которые получил от Анны московский великий князь, в ней не читается. Однако определение того, кем была Анна: княгиня, "тетка моя", т.е. великого князя Симеона, сохранилось в грамоте полностью. Вторично имя Анны встречается в завещании Симеона Ивановича, составленном 24-25 апреля 1353 г.: "Заячковъ, что мя благословила тетка моя,

княгини Анна, и Гордошевичи..."³. Анна здесь снова названа княгиней и теткой московского великого князя.

Историки первой половины - 50-х гг. XIX в., цитируя духовную грамоту Симеона Гордого, обращали внимание на приведенную из нее цитату. Н.М.Карамзин даже выделил слова "тетка" и "Анна", но ни он, ни С.М.Соловьев не решились прокомментировать это интересное место завещания старшего сына Ивана Калиты⁴.

Впервые попытку установить, кто же была эта загадочная тетка великого князя Симеона, предпринял в 1871 г. М.Д.Хмыров. Указав, что в 1322 г. в Новгороде скончался и в церкви Спаса на Нередице был захоронен князь Афанасий Данилович, родной брат Ивана Калиты, следовательно, дядя Симеона Гордого, М.Д.Хмыров обратил внимание на текст статьи 1326 г. Новгородской II летописи. Там сообщалось, что "постави княгиня Анна святуу Богородицу на Торгу"⁵. Полагая, что строительство церкви должно датироваться 1326 г. и считая, что в Новгороде в середине 20-х гг. XIV в. не могло быть иной княгини, кроме жены Афанасия Даниловича, М.Д.Хмыров посчитал эту Анну супругой князя Афанасия. Тем самым удачно решился вопрос об идентификации упоминаемой в договоре Симеона с братьями и в его завещании тетки княгини Анны. Совпали имена и титулы двух женщин, подтвердилась и родственная связь: жена дяди Симеона Афанасия Даниловича действительно должна была приходиться теткой Симеону⁶.

Догадку М.Д.Хмырова как весьма справедливую расценил А.В.Экземплярский, хотя и писал о симеоновой "тетке...Анне" как о предполагаемой жене Афанасия Даниловича⁷. Более определенно, без каких-либо оговорок принимал княгиню Анну за жену Афанасия Даниловича Н.А.Баумгартен⁸. Таким образом, в науке упрочилось мнение, согласно которому упомянутая в договоре 1348 г. и завещании Симеона Гордого 1353 г. "тетка...княгини Анна" была женой князя Афанасия Даниловича.

Между тем, приведенные в свое время М.Д.Хмыровым факты и ход его рассуждений относительно княгини Анны оказываются не столь определенными и не такими доказательными, ими восприняли их последующие историки-генеалоги. Во-первых, ни один источник не сообщает о том, был или не был женат князь Афанасий Данилович. Во-вторых, сомнительна датировка строительства княгиней Анной церкви Богородицы на Торгу. Статья 1326 г.

Новгородской II летописи, памятника конца XVI — начала XVII в., начинается с сообщения о том, что "преставился владыко Давид, и поставиша владыкою Моисѣя"⁹. Моисей действительно занял новгородскую кафедру в 1326 г. (7 апреля), но Давид умер в начале 1325 г.¹⁰ И остальные изложенные в статье 1326 г. Новгородской II летописи события не могут быть с достоверностью датированы 1326 г. Как справедливо отметили еще первые публикаторы Новгородской I летописи, после известия о Моисее в статье 1326 г. описаны "события, взятые без разбора из разных летописей"¹¹. Таким образом, опора на 1326 г. оказывается ненадежной. В-третьих, при допущении, что княгиня Анна жила в Новгороде в 20-х гг. XIV в., т.е. во время близкое пострижению и смерти князя Афанасия Даниловича, нельзя утверждать, что Анна — его жена. Во второй половине 20-х гг. XIV в. в Новгороде пребывала не названная по имени "княгиня Святослава", которая в 1327 г. поставила "церковь святою Богородицю" в Рождественском монастыре на Десятине¹². По-видимому, речь должна идти о вдове тверского великого князя Святослава Ярославича. Все можно, ее-то и звали Анной. Во всяком случае, объявление М.Д.Хмыровым Анны Новгородской II летописи супругой князя Афанасия Даниловича надо признать весьма смелым и в такой же степени произвольным. В-четвертых, из сделанного М.Д.Хмыровым отождествления двух Анн, Анны летописной и Анны документальной, с неизбежностью следует вывод, что в Московском княжестве около 1322—1348 гг. существовал особый удел вдовы брата Ивана Калиты Афанасия, которым полностью распоряжалась княгиня Анна, имевшая даже право "благословлять" принадлежавшими ей землями занимавшего московский великокняжеский стол Симеона. Между тем, согласно нормам, сложившимся в Московском княжестве и отраженным в духовных и договорных грамотах московских князей 30—70-х гг. XIV в., княгини были лишены права завещать кому-либо свои владения. После смерти представителя московской княжеской фамилии его земли шли в раздел между другими московскими династиями, жене умершего выделялись лишь некоторые волости и села из владений скончавшегося мужа пожизненно "на прокорм". По ее кончине остаток удела вновь становился

общим достоянием династии и вновь делился между ее представителями¹³. Несоответствие сложившихся в Москве норм княжого владения предполагаемому существованию в Московском княжестве особого удела княгини Анны, рожденному отождествлением М.Д. Хмырова, заставляет сомневаться в верности такого отождествления.

Чтобы установить личность загадочной тетки Анны, следует прежде всего очертить тот возможный круг лиц, в состав которых должна была входить эта княгиня. Ее титул, зафиксированный как в договоре 1348 г., так и в духовной грамоте 1353 г., свидетельствует о том, что Анна принадлежала или к фамилии московских князей, или к другим фамилиям Рюриковичей, правившим в других княжествах. Поскольку же Анна названа теткой московского великого князя Симеона, то теоретически она могла быть женой одного из братьев Ивана Калиты, дядей Симеона Гордого, князей Александра, Бориса или Афанасия Даниловичей, известных как родословцам, так и летописям, или же родной сестрой этих князей, дочерью первого московского князя Даниила Александровича.

Состав владений, которые княгиня Анна передала своему племяннику Симеону Гордому, помогает сделать выбор из очерченного круга лиц. Как уже отмечалось, перечень волостей и слобод, которые получили от Анны Симеон, в тексте договора 1348 г. сохранился в фрагментарном виде из-за плохой сохранности документа. Но даже из дефектного текста видно, что таких волостей и слобод было несколько. В настоящее же время читаются лишь два названия волостей: Заячков и Тешев, и окончание названия одной слободы. Заячков в качестве "благословения" княгини Анны фигурирует и в завещании 1353 г. Симеона Гордого. Не вполне ясно из этого завещания, относилась ли к "благословию" Анны волость Горлошевичи. Конструкция фразы в духовной грамоте не позволяет однозначно решить этот вопрос. Ответ на него дает одно место договора, заключенного в 1372 г. племянниками Симеона Гордого — московским великим князем Дмитрием Ивановичем, будущим Донским, и его двоюродным братом серпуховским князем Владимиром Андреевичем.

Договорная грамота 1372 г., как и грамота 1348 г., имеет механические утраты. Важное для решения поставленного вопроса место договора читается так: "...Вышегород, Рудь с Кропивною, Сушевь, Гордошевичи...до ее живота. А по ее животь Заячковъ мнѣ. А ци от ... ре волости, Гордошевичи, Сушевь, Гремичи, Заячковъ, аж да..."¹⁴ Слово "ее" в данном тексте имеет в виду вдову Симеона Гордого княжну тверскую и великую княгиню московскую Марию Александровну. Ей отказывал в своем завещании Симеон все земли, какими только владел: и те, что наследовал по отцовскому завещанию (последней духовной грамоте Ивана Калиты 1339 г.), и те, что приобрел сам или получил от других за время своего правления в Москве. Очевидно, что перечисленные в договоре 1372 г. семь волостей продолжали принадлежать Марии Александровне и только при известных обстоятельствах, в частности, смерти великой княгини Марии, должны были быть поделены между Дмитрием и Владимиром. Марии же эти волости должны были достаться от мужа. А так как в завещаниях Ивана Калиты указанные волости не упоминаются, делается очевидным, что Симеон приобрел их позднее, судя по упоминанию среди семи волостей Заячкова он получил их от княгини Анны.

Где же находились эти волости? Хотя локализация их не проста, сложность решения задачи все же не дает права исследователям вообще отказываться от всяких попыток ее исполнения, как недавно поступила А.А.Юшко, даже не упомянув (кроме Вышгорода) этих владений московских князей в книге о территории Московской земли в IX-XIV вв.¹⁵ Первая из волостей, которая несомненно была получена Симеоном Гордым от его тетки княгини Анны - Заячков, локализуется по расположенным в ней селам Татаренки, Богоявленское и Тарутинское¹⁶. Последнее стояло при впадении р.Истья в р.Нару. В конце XV в. Заячков входил в состав Малоярославецкого уезда¹⁷. Следовательно, его территория от с.Тарутинского должна была простираться к юго-западу, к р. Протве. Согласно картографическим материалам XVIII в. Гордошевичи на востоке и юго-востоке граничили с волостями Гремичи и Сушевым, а на западе и северо-западе - с Кропивною и Рудью. К терри-

тории Гордошевичей позднее относились села Юрьевоцкое и Гордеево¹⁸. Волость Вышгород была расположена южнее гор. Вереи по рр. Протве, Средней и Осечне, выходя на "Лужевское порубежье"¹⁹. Центр волости Вышгород стоял на р. Протве²⁰. Несколько южнее Вышгорода по правому притоку р. Протвы р. Руде (Руте)²¹ располагалась волость Рудь²². Согласно данным XVI в. волость Кропивна административно подчинялась Верее²³. Поскольку в договоре 1372 г. Кропивна названа вместе с Рудью, надо полагать, что эта волость находилась между Вереей и Рудью, т.е. на р. Протве выше впадения в нее р. Руды и выше центра Вышегородской волости Вышгорода. Местоположение волости Гремичи определяется по позднему погосту Гремячеву, стоящему на правом берегу р. Протвы близ устья р. Репинки, впадающей в Протву слева, на границе Малоярославецкого и Боровского уездов ХУШ в.²⁴ Сушев был расположен рядом с Гремичами по р. Сушке, левом притоке р. Бобровки, впадавшей слева в р. Луку²⁵. Выясняется, что все семь волостей лежали в бассейне верхнего и среднего течения р. Протвы и в Протвинско-Лужевском междуречье, южнее двух крупных центров этого района - Вереи и Боровска. И Верея, и Боровск большую часть XIV в. относились к Рязани²⁶. Очевидно, волости, отстоявшие к югу от Вереи и Боровска, также были рязанскими. Следовательно, московский великий князь Симеон Иванович получил от своей тетки княгини Анны рязанские земли. Такие земли не могли идти в раздел с братьями Симеона, поскольку не представляли собой отчинного владения московских династов. Завещанное Симеону Анной и не делилось между Калитовичами, все осталось у великого князя. Сказанное заставляет видеть в "тетке моей княгине Анне" не упоминаемую источниками дочь первого московского князя Даниила Александровича, родную сестру Ивана Калиты, бывшую замужем за одним из рязанских князей. Любопытно отметить, что единственная не локализованная волость Тешев, упомянутая в договоре 1348 г.²⁷, по своему названию может быть сопоставлена только с рязанской волостью Тешев, фиксируемой источниками XV в.; в других местах волости с таким названием по источникам до начала XI в. не обнаруживается.

- I Л.В.Черепнин установил, что в 80-х гг. XV в. правительство Ивана III уничтожило ряд документов удельных князей - родственников московского великого князя. См.: Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. М.-Л., 1948. Ч.1. С.185-186. Скорее всего, так же обстояло дело и с документами князей иных династий. От суздальского князя, например, великий князь московский требовал передачи всех ханских ярлыков, старых и новых, на владения его и его предков: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XV вв. (далее - ДДГ). М.-Л., 1950. № 52. С.156. Ни один из этих ярлыков не сохранился, даже в копиях. Очевидно, все они были сознательно уничтожены.
- 2 Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч.1. № 23. С.36. В издании 1950 г. текст передан хуже, ср.: ДДГ. № 2. С.12. О дате грамоты см.: Кучкин В.А. Договор Калитовичей // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С.20; Флоря Б.Н. Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып.1. С.60 и примеч.9.
- 3 ДДГ. № 3. С.13. О дате завешания см.: Кучкин В.А. К датировке завешания Симеона Гордого // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год. М., 1989. С.106.
- 4 Карамзин Н.М. История государства Российского. Изд. И.Эйнерлинга. СПб., 1842. Кн.1. Т.IV. Примеч.365; Соловь в С.М. Сочинения. М., 1988. Кн.2. С.446.
- 5 Полное собрание русских летописей (далее - ПСРЛ). СПб., 1841. Т.III. С.131. Примеч.В.
- 6 Хмыров М.Д. Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских и членов царствующего дома Романовых. СПб., 1871. Ч.1. № 377. С.37; ср.: № 350. С.32-33.
- 7 Экземпларский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т.1. С.8. Примеч.213; СПб., 1891. Т.П. С.637. Примеч.2044.
- 8 Baumgarten N.A. Généalogie des branches régnantes des Rurikides du XIII au XVI siècle // Orientalia Christiana Analecta. Roma, 1934. T. 35. Part 1. Table II. №4.
- 9 ПСРЛ. М., 1965. Т.XXX. С.167.
- 10 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под редакцией и с предисловием А.Н.Насонова. М.-Л., 1950. С.97 (под 6832 и 6834 гг. мартовскими). О датах см.: Лережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С.270, 276; ср. С.283.

- II ПСРЛ. СПб., 1841. Т.Ш. С.131. Примеч.В. Издатели 1879 г. добавили к этим словам, что события относятся еще и "к разным годам": Новгородские летописи. СПб., 1879. С.27. Примеч.++ Только в издании 1965 г. эти особенности статьи 1326 г. остались без комментариев.
12. ПСРЛ. Пг., 1915. Т.IV. Ч.1. Вып.1. С.260.
- 13 ДПГ. № 1. С.8,9; № 3. С.13-14; № 4. С.15-19; № 5. С.20; № 7. С.23. Ср.: № II. С.31. Только в последней духовной грамоте 1389 г. Дмитрий Донской выделил своей жене часть владений в вотчину - полную собственность, но это было связано со значительным расширением владений московского великого князя и передачей им своей жене прав гаранта соблюдения условий его завещания. Следует иметь в виду, что свидетельства духовных и договорных грамот московских князей XIV-XV вв. о вотчинных владениях княгинь нельзя переносить на более раннее время, ср.: Пушкирева Н.Л. Женщины древней Руси. М., 1989. С.120, 135. Нельзя также представлять нормы владения землями московскими княгинями как общерусские. Белозерская княгиня Феодосия, например, во второй половине XIV в. имела право завещать часть своих земель не родственникам мужа, а своим собственным, см.: ДПГ. № 12. С.35.
- 14 ДПГ. № 7. С.23. О дате договора см.: Кучкин В.А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С.88. Примеч.278.
- 15 Юшко А.А. Московская земля IX-XIV веков. М., 1991 (по "Указателю географических названий").
- 16 ДПГ. № 80. С.314-315.
- 17 Там же. С.314.
- 18 ЦГАДА. Ф.1356. Оп.1. Ед. хр.7/1380.
- 19 Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI в. (далее АСВР). М., 1964. Т.Ш. № 29. С.52-53.
- 20 ПСРЛ. Пг., 1922. Т.XV. Вып.1. Стб.60 (под 6860 г.).
- 21 Смоленская Г.П. Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер). М., 1976. С.95. Варианты названия реки - Руд, Рудь, Руть, Рудка.
- 22 Волость Рудь граничила с волостью Илемной. АСВР. М., 1952. Т.1. № 378. С.275. Волость Илемна в свою очередь граничил (или включала?) с волостью Передел. Там же. № 533. С.410. Село Передел на современных картах показано на правом берегу р.Лужи в ее верхнем течении.
- 23 ДПГ. № 103. С.423.
- 24 ЦГАДА. Ф.1356. Оп.1. Ед. хр.7/1380.
- 25 Там же.
- 26 ДПГ. № 10. С.29.
- 7 Там же. № 84. С.335, 339.

ПАЛЕОГРАФИЯ РУКОПИСИ РОГОЖСКОГО СБОРНИКА XV ВЕКА

Рогожский сборник был обнаружен для исследования довольно поздно, где-то в самом начале XX в., и содержащийся в нем крупный летописный памятник XV в. введен в научный оборот в 1922 г. Его выявил Н. П. Лихачев, обратив внимание на ценную летопись в библиотеке при Рогожском старообрядческом Богадельном доме в Москве; там он значился как рукопись из Рахмановской коллекции за № 35 (по описи Рогожской комиссии № 799). Известный историк-палеограф доложил об этом в Археографическую комиссию Академии наук. В протоколе ее заседания от 17 ноября 1906 г. говорилось: "Н. П. Лихачев ходатайствует о выписке из библиотеки Рогожского кладбища сборника XV века в малую 4 за № 35 (из новых поступлений). Определено: выписать". Речь шла о возможности публикации нового летописного источника в серии Полного собрания русских летописей. Спустя менее полугода 3 апреля 1907 г. на одном из последующих заседаний Археографической же комиссии данный вопрос рассматривался и это нашло отражение в его протоколе: "Н. П. Лихачев, сообщая, что приступает к обработке летописного текста, заключающегося в сборнике библиотеки Рогожского кладбища, имеющего быть помещенным во втором издании XV тома Полного собрания русских летописей, просил определить наименование этому тексту и разрешить печатать его с раскрытием титл и с сохранением археографии подлинника. Определено: именовать текст Летописец библиотеки Рогожского кладбища; разрешить издать текст его с раскрытием титл и с сохранением археографии подлинника."

Летописный памятник, находившийся в Рогожском сборнике, был опубликован только через 15 лет в Петрограде под названием Рогожский летописец в первом выпуске второго издания т. XV ПСРЛ. Во время подготовки этого издания предполагалось поместить тут или во втором его выпуске Тверской сборник XVI в., вышедший в серии в 1863 г. (первое издание, т. XV). Данный вопрос рассматривался на очередном заседании Комиссии

в декабре 1913 г. (с предложениями к нему выступил А.А.Шахматов; тогда же было сделано сообщение Н.П.Лихачева о готовности набора текста Рогожского летописца)¹. Эта идея была осуществлена в 1965 г. под наблюдением М.Н.Тихомирова. Оба издания, 1922 г. и 1863 г., воспроизведены в одном XV томе ПСРЛ фототипическим способом. В настоящее время Рогожский сборник хранится в фонде Рогожского собрания (№ 247) Рукописного отдела РГБ и имеет номер в его описи - 253.

Первый выпуск XV тома ПСРЛ издан под редакцией Н.П.Лихачева и открывается предисловием и описанием рукописи Рогожского сборника Н.П.Поповым и Н.П.Лихачевым; причем часть описания, сделанная редактором издания, озаглавлена как "Мнение члена Комиссии Н.П.Лихачева о времени написания сборника, содержащего текст Рогожского летописца, на основании данных флигранографических".

В целом первые описания искомой рукописи носят довольно полный характер; можно отметить их высокий палеографический уровень, соответствующий квалификации и опыту его исполнителей и современным требованиям науки. Но это не означает, что данные описания Рогожского сборника лишены недочетов, не могут быть дополнены; имеется необходимость объяснения определенных разночечий между двумя его частями, касающимися наблюдений по вопросу о датировании памятника. Так, более точную характеристику содержания Рогожского сборника дает современный вариант, который читается в Описи Рогожского собрания РГБ. Предпринятые новые усилия по описанию Рогожского сборника опираются на предшествующие результаты и рассчитаны на их развитие.

Рогожский сборник заключен в дощатый кожаный темно-коричневого цвета, с тиснением и двумя металлическими жуковинами переплет XVIII в. (обрез зеленоватый), на котором оттиснуто: Книга Бытия (отмеченное Н.П.Поповым золотом рамки осипалось). Памятник является рукописью в малую полдесть - 4⁰, написан темно-коричневыми чернилами на 448 бумагах листках полууставом в один столбец, с буквенной кирилловской нумерацией. Для заголовков, заглавных букв использована

киноварь, дважды вязь, один раз орнамент. Из знаков препинания имелись только точки, мало ударений. Бумага средней плотности, матовая, в общем хорошей сохранности (при этом отметим: разрывы на л.260, 310, 401; водяные пятна по тексту на л.284-298, 347-363; наклейку на л.346 об.-347 новой бумаги, где вписан текст более темными чернилами и другим почерком).

В XIII в. (возможно и ранее - в XVI в.) рукопись сборника подвергалась реставрации: переплет изнутри обклеен современной бумагой, вставлены вместо утраченных новые листы, подклеены оторванные углы других многих листов, затем дополнительно введена цифровая нумерация; сейчас объем исчисляется в 453 листах: 2 + 448 + 3, из них 3 (букв. I), 40I-402 (букв. 399-400, 45I-453 чистые, I-10, 40I-402, 450 (букв.448) - 453 новые, поздние. На отдельных листах рукописи читаются приписки коричневыми и черными чернилами (час в вцвела или срезана при переплете, иногда с указанием - зри). Так, на л.1 - № 35 и "Книга Бытия" (простым карандашом), 799 и XV в. синим); на л.2 - № 35 и краткая характеристика сборника: почерк, размер, количество листов (включая чистые) и отдельные случаи их дописывания; на л.5 об. - рукопись старообр. книгохранилища при Рогож. богад. доме, в Москве; на л.125 - повторены две последние строки текста. И еще на обороте нижней крышки дважды - 779 и 2828.

Часть записей имеет характер молитвенных обращений, как например, на л.400 - "по милости божией...", на л.400 б. - "по милости божией и великих чудотворцев московских и всеа Русии"; читается и такая приписка: "Данило Михайлович состраствуй на многие лета и со мною повидайся". Вероятно, при чтении рукописи оставлены скорописью пометы на л.151 об.: "зри здесь о создании храма Софии в Цариграде", на л.295 - "зри о победе на Александрийскую и Египетской земли".

Большое число записей представляют собой пропуски-приписки в виде отдельных известий или заголовков, сделанные писцами при изложении текста, и они помечены знаками вставки.

(См. л.15, 27, 87, 88 об., 98 об., 99 об., 105, 108, 112, 114, 123 об., 131, 137, 144 об., 145 об., 146, 169, 171 об., 172 об., 181, 188, 192, 215 об., 228, 249 об., 261, 262 об., 269 об., 319 об., 320, 322, 342 об., 433, 436 об. и др.).

При издании Рогожского летописца в 15 томе ПСРЛ подобные записи-приписки были отмечены в примечаниях, но не все. Назовем, например, случаи с заголовками: л.318 об. - 0 Прокопьеве кончине, 319 об. - 0 смерти Олгерда, л.342 об. - 0 Исакии Молчалнике.

Рукопись Рогожского сборника написана несколькими почерками и состоит из 50(2 + 48) тетрадей (разметка которых начинается с третьей, л.18); они включают по 8 листов, кроме тетрадей 6, 10, 20, 21 и 43, содержащих 7 листов, 9 - 9, 50 - 4. Вставкой 137 л. находится между 16 и 17 тетрадями.

Памятник имеет 32 (11? + 21) главы, их регистрация начинается с гл.12, которой предшествует текст гл.11, включающей Палею историческую кир Феодора. Из Палеи выделены: 6-ая - о Исхождении Израилеве, 8 - о Валааме волхве, 9 - о Самсоне, 10 - о Гедоне и 11 - о языках у столпа на поле Сенаар. Памятник снабжен поздним, по сравнению с основной рукописью, оглавлением (л.2-3 об.; киноварь, с пропусками); составлен из разных историко-канонических сочинений (или отрывков из них). Перечислим названия его глав (с указанием буквенной нумерации листов).

Л.4-108. Гл.1-11. Продолжение Палеи - Очи палейные кир Феодора: "Сия книга Бытия небеси и земли и всякая твари, иже сътвори бог вся дело своя исперва кир Феодора". Нач.: "Прежде всех сии всякая за всех подобает истинному человеку ведати, что есть бог...". В конце: "Имена ветром". Нач. "Афилиот восточные..."; "Имена великим рекам" (всех 40). Нач. - "Фисон, Чион, Тигр, Ефрат, Иордан, Нил, Танаис, Дънепръ..."; "Имена великих гор". Нач. - "Фиванось, Кавкасийсь... Сих всех гор 12; "Въстраны яко же раздели господь бог языки по лицу всея земля (перечень 72 языков); "просчувственен ли есть рай или разумен, тленен ли есть или нетленен" и "Ответ" - "един духовен, други чувствьни;

"Вопрос о именах, жидовским языком глаголемы имъ". Далее приписка писца: "Конец Бытию кир Феодора".

Л. 108. Загадка - "Тебе отец и мне отец", "тебе..." (зачеркнуто).

Л. 108-123. Гл.12. Слово Мефодия Патарского о царствии язык: "Святаго отца нашего Мефодия, епископа Патарского, Слово о царствии языкъ последних времёнъ и известно Сказание от прьваго человека до окончания век".

Л. 123 об.-182 об. Гл.13. Хронографический рассказ. (Выписки из Еллинского летописца с царствования Константина Великого по царствование Александра, брата Леона, объединенных в 47 главок, нумерация на полях). Нач. - "По Максентии же царствова Константин Великий. Съ тщанием великом посла повеление повсю...". В гл.16 - "От Градскаго закона царскихъ заповедей при Устиниане цари..." и Сказание "о созиидании церкви святяя Софиа... иже в Цариграде. В лето 606 -е", с чудесами.

Л. 182 об.-186 об. Гл.14. Исповедание вкратце об отлучении латинян: "Исповестание вьратце, како и коего ради дела отлучашися от нас латини, извершени быша от прьвенечьства своего и от книг поменных, идеже пишутся православнии патриарси". Нач. - "Беяше на седмомъ сборе Александриан, папа Римский". В конце - "Исповедание списано папы Римскаго, како и что веровать и держат непреложно" и "подписание апокрисиарии тех".

Л. 186 об.-189 об. Гл.15. Послание Домаса к Павлину: "Домаса, папы Римскаго, к Павлину, епископу Солунскому" и "Германа патриарха к жестоковым латинамъ молебнo и любезно поучение".

Л. 189 об.-191 об. Гл.16. Исповедание веры с перечнем латинских ересей (числом 27): "Исповедание святей и единосущней и животворящей Троици" и "Суть же ереси латинския сеи".

Л. 191 об.-193 об. Гл.17. Максима Исповедника о вере: "Святаго Максима изложение о вѣце вькратце вьпрашати и отвѣчевати всякому христианину православному" и "Евлагия, патриарха Александринскаго".

Л. 193 об.-197 об. Гл.18. Сказание о соборе при русском митрополите Максиме: Вопросы и Ответы по соборе в Царьграде с участием Максима митрополита всея Руси, и Феогноста, епископа Сарайского. Нач.: "Месяца августа в 12 (день) в среду, индикта 4. Седящим святым патриархомъ въ церкви святыхъ Софья, Антиохиискому патриарху Костянтина града, Иоанну патриарху и с ним митрополит Халкидонский Николае, Афиненский Мелентий, Ахиранский Костянтин, Фадьский Софроние и всея Руси Максим митрополит"; и "Устав о брацех".

Л. 197 об.-199 об. Гл.19. Наказание иереям об исправлении церковном: "Наказание святых апостоль и святых отец иереом о исправлении церковнемъ".

Л. 199 об.-201 об. Гл.20. Изложение о вере Анастасия и Кирилла: "Анастасия блаженаго, патриарха града великия Антиохиа и Кирила Александриискаго изложение въкратце о вере и о въпрошении".

Л. 201 об.-204 об. Гл.21. "Сказание о Армянстей ереси". Нач. - "Когда былъ събор седмыи, тогда армене не утягли на събор...".

Л. 204-205 об. Выписи. - "Рече Павел, яко о камение Израилеви (?) от мала бысть...", "Того же святаго апостола Павла Сказание. Всяк взревны на жену рече, яко похотяти еи", "Тогожде от Андрианты, иже о клятве".

Л. 205 об. Запись. - "В лето 6904 месяца апрелиа 26 преставися епископ пермьский Стефан Храм, иже състави грамоту пермьскую в летом 6883".

Л. 205 об.-206 об. Сказание о создании греческой азбуки, о предложении книг от жидовьски языка на гречьский и составлении словянской азбуки. Нач. - "Постльпотворение иже бысть, егда разделишася языци, тако же разделишася и нравы и обычаи и уставы и законы и хитрость на языки".

Л. 206 об.-209 об. Сказание (краткие сведения) о семи вселенских соборах. Нач. - "Всех ихъ съ две тысуци...".

Л. 209 об.-211 об. Гл.22. Мелкие заметки. - "О явлении Господни от апостольскихъ заповедей", "Евсевиево от летнихъ" и "Исихиево о Христове рождении въкратце".

Л. 211 об.-212 об. Гл.23. "Иоанна Домаскина о Македонских месяцих от церковнаго предания". Нач. - "Глаголютъ бо еллины суща 12 животны звездами на небеси противное пошествие имуща..." и "месяци по римляном", "месяци по иудеом", "месяци по македономъ", "месяци по еллиномъ", "месяци по египтяномъ".

Л. 212 об.-214 об. "Того же Иоанна о верочитых книгах". Нач. - "Ведомо же да будет, яко 20 книгъ есть Ветхаго завета...".

Л. 214 об.-221. Гл.24. "Епифаниево о прородех и о пророчицах"; "Того же (сказание) о 16 пророку откуду беша и где умроша" и "О инехъ" (о Илии и Елисеу).

Л. 221-223. Гл.25. О построении Соломонова храма: "Слово о церкви иже Давидъ виде възхищен духом"; "Колико бе величество Соломонския церкви"; "От 3-го царствия" (о мудрости Соломона); "Иполитово от того, еже о песнях песнем"; "Еусевия Памфила от начало словесныя повести сказание" (о книгах Соломона).

Л. 223-223 об. "В святее Софии и въ Царигради... написаны стиси 3 еврейскими и самаринскими пис/ь/менн... истолковати".

Л. 224-233. Гл.26. "От Бытия. Како созда бог Адама и Еву". Нач. - "Смотри же, яко же рече писание убо в шести день сътвори бог человека прьстаго от земля..."; "Сынове Симоны". Нач. - "Елам, от него же еллини и персом старешины Асур, от него же асирии..."; "Что ради рече апостол Павел, учити жене не валю". Нач. - "Им же учи единою зле Адама..."; "Того же от того еже о Иродиаде". Нач. - "Некыи же убо зверь тучеть жене злеязичне..."; "Того же от того еже възревни на жену". Нач. - "Весь възревны, рече, на жену яко же хотети ей, уже прелюбидея съ нею в сердци своем...".

Л. 233-235. "Афанасиево. Вопрос". Нач. - "Господу глаголющу к святым своим елико аще свяжете..." и "Ответ".

Л. 235-236. "Како правда снабдевается, аще за отцем чада мучаться" и "От апостольскихъ заповедий".

Л. 236-237. Гл.27. "Севира Антиохийскаго, како еся разумети господие тридневное възкресение".

Л. 237-240 об. Хронологические выписки из Еллинского летописца с царствования Тита и Феодосия. Нач. - "По Евспасиане царствова Тит, сын его".

Л. 240 об., -244. Выписки из Толкового евангелия: "Еу(в)ангелие. Прииде Исус въ град Самарийскы..."; "Иоанна Златоустаго, еже о притчи смоковней"; "Того же от 6-го псалма"; "Първыи месяц март"; "Тригориа Богосова к Филагришу ответно"; "Того же Богослова, еже о Кесари, брате его".

Л. 244-246. Гл.28. "От деании апостольскихъ тълкование" и "Наказание отца к сыну". Нач.: "Сыну егда на рать съ князем едеши, то съ храбрыми напреди еди".

Л. 246-249 об. Гл.29. Толкование первых глав книги Бытия: "От шестоденьника пръвобытныи летописец" и отдельные заметки.

Л. 249 об., -251. "Летописецъ въкратце изложенъ от Адама и до сего дни".

Л. 251-363 об. Летописец: "Начало земли Рускои...".

Л. 364-398. Гл.30. Вопросыответы Афанасия к Антиоху: "Блаженнаго Афонасия, Александрийскаго архиепископа, къ Антиоху князи". Нач. - "О многих и нужныхъ възсканиих".

Л. 401-426 об. Гл.31. Паломник по святымъ местам: Хождение архимандрита Аграфения обители пресвятыя Богородицы. Нач. продолжением текста. - "...В Патем, в нем же писа святыи Иоаннь Богослов евангелие. От Родоса до Кипра..." (с рисунками пером: крест на Голгофе, "места круга" у гроба Господня, темницы (?), врат Иерусалима, Дома Давыдова и гроба Соломона)².

Л. 426 об., -447. Гл.32. "Сказание о крещении великаго князя Владимира Киевскаго, нареченаго в святомъ крещении Василя, еже крести землю Рускую". Нач. - "Първое. Приходиша блъгаре к Володимиру, глаголюще, яко ты еси князь мудрей, смыслен...".

Л. 447 об., -448 об. "Преставление благовернаго князя Владимира, нареченаго в святомъ крещении Василя". Нач. - "Умре же Владимир...".

Рукопись Рогожского сборника определена Н.П.Лихачевым как чрезвычайно любопытная с палеографической и филиграно-

графической сторон; в предисловии к У тому ПСРЛ он отметил, что памятник по некоторым почеркам моложе его филигранографических признаков. Ввиду такого "различия" возникла и идея написания к изданию двух отдельных описаний сборника. С данным обстоятельством связано расхождение в датировке рукописи Рогожского сборника.

Н.П.Попов, согласно данной им палеографической характеристике, относил памятник (включая и Рогожский летописец) к концу XV в. или даже первой четверти XVI в. (при допущении архаичности почерка).

Н.П.Лихачев высказал другое мнение, считая (исходя из водных знаков), что рукопись написана на исходе первой половины (именно в 40-х гг.) XV столетия³. Последняя точка зрения утвердилась в литературе. Здесь сказалось более предпочтительное отношение специалистов к филигранографическим данным бумаги при датировании источника. Вместе с тем подобный подход предполагает совместимость палеографических и филигранографических показаний рукописи; более точное ее датирование достигается, когда один вид обследования памятника письменности дополняется другим.

Полуустав, которым написана рукопись Рогожского сборника, появился на Руси как вид письма где-то с последней четверти XIV в. и существовал до XVII-XVIII вв. (наряду со скорописью)⁴. Несмотря на южнославянское влияние и появление московской разновидности (с XV в.), русский полуустав за это время особо значительных изменений не претерпел. В книжном письме многое зависело от опыта и искусства писца. Следует согласиться с Н.П.Лихачевым, выразившим во время подготовки XV т. ПСРЛ сожаление об отсутствии в науке "альбома для коллективно писанных монастырских сборников XV столетия".

Рогожский летописец, содержащийся в Рогожском сборнике, имеет своим последним известием сообщение 1412 г. Эта дата служит тем временем, ранее которого не мог появиться искомый памятник. Первые десятилетия XV в. являются исходными и для определения характера и особенностей его полууставного письма, орфографии, филиграней. В обследуемой

рукописи насчитывается 6-8 почерков XV в. Они распределяются следующим образом:

Л. 9-121: по руке крупный полуустав. В указанных пределах л. 46 и 108 имеют мелкий полуустав (которым вписана часть текста).

Л. 121 (с половины) - 270: средний полуустав. Здесь л. 137 (вставной) написан другим (в разрядку) полууставом XVI в.

Л. 270 (с половины) - 283: третья рука, мелкого полуустава.

Л. 284-297: еще один мелкий полуустав.

Л. 298-363: пятая рука, среднего полуустава. В этом месте л. 346 об.-347 дублированные (черные чернила).

Л. 364-367: другой, предположительно отличный полуустав.

Л. 368 (с половины) - 398: новый - средний полуустав.

Л. 401-430: крупный, сходный с первым полуустав.

Л. 431-447: мелкий вариант полуустава.

Что касается текста до л. 9 и 448, то они соответственно бумаге изложены и поздним полууставным письмом при обновлении рукописи в ХУШ в. Н.П.Лихачев допускал, что л. 401 и след. написаны на старой бумаге поздним полууставом (и более темными, почти черными чернилами). Но эти листы по почерку, расположению текста с разбивкой материала киноарными подзаголовками ведут к писцу л.9-121. Не случайно Н.П.Попов хронологически широко определял данные варианты полуустава - ХУ-ХУІ вв. Тот и другой исследователь склонялись к тому, что рукопись подверглась обработке еще в ХУІ в. (указывая при этом на ее следы: л. 137, 346 об.-347).

Но несомненно в преобладающей своей части Рогожский сборник - результат одновременной работы разных писцов по единому образцу младшего полуустава ХУ в. Ввиду того, что русские полууставные рукописи ХУ - первой половины ХУІ в. мало чем отличаются друг от друга, в палеографии для более точного их датирования принимается во внимание тип почерка (старший - старый и младший), разновидности сокращений,

характер выносных букв и некоторые другие особенности обследуемого памятника⁵.

Н.П. Попов называет в числе признаков почерка основного текста рукописи Рогожского сборника надстрочные буквы в конце слов (д, ж, з, м, ч) и в конце строки (к, с). Между тем такие показания не являются главными в эволюции сокращений по написанию слов в полууставе. Они были и в уставе.

В.Н.Щепкин справедливо обращал внимание на то, что пропуск и вынос строчных букв с титлами и без титлов следует искать в середине строки письма, а не в конце, ибо в конце строки надстрочные выносы нередко бывают вынужденными и потому более произвольными. С этой точки зрения вырисовывается общая картина единого и постоянного использования в интересующем нас памятнике надстрочных "титловидных" букв без титла в середине строки: д, ж, з, м, т, х и слога: до, которое отличает полуустав второй половины XV в. До этого, в XIV и первой половине XV столетия надстрочные без титла буквы почти не встречаются (только: д и т над омегой); в XVI в. количество случаев выноса букв увеличивается, появляются новые по сравнению с предшествующим временем. Речь идет о младшем, а не старшем полууставном письме.

Н.П.Попов указывал в рукописи варианты "старого полуустава". Правда, он мог проводить сравнение с ними почерка на поздних первых листах, появившихся при ремонте памятника. В старшем полууставе (вторая половина XIV - начало XV в.), кроме указанных выносных без титла букв, еще нет у (вместо у или оу), ѵ и ѣ в роли буквы, сохраняется ъ (вместо буд. - ы), йотованное ю (вместо буд. - э); эти изменения полууставного письма отразила рукопись Рогожского сборника. Прослеживаются отдельные исключения в виде употребления покрытий для тех же д, м, т, с одной стороны, с другой - появление в ряде мест замены и на „, е на џ (утвердившееся позднее).

Текст рукописи не отличается множеством знаков ударений и придыханий, изобилие которых характеризует наиболее развитый мелкий полуустав. Это может говорить о том, что процесс развития полуустава происходил постепенно, новые

особенности почерка некоторое время перемежались со старыми. Но надо иметь в виду и то, что в работе по списыванию книг принимали участие писцы разных возрастов.

Итак, рукопись Рогожского сборника представляет памятник, в котором младший полуустав выражен довольно отчетливо и это позволяет по данному критерию определять время создания сборника на рубеже середины XV в., когда письмо приобрело новые черты.

В соответствии с этой датировкой находится и время небольших размеров вязи в заголовках и орнамента (в геометрическом, в виде зигзага с точками) памятника. Они использованы одним из писцов эпизодически, только в трех случаях (на л. 107 об., 108, 123 об.) и обнаруживают простейшие варианты таких украшений, в частности кирилловского декоративного письма, появившегося (например, в заголовках) на Руси с конца XIV в. и начавшего развиваться на ее территории с XV в.⁶

В совокупности палеографических примет рукописи Рогожского сборника важное место принадлежит водяным знакам ее бумаги. Она имеет 7 филигранных (кроме того, еще одна находится на новых листах), которые распределены следующим образом: А. Лилия над гербом на л.: 1, 3, 5, 7, 10, 450 (цифровая нумерация).

1. Олень с загнутыми назад ветвистыми рогами, в профиль, короткий хвост - на л.: 7, 11, 13, 16, 19, 21, 22, 24, 26, 28, 31, 33, 35, 36, 39, 40, 43, 45, 46, 89, 96.

II. Какое-то орудие труда или инструмент (но не серп, нож) - на л. (разбитые на две части) 49, 56, 57, 60, 61, 65, 66, 72, 74, 75, 79, 82, 84, 85, 87, 91, 94, 105, 108, 109, 112, 114, 118, 119, 121, 128, 130, 132, 133, 135, 139, 141, 142, 144, 146, 148, 151, 153, 154, 157, 158, 161, 162, 166, 169, 171, 172, 175, 176, 181, 182, 187, 189, 191, 192, 195, 197, 198, 200, 203, 204, 207, 208, 210, 213, 214, 217, 250, 257, 259, 263, 264, 266, 267, 268, 271, 272, 273, 275, 277, 278, 280, 283, 284, 287, 289, 290, 292, 297, 309, 310, 315, 317, 318, 320, 322, 325, 326, 331, 332, 335, 336, 338, 341,

342, 345, 346, 348, 351, 353, 355, 356, 359, 360, 417, 421, 424, 429, 432, 437.

Ш. Охотничий рожок на перевязи в сердцевидном удлиненной формы щите, увенчанном геральдической лилией большой величины - на л. 97, 100, 101, 104, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 242, 249, 401, 404, 406, 408, 413, 434, 435, 446.

IV. Фигура женщины в платье, чепчике и с цветком в руке, изображенная в рост, в профиль на л. 212, 215, 218, 442, 443, 445.

У. Фляга пилигрима на перевязи - на л. 380, 381, 382, 383, 388, 393 (?).

VI. Голова быка с поздырями между рогами, на которой черта, перечеркнутая звездочкой - на л. 29, 301, 302, 304, 307, 312, 363.

VII. Голова быка с двумя чертами, между рогами которой на длинной черте цветок - на л. 364, 367, 374, 377, 389, 391, 394, 396, 411.

Эти водяные знаки находят сходные аналоги в известных альбомах Н.П.Лихачева⁷, К.Я.Тромонина⁸ и Ш.-М.Брике⁹ и имеют сравнительно небольшой хронологический разброс в пределах XV в. Исключением здесь служит филигрань А, которую Н.П.Лихачев не упоминает во Введении к тому XV ПСРЛ, так как она просматривается на другой бумаге, использованной при реставрации памятника в XVШ в. Данная филигрань в виде лилии может быть отнесена, по Тромонию, к типу № 553, 595-598, датированных 1743, 1781 гг., и поэтому не представляет интереса для характеристики Рогожского сборника как источника XV в.

Филигрань I. - Олень имеет наиболее подходящий вариант у Тромонина № 201 - 1450 г., и 294, 296, 297 - 1447 г.; у Лихачева № 2927 - ок. 1456 г.; у Брике № 3310 - 1435 - 1444 гг., № 3311 - 1435-1447 гг.; его разновидности № 3307 - 1411-1414 гг., № 3308 - 1415, 1426 гг., № 3309 - 1427 г.

Филигрань II. - Орудие труда (?) сходствует у Лихачева с № 2959 - 1447 г.; у Брике с № 16060 - 1449-1452 гг.

Филигрань III. - Охотничий рожок имеет параллель у Лихачева с № 582 - 1442 г., № 1006 - 1445 г., № 2921 - 1434 г.;

у Брикe № 7863 - I430-I456 гг.

Филигрань IV. - Фигура женщины аналогична у Лихачева № 978, 979 - I44I г., № 998 - I452 г., № 293I - I448 г.; у Брикe № 7625, 7626 - I422-I448 и I452 гг.

Филигрань V. - Фляга дает возможный вариант у Лихачева № 983, 984 - I444 г.; у Брикe № 6252-6256 - до I447 г.

Филигрань VI. - Голова быка напоминает у Брикe, очевидно, как первые варианты № I4I6I - I397-I398 гг., № I4II62 - I403 г. Мало известный знак.

Филигрань VII. - Голова быка указывает у Лихачева на № 962 - I443 г., 994, 995 - I452 г. Среди разновидностей можно назвать еще у Лихачева № I046, I047 - I462 г., № I088, I089 - I465 г., № II0I - I466 г.; у Брикe № I4723 - I444 г., № I4727 - I458 г., № I428 - I472 г., № I4777 - I42I-I437 гг., № I4779 - I428-I430 гг. № I4782 - I432-I455 гг.

Таким образом, филигранные I-VII Рогожского сборника лежат в хронологических границах 30-50-х гг. XV в. Отдельные разновидности водяного знака с изображением быка, используемые в более позднее время (60-70-е гг.), надо рассматривать с точки зрения его эволюции и некоторого графического отступления от первоначального образца (с учетом, в частности, быстрого устарения рабочей формы для данной филигранны). Если отбросить крайние даты, то время бумаги памятника датируется 40-ми гг. XV в. Н.П.Лихачев писал по этому поводу: "Было бы излишне в данном случае прибегать к сравнительно грубому приему арифметического исключения крайних пределов; показания филиграней ясно указывают, что рукопись написана на исходе первой половины XV столетия, именно в 40-х годах". В общем разделяя это мнение, обратим внимание еще на такое наблюдение ученого. Филигрань V т.е. фляга пилигрима, после длительного употребления в нескольких вариантах исчезает во второй четверти XV в.; в русских рукописях упомянутые знаки в виде женской фигуры и оленя относятся к тому же времени. Добавим к этому, что бумага основной покупки в рукописи (со знаком П) прослеживается до I452 г. Филигранографический критерий времени

появления Рогожского сборника не расходится с хронологией его полуустановного письма, а наоборот вместе создает необходимый фундамент единой совокупности палеографических примет памятника.

Однако в целом палеография памятника не исключает возможность его появления и в 50-е гг. XV в. (как предельное время), если учесть использование в нем бумаги разных покупок, ее накопления и определенной залежности (например, из-за разницы лет от изготовления до употребления в среднем исчисляемой 10-ю годами)¹⁰.

Выяснив вероятный период написания Рогожского сборника 40-ми гг. XV столетия, исследователь оказывается перед новым вопросом: является ли представляемый им сложный по составу памятник оригиналом, если да, то каким временем следует определять заключенные в нем летописный и другие источники. Отмеченные выше дефекты памятника относятся, очевидно, к состоянию его рукописи в XVI-XVIII вв. Однако в ней имеют место неисправности и особенности, с которыми, наверно, столкнулись писцы XV в. в своей сводной работе. Это сказалось в отступлении от равного счета листов тетрадей, сплошном изложении розданного кусками материала разными писцами, в основном без учета переходов к новым сочинениям сборника, свидетельствующим о наличии в их руках готового материала, сохранение следов сокращений, дописывания текстов и пустых мест на листах, говорящих о каких-то бывших трудностях с их прочтением и передачей. (См. л. 108, 123 об., 287 и др. Эти дефекты отмечены в издании 1922 г. неполностью).

Н. П. Попов, высказывая общее впечатление от палеографии Рогожского сборника, заметил, что он кажется списан с оригинала. Не отвергая такую возможность, автор настоящего исследования больше склонен считать, что Рогожский сборник — не список, и созданный в 40-х годах XV в. он остался, по всей видимости, оригинальным памятником письменности. При его создании использованы источники разного происхождения, времени и изношенности их рукописей. Это относится прежде всего к рукописи Рогожского летописца, которая имела дефекты, приобретенные после своего составления.

В Рогожском летописце, закрпченном в Рогожском сборнике, отсутствует большой ряд статей за 636I-6365, 6368, 6369, 637I-6373, 6375, 6376, 6378-6383, 6385, 6386, 6390, 6394, 6396-6404, 6406-6408, 64II-64I3, 64I5-64I8, 6423-6425, 6427-6435, 6437-6447, 6449, 6450, 6452, 6456-6462, 6464-647I, 648I-6484, 6486, 6487, 6489, 649I-6493, 6497, 6498, 6502, 6503, 6505-6507, 6509-65I8, 6520-6522, 6525, 6529-653I, 6533, 6534, 6536, 6539-6544, 6546-655I, 6554-6558, 6563-6566, 6588, 6570, 6573, 6575, 6578, 6579, 6583, 6584, 6586-6595, 6598, 6599, 6602-6604, 6606-6609, 66II, 66I2-66I5, 66I7-6620, 6624, 6626, 6628, 663I, 6636, 6638, 664I-6644, 6647-6650, 6652, 6656-6659, 666I, 6667, 6669-667I, 6673, 6674, 6682, 6684, 6686, 6689-6692, 6699, 670I, 6708, 67I5, 67I6, 67I9, 672I, 6724, 6725, 6727, 673I-6733, 6735-6737, 6739, 6740, 6743, 6757, 6758, 676I, 6766, 6769, 6775, 6776, 678I, 6782, 6783, 6790, 6792, 6794, 6795, 6799, 6803, 6808-68I3, 68I7, 68I9, 69I0-69I6; кроме того, статьи 6904, 6905 - пусты.

Имеются пропуски-обрывы текста, оставлены в сборнике недописанные обозначения лет статей, незаполненные строки листов, невосполнена утрата материала. (См. об этом л.260, 287, 294 об., 320 об., 356 об., 357, 357 об.).

Значительная часть пропущенных статей в Рогожском летописце ведет нас непосредственно к его исходному материалу. Но некоторые из них читаются в источниках летописного памятника, которые прослеживаются в отразивших их других летописях. И они могли быть утрачены как по линии сокращения, так и по причине порчи явно дефектного экземпляра Рогожского летописца, вошедшего в состав Рогожского сборника.

Русская летопись, начинающая свой рассказ от расселения славян, объединена в его гл.29 с двумя другими небольшими летописными сочинениями, которые озаглавлены: "Отъ шестоденьника. Пръвобытнъй летописецъ" и "Летописецъ въкратце изложенъ отъ Адама и до сего дни:". Вместе они представляют новый самостоятельный памятник. Интересно, что в т.ХУ ПСРЛ все эти три сочинения были опубликованы как один

источник - Рогожский летописец, которому предшествовало, вероятно, существование Летописца 1412 г. в отдельном виде.

Итак, имеются все основания сделать вывод, что Рогожский летописец является более ранним сочинением, чем включающий его историко-канонический сборник 40-х гг. XV в. В распоряжении переписчиков этого сборника находился уже бытующий летописный памятник.

-
- 1 Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1906 год. СПб., 1908. Вып. 19. С. 53; Там же за 1907 год. СПб., 1908. Вып. 20. С. 18-19; Там же за 1913 год. СПб., 1914. Вып. 26. С. 54.
 - 2 См. публикацию: Православный Палестинский сборник. СПб., 1896. Т. 16. Вып. 3.
 - 3 ПСРЛ. М., 1965. (Фототип. воспроизв. текста изд. 1922 г.). Т. 15. С. П, IV, УШ.
 - 4 Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография. М., 1966. С. 31-33.
 - 5 Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979. (Фототип. воспроизв. текста изд. 1928 г.) С. 171-174, 232; Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967. С. 132-135, 140.
 - 6 Карский Е. Ф. Указ. Соч. С. 243; Щепкин В. Н. Указ. соч. С. 44-45; Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Указ. соч. С. 41-42.
 - 7 Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
 - 8 Тромонин К. Я. Знаки писчей бумаги. Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамоты, рисунки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов. М., 1844.
 - 9 Briquet Ch.-M. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier des leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. Genève, 1907. Vol. I-IV.
 - 10 Тромонин К. Я. Указ. соч. С. 2; Щепкин В. И. Указ. соч. С. 201-205.

АПОКРИФИЧЕСКИЕ КНИГИ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ТВОРЧЕСТВО
МАКСИМА ГРЕКА

Первая половина XVI в. была одной из самых сложных эпох в истории русского православия. Разгул еретических движений рационалистического направления, начавшийся в конце XV в., не прекратился, несмотря на усиленную борьбу с ними. Падение Византии вызвало резко ослабление православия на Балканах, где православие перешло на положение религии, которую едва терпят в мусульманской стране. Одновременно усиливается и католическая пропаганда среди православных. Характерно, что и еретики, и католики в первую очередь стремились нанести удар по традициям, сложившимся в русском православии на протяжении шести веков, по "Священному преданию", которое во многом и определяет сущность православия¹. Идеологи еретических движений требовали целиком отказаться от сложившихся религиозных представлений, отбросить их, как ненужный балласт.

С другой стороны, в уязвимое положение русская церковь была поставлена и своими иерархами, не сумевшими до XVI в. упорядочить церковное предание, выработать какие-то определенные принципы, с которыми православному читателю можно было бы подходить к анализу различных текстов, бытовавших в русской книжности. Первым подобную попытку предпринял Максим Грек, она коснулась и апокрифических книг.

Хотя о творчестве Максима Грека написано много, проблема влияния на него апокрифов изучена еще недостаточно². Исследование затрудняет то, что Максим Грек редко напрямую цитировал апокрифические книги, ограничиваясь простым пересказом текста. Это создает сложности даже при попытке выяснить, какой именно неканонический или легендарный текст имел в виду православный богослов. Но пытаться сделать это необходимо, так как без анализа подобного влияния теологическая позиция Максима Грека остается недостаточно ясной.

Основные принципы, применяющиеся при анализе любого текста, претендующего на догматическую истинность, Максим

Грек сформулировал в поучении "Слово обличительное, вкупе и развращательно лживаго писаниа Афродитиона, персянина зломудрегаго": "Подобае же ведати, яко всяко писание треми некими свойствы изрядне достоверное и твердо имат: аще убо от благовернаго и соборной церкви знаема и знаменитаго описателя сложено бысть; второе, аще по всему согласует, яко же предречеса, апостольским догматом и преданием; третье, аще и то само к себе, по всему согласует, а нигдеже разминует"³. Можно с достаточной долей уверенности предположить, что выработанным принципам Максим Грек следовал во всех своих сочинениях. Еще В.С. Иконников отмечал, что Грек всегда строго относился к достоверности того или иного средневекового предания, придирчиво рассматривал содержание неканонических текстов⁴.

Но в таком случае следует отметить и одну странность в критике им апокрифических текстов — из всего корпуса апокрифических книг Максим Грек выбирает для критического анализа апокриф о "рукописании" Адама, псевдоэпиграф об Иуде и два сочинения, которые, хоть и включались в "индекс отреченных книг", с трудом могут быть названы "настоящими" апокрифами — "Сказание Афродитиана" и "Луцидариус"⁵. Оба последних произведения представляют собой разновидность текста, переходного от апокрифа к сказочной повести ("Сказание Афродитиана") или от апокрифа — к словарю или диалогу на богословскую тему ("Луцидариус"). И то и другое сочинение должны быть отнесены к произведениям, содержащим апокрифические сведения, но никак не к собственно апокрифам или псевдоэпиграфам.

В поучении против "Сказания Афродитиана" Максим Грек замечает: "Елма же и к прочим многим, еретическим списанием, но итса и некое блядивое списание Афродитиана некоего персянина о вочеловечении Господа и Спаса нашего Иисуса Христа и у неких православных, ненаказанием недугующих опасного разума богодухновенных писаний честно и прелюбно, принеси убо истязуем с прилежным искусством истиннаго разума богодухновенных писаний, аще убо по всему согласует им и шествует или ни"⁶. Максим Грек отвергает "Сказание..." по всем

пунктам догматического анализа и утверждает: "Да отступим убо такового лживаго писания, да не и сами соосужени ему будем"⁷. Само сочинение объявляется "бесовским научением": "А словеса Афродитианова не словеса Божия, но истуканных бесовских прелщения на пагубу слушающим и"⁸.

Против "Луцидиариуса" Максим Грек выступает еще и как против книги, заимствованной из западной книжности, и следовательно, содержащей в какой-то мере католические идеи. В "Послании к некоему мужу поучительно на обети некоего латнина мудреца" он сосредоточивается на полемике с католичеством, а не с неканоническими текстами, используя в качестве контрдоводов сведения из псевдоэпиграфов. Так опровергаются сведения о главе Адама, сочинении Енохом алфавита и о жизни Мелхиседека: "Афанасий бо великий во слове, еже о страсти Спасове и о кресте глаголет сице: повесть от отец дойде до нас, яко глава первозданнаго Адама принесена бысть потопом, иже при Нои от Востока в Иудею и остала на Голгофе Божиим мановением, да освятится кровию нового Адама... Сиф же третий сын Адамов, первый обрете письмена, яко же яже пишет Иосиф иудеянин... Царства Мелхиседека 113 лет, неродослови же речеся, зане же не бе от семени Авраамле, бысть бо родом хананеянин и от проклятого семени прозяб; тот же на родословию сподобися святыми книгами, но и Салим, в нем же царствовал, многословутый Иерусалим есть, по приложению же складу Иеру по Салиме, приеми склад сий Иеру, по совокуплению Иерусалим именовался"⁹.

Здесь Максим Грек явно использует информацию из псевдоэпиграфических сказаний "Слово о крестном древе" и "Слово о Мелхиседеке", приписывавшихся Афанасию Великому, а также из входившего в хронографы и Палею апокрифа о Сифе, восходящего еще к древнеиудейским сказаниям¹⁰. Грек очень тонко указывает на различие в предании о Мелхиседеке в его католической и православной версиях - в православном псевдоэпиграфе Мелхиседек называется хананеянином, а в католических текстах, в том числе и в "Луцидиариусе", о Мелхиседеке говорится, что "его же Латини глаголют быша Сима, Ноева сына"¹¹.

Из апокрифов в точном смысле этого слова Максим Грек осудил ветхозаветный апокриф о "рукописании", данном Адамом дьяволу, : новозаветный псевдоэпиграф об Иуде-предателе, приписывавшийся Апполлинарию. В "Инокса Максима Грека сказании о рукописании греховнем" отмечалось: "Последним неведением и неискусством святых писаний недугует воистину глаголей, яко первозданний Адам дал на себя прельстившему его дьяволу рукописание вечных работ"¹². Утверждение, что дьявол "прельстил" Адама, Максим Грек еще раз повторяет в своей "Похвале Адаму пръвъзданному": "Аще и к худшему паче и паче препадают, оного блаженнаго и боговиднаго образа суть замышления невазорна и непорочна пребываща, дондеже богопротивный и отступник, и прелестник диявол его не отвалил твердости его, и стояния, и поревал его в стремнинах, и в пропастьех, и мрачных местах"¹³.

Подобные высказывания Максима Грека наводят на мысль, что он не был знаком с таким текстом апокрифа "о рукописании Адамовом", где присутствует оправдание поступка Адама тем, что тот знал о грядущем Первопришествии и сокрушении дьявола¹⁴. Вероятнее всего, "христианизация" текста этого ветхозаветного апокрифа произошла именно в начале XVI в., когда происходило формирование концепции "единой священной истории" в русском средневековом православии¹⁵. В "Похвале Адаму пръвъзданному" Максим Грек уже проявляет себя как сторонник этой концепции, используя в своем сочинении образы из апокрифических сказаний о сохождении Христа в ад: "Но едиnorodный сын и слово Божие предвечное ущедрив человека, акы прелчена змиею, от недр отчих неотлучно съшед и възмошьяся от Духа свята и пресвятыя, и приснодевы Марии, и честным крестом своим, и страстию низложив супротивника и съшед в длнейшая части земныя, отуде извель падшаго пръвъзданнаго, отдав образу прежную доброту, и естеству древний сан, и тако изчезе вся мучителява могутства"¹⁶.

В слове о сказании псевдо-Апполлинария об Иуде Искариоте Максим Грек выступил против бытовавшего предания о том, что Иуда не удавился сразу после возвращения 30 серебряников, но еще прожил достаточно долго, и все окружающие видели

его "опухла презельне", как "дивое некое страшно подлежаща"¹⁷. Грек стремился "малыми отведевати убо о истине евангельстей, обличити лжу неправды и неискусно приклоняющих ухо свое лжи возвратити ко истине евангельстей и увещевати их не мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати"¹⁸. Все положения псевдоэпиграфического сказания Максим Грек опровергает, приводя примеры из Евангелия от Матфея и Деяний Апостолов¹⁹.

Но на этом сказании фактически заканчивается список апокрифических сочинений, подвергнутых Максимом Греком критике. Гораздо больше апокрифов и псевдоэпиграфов использовалось им как сочинения почти канонические по своему статусу, как часть признававшегося всеми "церковного предания".

Сведения о героях Ветхого Завета, отсутствовавшие в канонических книгах, Максим Грек предпочитал заимствовать из Палеи хронографической. Из Палеи взято истолкование сжета о теле Моисея в "Словесах супротивна противу глав Самуила Евреина": "Ни о Моисеи глаголет, яко рече на небо, но яко умре и погребен бысть всяко архангелом Михаилом, иже и стязашеся с диаволом о телеси Моисеове, егда и запрети диаволу Михаил, рек: "Да запретит ти Господь, диаволе", и тако, отступившу диаволу, погребено бысть тело Моисеово на горе оной"²⁰.

Использовал Максим Грек апокрифы и в полемике с суеверными учениями рационалистического характера (особенно с астрологией). В антиастрологическом "Послании господину Федору Карпу Ивановичу" он утверждал: "Якоже паки презирающим сие боголюбезное жителство и все возвращающе преданные благочиния, не успеют ни в чем, аще и самого Сифа и Еноха, первых счинивших астрологию твою, с собой имеют"²¹. О Сифе, в подобном контексте, упоминается в Палее хронографической 1477 г.: "Сии же Сиф нарече 4 времени, лет, и годы, и месяцы, и имена звездам"²². Подобная информация имеется и в Хронографе русском редакции 1512 г., сочинении, где явно прослеживается идея единства священной истории²³.

Сложнее с идентификацией источника, где упоминается Енох. Самое подробное Палейное сказание об этом ветхозаветном

патриархе обнаруживаем в Палее исторической: "Рождешюся Енохоу, бысть муж благ и благочестив, исполняя господные хотения, и не прельстися в советех исполинских, тогда оубо бяху исполини. Престави же ся Енох по Божию поведению, и не оуведе человек преставления его"²⁴. О "заслугах" Еноха в создании астрологии говорится только в полной редакции апокрифа "Книги святых таин Еноха", а именно в словах 13 и 15, где рассказано, за сколько часов движется солнце над землей и сколько дней в лунном и солнечном годах²⁵. В слове же 36 сказано от лица самого Еноха: "Аз измерых, и исписах звезды, и много множество безчисленно, кый человек виде превращения их, аз же имена всех написах, и солнечный круг измерых, и луна измерых, часы изчтох"²⁶. Так что подобную информацию Максим Грек мог позаимствовать только из полной редакции "Книги Еноха", что косвенно подтверждает ее существование в средневековой книжности еще в первой половине XVI в. Древнейший из дошедших до нашего времени списков полной редакции — болгарский, который датируется серединой XVI в.)²⁷.

Как доказал Д.М.Буланин, Максим Грек активно занимался переводами из "Лексикона Свиды", откуда он извлекал, в первую очередь, неканонические тексты, дополнявшие "Священное писание" — "Наказание о патриархе Аврааме", "Сказание о Мелхиседеке", отрывок о Серухе и, возможно, "Сказание о Сивиллах, колико их были"²⁸.

Судьба ветхозаветных героев уточнялась Максимом Греком и с помощью эсхатологических апокрифов: он заимствовал из "Вопросов Иоанна Богослова к господу на горе Фаворской" прочтение об обличении Енохом антихриста, соединив его с историей о вражде между патриархами Ламехом и Енохом: "Егда же и Ламех, не иже от колена праведного Сида, но иже от проклятого племени Каинова считаем, два брата убил праведного Еноха и жены их взя Еддану и Селану. Енох же праведный помолвися Богу, да сицеву смерть не узрит. Услышав бысть молитва его, преложил бо его жива скорый на заступление всем призывающим его истинноу, яко же писано есть иже обреташеся

Енох в сродниках его, его же по человеколюбивому смотрению соблюдает живе до явления богопротивника антихриста, да тем и блаженным Илиею просветит и утвердит в вере и в любви своей благоверный язык христианский и обратит к нашей необлазненной непорочной вере, елицы достойни спасению от иудейского языка у Бога взомнятся, вкупе же да и нечестивого богопротивника оного обличит и объявит лжива и лестца, содеянными тогда предивными чудесы от преподобных пророк своих"²⁹. Максим Грек соединяет здесь повествования из канонического "Откровения Иоанна Богослова" (II; 3-6) и апокрифического сочинения "Вопросы Иоанна Богослова к господу"³⁰.

В еще большей степени использовал Максим Грек сведения из апокрифов в посланиях, посвященных отдельным эпизодам Нового Завета. В "Повести о воздвижении пресвятыне Богородицы хлеба" он опирается на псевдоэпиграф Иоанна, архиепископа Солунского, об успении Богородицы" и "Слово о возвышении панагии, како бысть и чесо ради", когда говорит о видении Богородицы во время "воздвижения хлебов" и, особенно, при рассказе о приходе апостола Фомы к гробу Марии: "Приходит же и той, по трех днех, на облацех, и по гробу скоро приспевает с прочими священными апостолами на поклонение кивоначального тела Богоматере, и Божиим повелением, неизглаголаным и неизреченным, отверзше гроб видети и поклонитися, обретесе тош, кроме пречистаго тела Богоматере"³¹.

Аналогичный рассказ встречаем и в Хронографе 1512 г. "При сего царствии в I-е лето преставися святая Богородица, жит лет 72. Сидоша же все апостоли на облацех, елица и преставишася, и с пением положиша ю во гробе. Фома же един по Божию смотрению оста и по трех днех прииде, имый пояс пресвятыя Богородици: "Егда, рече, восхищен бых на облаце и видех святую Богородицу, грядущую во врата небесная со множеством ангел и даст ми пояс свой". И целоваше пояс и шедше, отверзоша гроб, еже поклонитися Фоме, и не с тоша телеси ея, токмо погреба"³². И у Максима Грека, и в Хронографе псевдоэпиграфическое "Слово Иоанна, архиепископа Солоньскаго на оустение Пресвятыне Владычица наша Бого-

родицы" дополняется отрывком из апокрифического "Слова Иоанна Богослова на Успение Богородицы": из него заимствовано описание прихода апостолов на облаках, а из первого псевдоэпиграфа – поклонение гробу Богородицы опоздавшего Фомы: "По сих же прииде Фома апостол, понеже бе остал, и ть поклонитися и целовати пречистое тело. Гробу же отверсту бывшу, тело оубо не обретеса"³³.

Возвеличанию Богородицы посвящено и "Инока Максима Грека вопрошение известно от неких: почто от тридневного воскресения Христовы до Фомины субботы не воздвизают пречистые хлебца, токмо артус воздвизают и глаголет диакон "Христос воскресе", и потребляют артус в Фомину субботу", где святость Богоматери подчеркивается при помощи сведений, почерпнутых из ее апокрифического жития: "А пречистая тогда ходила с апостолом Иоанном во святую гору, кораблем, и пристав корабль на пристанище на том месте, где стоит Иверский монастырь и донныне, и от того места пошла пречистая со Иоанном апостолом пеша на то место, где ныне стоит монастырь Ватопед, а на том месте : ли еллыны некрещены. И вопросили еллыны апостола Иоанна, глаголюще: которая тая честная жена? И отвща им апостол Иоанн: то есть мати Иисусова – и поклонилс я ей. И она многа сотвори чудеса, и крестилися многие на том месте"³⁴.

С апокрифическим житием Богородицы связано послание Максима Грека Василию III об устройстве Афонских монастырей (1518–1519 гг.)³⁵. В послании сказано: "Гора убо Афон преименована последи гора святая ради пришествия, бывшего в ней древл, якоже древняя весть предает, еше живе Богоматери, егда к Кипру прехожаше видети Лазаря, и ради крайние добродетели и святини подвизавшихся божественных мужей в ней древними времени"³⁶.

В своих сочинениях Максим Грек поддержал также концепцию особого значения Первопришествия для всего мира (а не только для иудеев). Эта концепция на Руси до Максима Грека была наиболее четко выражена в Хронографе русском редакции 1512 г., а впоследствии активно развивалась в переработках

ветхозаветных апокрифов. Чтобы показать, что пришествие Христа ожидал и языческий мир, Грек цитирует апокрифические высказывания "еллинских мудрецов" и пророчества Сивилл: "Но еще и мнози от еллин премудрых музей предуведения, Богу открывшу им, и в своих писаниях положишиа, овы убо гадательно и сокрытиа, овы же яснее и открыты. От них же первый есть Орфей, древний дворец премудрейший у еллинех, глаголет о Христе, яко он хочет родитися от Девы Марии. А премудрая пророчествия волховницы Сивиллы о явлении Спаса Христа и спасительных его страстей, и еже из мертвых воскресении Его же и всех от века умерших, коели жесточайше сердце и душу неверну не возмогут умягчити и увещевати, исповедати единого истинна и всесиленнаго Бога быти, распята бывша, Христа Иисуса, при понтийском Пилате? Откуда же найде ей такова о Христе пророчествовати? Яве всяко, яко от Бога просвещена бысть строительна, да не токмо от богодухновенных писаний еврейских имать извеждение божественное, еже о Христе таинство, но еще и от самых отчуженных Бога эллин"³⁷. О пророчествах греческих мудрецов говорится также в Хронографе 1512 г., только более подробно и со смысловыми расхождениями — единственное пророчество, повествующее о Богородице, в Хронографе приписано не Орфею, а неизвестному "стоику": "И стоик рече: "почтем Мариям, яко добре скрившуоу таинство, от неа бо хочет родитися Христос"³⁸.

"Сказание о Сивиллах:" однозначно воспринималось Максимом Греком как неканоническое произведение, содержащее истинные сведения. Кроме описания пророчества сивиллы в цитированном "Слове обличительна на агарянскую прелесть и умыслившего ея сквернаго пса Маомефа", среди сочинений Грека существует и отдельное "Сказание о Сивиллах, колико их есть было", где сказано: "Ведомо же да есть тебе, яко Сивиллы быша в различных странах и летех числом 10 их: первая убо Хаддея, еже и Еврема именуема именем же способным Самвифи, 2 Ливиса, 3 Делфиса, 4 Италиса, 5 Ерифрея, еже предлаже о брани Троя, 6 Самия, еже и особным именем Фито именуется, о ней же списа Ерастостен, 7 Кимея еже и Амалфия, и

Ерифрими именована бе, 8 Еллиспонтьская, 9 Фригия, 10 Тибуртия, еже и Алвуня"³⁹.

И здесь, и в "Слове обличительные..." Максим Грек кратко пересказывает "Сказания о Сивиллах", иногда приписывавшиеся "мудрецу Маркусу"⁴⁰. Сказание излагается им более сжато: из него выбрасывается описание внешности сивилл и сделанные ими пророчества. В данном случае это не интересовало Максима Грека — он и пользовался одним легендарный текст для критики другого. С помощью "Сказания о Сивиллах" опровергалось сказание о царице Савской, якобы тоже пророчицы: "И не едина от них ни южска была родом, сиречь Ефиопльска, ни царица Ефиопии. И вси те книги пророчьская списали поеллиньски, сиречь по-гречьски"⁴¹.

Как видно из вышеказанного, Максим Грек активно использовал апокрифы в качестве неканонической литературы в своих сочинениях. Следует, однако, обратить внимание, насколько существенно его позиция в этой области отличалась от официальных взглядов русских иерархов этого времени. Если такие различия существовали, то отход от официальной теологии, скорее всего, был бы поставлен в вину Максиму Греку на соборных судах 1525 и 1531 гг.

Еще при первой публикации "Судных списков Максима Грека и Исаака Собака" Н.Н.Покровский отметил исключительную абсурдность обвинений, выдвинутых против Грека в богословской области⁴². Обвинители не гнушались даже откровенной клеветы: "Да ты же, Максим, волшебными хитростями еллинскими писал еси водками на дланех своих, и распростирая те длани свои против великого князя, также и против иных многих поставляя, волхвуя"⁴³. Здесь же: "И ты, Максим, не токмо о тех своих претреченных хулах не каешься, но и еще прилагаешь зло ко злу: еллинскими и жидовскими мудрованиями и чернокнижными их хитростями волшебными, отреченными от христьянского закона и жития хвалишиися, и возносишиися, и многое христьянство прельщаеши, и губиши"⁴⁴.

Формальность теологических обвинений подчеркивается использованием выражений, сходных с теми, что употребляет митрополит Зосима в своем "Поучении по случаю соборного

осуждения еретиков жидовствующих": "И там быша еретици и врази Христове церкви, прелестници и отступници, губителие душ православных человек, зовущеся священници, и поныне сокрывающеся от человек и тайно пищуше, и учат держати книги отметные, и похваляют в себе отреченный ветхий закон, и веру жидовскую хвалят, поношаеся речьми и глаголаше хулу на Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, и на пречистую его Богоматерь, и святым иконам ее не поклоняют и называют иконы идолы; а великих святитель русских Петра и Алексея, Леонтея и Сергия чудотворцев, и иных святых преподобных отец многих укоряху, речи хулныя на них возлагают, паче же и не почитают их"⁴⁵. Но если обвинения в адрес еретиков были справедливы, то в соборном осуждении Максима Грека подобные высказывания выглядят просто ритуальной формулой: "Да ты же Максим, святых великих чудотворцев Петра, и Алексея, и Иону, митрополитов всея Руси, и святых преподобных чудотворцев Сергия, Варлаама и Кирила, Пафнутия и Макария укоряеши и хулиши..., что еси преже сего много хулил на Господа Бога, и на Пречистую Богородицу, и на святых великих отцев и чудотворцев, и на церковныя чины, и уставы, и законы, и на монастыри"⁴⁶.

Максиму Греку были приписаны и откровенно антихристианские взгляды: "И владыка Досифей спросил Максима: Чего для говорил еси многаяжды многим людям так: Христос взнеде на небеса, а тело свое на земле оставил, и то де тело промеж неких гор ходит по пустым местом, а от солнца погорело и почернело, аки главня"⁴⁷.

В то же время интерес Максима Грека к апокрифическим книгам, активное цитирование их в собственных произведениях, видимо, не казался чем-то криминальным его противником. В самих "Судных списках..." существует ссылка на новозаветный апокрифический сюжет: "Ино то волдование еллинское и еретическое, яко Симон волхв вся везде ведети глаголаше себе, и мечтаньями волхваньями взят демоны к воздушн..." высоте, его же верховный апостол Петр от воздушные высоты низверг на землю, смерти предаде"⁴⁸.

Теологическая же концепция "священной истории" у Максима Грека и у его оппонентов совпадали. Вот как видят составители "Судных списков..." взаимоотношения событий Ветхого и Нового Заветов: "Соломоново от иже в пении, еже от Луки Евангилия в главе 45. Се прииде скача по горам, играя по холмам. Еже есть Христос праведное солнце, скача по горам, се же есть на пророцех. Играя по холмам, еже есть на апостолах. Се же рече и божия мудрость. По сих прииде в душах праведных, будет со, рече, в последняя дни яви гора господня, иже есть церкви. Что же есть скакание слова? Скочи с небесе во утробу девицю, скочи из ложесн на крест, скочи со креста во ад, паки выскочи изо ада на землю, от новаго воскресения паки скочи от земли на небо и седе одесную отца, паки придет судити на землю"⁴⁹. Таким образом, в событиях и тексте Ветхого Завета они также видели прообраз событий Нового, а при описании Первоприсшествия использовали данные апокрифических книг (упоминание "схождения в ад").

Расхождения с Максимом Греком (и другими сторонниками греко-византийского православия) начинались на уровне отношения к сложившейся церковной традиции. Сторонники русского средневекового православия стремились сохранить русское "Священное предание" во всей его полноте, не допуская критики даже неканонических, но авторитетных в среде верующих, произведений. Так произошло, например, со "Сказанием Афродитиана", которое, несмотря на уничтожительную критику Максима Грека, было внесено в "Великие Минеи Четьи", да еще в трех вариантах: "На рожество Христово сказание Афродитиана с бывшем в прьстеи земли чюде"; "Слово на рожество Господа нашего Иисуса Христа и о звезде Оураии, иже в прьсех"; "Повесть Афродитиана Персянина от Филиппа Презвитера и списавшиа се сиггела бывша великаго Иоанна Златоуста, о рождестве Христове, о звезде и о поклонении вольхвом, иж от прьсиды" (ВМЧ от 25 декабря)⁵⁰.

Концепция же "священной истории", разрабатывавшаяся Максимом Греком, была очень близка к концепции единой "Священной истории" Ветхого и Нового Заветов составителей Хронограф редакции 1512 г. (по мнению Б.М.Клосса - старцев

Иосифо-Волоколамского монастыря)⁵¹. Отношение к апокрифическим книгам у Максима Грека также сходно с воззрениями архиепископа Геннадия Новгородского (относительно книги Еноха) и составителей хронографического свода 1512 г.⁵² Из этого можно сделать вывод, что расхождения в чисто теологическом плане (и особенно в области осмысления единства "Священной истории") между сторонниками греко-византийского и русского православия были незначительны, что представители того и другого направления одинаково благотворно повлияли на становление историсофской теории мирового развития в русской теологии. Определенное единство существовало и в отношении к апокрифическим книгам: большинство их воспринималось как естественная часть "Священного предания", как неканоническая литература, заслуживающая полного доверия.

-
- 1 Федотов Г.П. Православие и историческая критика // Вопросы философии. М., 1990. № 8. С.146.
 - 2 Подробная библиография приведена в "Словаре книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV-XVI в." Л., 1989. Ч.2. С.95-98.
 - 3 Максим Грек. Сочинения // Православный собеседник. (Далее - ПС). Казань, 1862. № 7. С.126-127.
 - 4 Иконников В.С. Максим Грек. Киев, 1863. Вып. I. С.146-147.
 - 5 Об определении термина "апокриф" см.: Елисеев Г.А. Апокрифические тексты в средневековой русской историсофии // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А.Л.Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. М., 1991. С.88.
 - 6 Максим Грек. Сочинения. № 7. С.126.
 - 7 Там же. С.141.
 - 8 Там же. Казань, 1862. № 9. С.149. Подробный разбор истолкования Максимом Греком "Сказания Афродитиана" сделан В.С.Иконниковым. См.: Иконников В.С. Указ. соч. С.137-143.
 - 9 Максим Грек. Указ. соч. // ПС. Казань, 1862. № II. С.234-236. См. также: Иконников В.С. Указ. соч. С.144-145.
 - 10 Толковая Палея 1477 г. СПб., 1892. Л.77 об.-79; XI граф 1512 г. // ПСРЛ. СПб., 1911. Т.22. Ч.1, С.27-28.
 - 11 Иконников В.С. Указ. соч. С.145.

- 12 Максим Грек. Указ. соч. // ПС. Казань, 1860. № 9. С.533.
- 13 ОР РГБ. Румянцевское собр. № 264. Л.46. См. также: Клибанов А.И. К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека // Византийский временник. М., 1958. Т.13. С.171.
- 14 Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т.1. С.12.
- 15 Подробнее о концепции единой "священной истории" см.: Елисеев Г.А. К вопросу о роли апокрифических текстов в формировании единой каноники христианской истории // 40 лет научному студенческому кружку источниковедения истории СССР. Сб. научных студенческих работ. М., 1990. С.89-92.
- 16 ОР РГБ. Румянцевское собр. № 264. Л.47; Клибанов А.И. Указ. соч. С.172.
- 16 Филарет /Гумилевский/. Максим Грек // Москвитянин. М., 1842. № II. С.70; Иконников В.С. Указ. соч. С.151.
- 18 Иконников В.С. Указ. соч. С.151.
- 19 Там же. С.152.
- 20 Максим Грек. Указ. соч. // ПС. Казань, 1859. № 3. С.60. Ср.: Толковая Палея 1477 г. СПб., 1892. Л.251 об.
- 21 Максим Грек. Указ. соч. // ПС. Казань, 1860. № 2. С.358.
- 22 Толковая Палея 1477 г. СПб., 1892. Л.56 об.
- 23 Хронограф 1512 г. // ПСРЛ. СПб., 1911. Т.22. Ч.1. С.28.
- 24 Почов А. Книга бытия небеси и земли // ЧОИДР. М., 1881. Кн.1. С.14.
- 25 Попов А. Библиографические материалы. М., 1880. Т.П-УП. С.135-136.
- 26 Там же. С.119-120.
- 27 Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София, 1925. С.165.
- 28 Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984. С.141-144, 166-167.
- 29 Максим Грек. Указ. соч. // ПС. Казань, 1861. № 4. С.189-190.
- 30 Тихонравов Н.С. Указ. соч. Т.2. С.176.
- 31 Максим Грек. Указ. соч. // ПС. Казань, 1861. № 6. С.106-107.
- 32 Хронограф 1512 г. С.241.
- 33 Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки // Сборник ОРАС. СПб., 1890. Т.52. № 4. С.273-274, 294.
- 34 Максим Грек. Указ. соч. // ПС. Казань, 1861. № 6. С.111.
- 35 Синицина Н.В. Послание Максима Грека Василию III об устройстве Афонских монастырей (1518-1519 гг.) // Византийский временник. М., 1965. Т.26. С.110-136.

- 36 ОР ГИБ. Новг.-Соф. собр. № 1498. Л.289 об.-290.
- 37 Максим Грек. Указ. соч. // ПС. Казань, 1861. № 5. С.114.
- 38 Хронограф 1512 г. С.164.
- 39 Максим Грек. Указ. соч. // ПС. Казань, 1862. № 12. С.282.
- 40 ЦГАДА. Ф.196. Оп.1. № 240. Л.10.
- 41 Буланин Д.М. Указ. соч. С.167.
- 42 Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971. С.64.
- 43 Там же. С.98. (Цит. по Сибирскому списку).
- 44 Там же. С.100.
- 45 РИБ. СПб., 1880. Т.6. Стб.785-786.
- 46 Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971. С.99-100.
- 47 Там же. С.109.
- 48 Там же. С.98.
- 49 Там же. С.95.
- 50 Горский А.В., Невоструев К.И. Описание Великих Четьих Минеи Макария, митрополита всероссийского // ЧОИДР. М., 1884. Кн.1. С.94-96.
- 51 Клосс Б.М. Иосифо-Волоколамский монастырь и летописание конца XV - первой половины XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Т.6. С.115-126.
- 52 См. послания Геннадия Новгородского: Попов А. Библиографические материалы. М., 1880. Т.П-УП. С.78-80; Казакова Н.А., Дурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV - начала XVI века. М.-Л., 1955. С.319, 390.

НАКАЗЫ РУССКИМ ПОСЛАМ XVI ВЕКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Руководством для дипломатов во время посольской миссии был "наказ" (инструкция), в котором подробно перечислялись цели и задачи посольства: возложенные на посла поручения, его обязанности и нормы поведения в иноземной стране, а также излагались речи и ответы на возможные вопросы иностранцев. Кроме того, в указы входили предписания о сборе сведений, касающихся положения дел в государствах, куда направлялись послы, а также в других странах. Таким образом, указы содержали подробнейшие указания не только на задачи посольства, но и на то, как их выполнять. Указы — это важнейшая составная часть документации почти всех посольств. Они являются ценным источником о внутренней и внешней политике, экономическом положении России, степени информированности Посольского приказа. В некоторых случаях они выражают официальную, правительственную концепцию тех или иных событий, подготовленную специально для распространения за рубежом.

При подготовке указов использовался архив Посольского приказа. Для успешного выполнения посольской миссии необходимо было учесть предыдущие дипломатические поездки в данную страну. Думный посольский дьяк просматривал и правил черновики указов.

Тексты указов можно разделить на 2 части: 1) изложение задач посольства; 2) высказывания иностранных дипломатов и предполагаемые (гипотетические) вопросы русским послам, а также возможные ответы последних. Часто, не дожидаясь возвращения посольства, правительство требовало от дипломатов присылки соответствующих "вестей" с пути.

Формуляр указов фиксируется уже в самых ранних посольских книгах конца XV — начала XVI в. Тогда же начинают разрабатываться варианты предполагаемых вопросов и высказываний иностранных дипломатов, которые в определенной системе употреблялись почти во всех указах. Первые разновидности гипотетических

тических вопросов встречаются в посольской книге по связям России с Крымом (№ I, 1474-1499): 1) "И учнет царь говорити о том..." "И послу говорити так..." 2) "И взмолвит царь так..." "И послу молвити царю так..." 3) "А вопросит царь "о том"... "Ино молвити так..." 4) "А будет послу тамо весть, что ... " "Ино говорить так..."¹. Подобные же вопросы имеются в посольских книгах по связям России с Священной Римской Империей. (Далее Империей - авт.), датируемых 1488 годом², Польшей (1493, 1503 гг.)³, Ногайской Ордой (1508 г.)⁴, Турцией (1521 г.)⁵.

В посольской книге по связям России с Пруссией (1516-1520 гг.) появляется еще одна разновидность вопросов "Да велел князь велики вспрашивать ..."⁶. В дальнейшем эта разновидность была усовершенствована и приобрела постоянную форму: "Да пытати, как ныне...". Например, русским послам И.В.Лятскому и Е.Цыплятеву, посланным в 1526 г. в Литву, было наказано "пытати, как ныне король с крымским и турецким, и с волошским, и с угорским, и как с немцы с ливонскими, и с свейскими, и с прусскими. И что у них слух, как туретцкой с угорским...". Наиболее актуальные проблемы внешней политики России в предполагаемых вопросах получили детальную проработку: "А о крымском пытати подлинно, как король с крымским?; кого король в Крым к царю своего посла посылывал ли, или гонцов? И будет послал, и он с чем послал? И царь к нему своих гонцов присылывал ли? И будет прислал, и он сколь давно прислал и с чем прислал? И о всем пытати подлинно"⁷.

Во второй половине XVI в. принципиально новых гипотетических вопросов не появилось. Уже существовавшие формулы были окончательно отредактированы и располагались в наказах в следующем порядке: 1) И будет спросят...⁸; 2) И будет учнут говорити...; 3) И проведывати..."⁹.

В конце XV - начале XVI в. в вопросах типа "И будет спросят" решались следующие вопросы внешней политики России: В отношениях России с Крымом: 1) "отколе королеву (польскую - авт.) землю емлют?" (1492)¹⁰; 2) "князь велики

(Иван III - авт.) отдал ли ему (вел. кн. Литовскому Александру Казимиру вичу - авт.) те города и волости, которые у него поимал?" (I493)^{I1}; 3) "зачем ныне князь велики (Иван III - авт.) своей рати ко мне (хану Менгли-Гирею) - авт.) не послал?" (I502)^{I2}; 4) "как хочет князь велики (Иван III - авт.) сына своего и рать свою послати на Литовскую землю?"; "которые места в Литовской земле сын великого князя воевал?"; "...что немцы приходили во Псковскую землю?"; "кого ныне князь велики пожаловал под собою государства, великими княжества?" (I502)^{I3}; 5) "а только придут к великому князю от литовского послы о миру, и князь велики без меня не помирят ли ся с Литовским?" (I503); "А спросит царь об Абдыл-Летифе (царь казанский - авт.), Ази-Ахмете (астраханский правитель - авт.), Ази-Мусе (астраханский правитель - авт.) как с ними великий князь?" (I503-I515)^{I4}.

В отношениях России с Польшей: 1) "чего для князь велики при казал государь всеа Руси: наперед того отец его, да и он ко отцу государя нашего так не приказывали?" (I493)^{I5};

2) "про Казань, Крым и про турского, как ныне князь велики с Казанью, крымским и с турским" (I526)^{I6}.

В отношениях России с Империей: 1) "почал и наступал на Казимира на короля польского и не с одну сторону, ино что его почин и наступ?"; "которые города и волости князь велики поимал у Казимира у короля у польского?"; "Яз (венгерский король Матьяш - авт.) х. у наступати на Казимира на короля на польского. А князь велики как хочет то дело делати?"; и князь велики не помирят ли ся с королем польским?" (I488)^{I7}.

В отношениях России с Пруссией: 1) "Как ныне великий государь с великим недругом (польским королем - авт.) свое дело делает и вперед как хочет делати?" (I518)^{I8}.

В отношениях России с Турцией: 1) "чтоб Сюлеман салтан... к Магмед-Гирею гонца прислал, чтоб на московскую Украину не ходили?"; "а нечто спросят про литовское дело?" (I521)^{I9}.

Как видно из цитат, "болевыми" точками внешней политики равновесия, которых в Москве "боялись" и заранее готовили для послов на них ответы, были: определение границ с

Польским королевством и Великим княжеством Литовским, военная помощь России со стороны Крымского ханства, взаимоотношения с Казанью, Астраханью и Османской империей. Для определения статуса Российского государства немаловажное значение имело принятие великим князем титула "государь всеа Руси". В качестве союзников России в борьбе с польско-литовскими правителями в наказах послам фигурируют: германский император Максимилиан II, венгерский король Матьяш Корвин, бранденбургский маркграф Альбрехт и султан Сулейман I.

Вопросы типа "и взмолвят" в конце XV – начале XVI вв. в отношениях России с Крымом составляют самую многочисленную группу, часто они повторяются в различных посольствах и здесь выбираются наиболее характерные из них: 1) "яз (царь Менгли-Гирей – авт.) с великим князем (Иваном III – авт.) в братстве и в шерти, и мне на него недругу его королю (польскому – авт.) как помогати?" (1475)²⁰; 2) "ко мне князь велики приказывает, чтобы яз с королем не мирился, а князь велики как не помирят ли ся с королем?"; "князь велики с королем послы ссылается?"; "приказал ли ко мне князь велики о том с собор, чтобы ми своих людей послати на королеву землю?"; "король мне недруг, да и великому князю", и яз на короля иду. А князь велики идет ли на короля?" (1486)²¹; 3) "послы литовские ездят ли к великому князю?"; "а князь велики сам зачем не ходил на литовскую землю?" (1493)²².

В отношениях России с Польшей: "Взмолвит магистр ливонский, что по моей земле вам путь чист и пристава вам дали до короля, а к прусскому магистру с вами своего человека не послати?" (1493)²³; 2) "И взмолвят: как государь ваш (Василий III – авт.) с нашим государем (королем Сигизмундом – авт.) хочет вечного миру и докончанья" (1522)²⁴. В отношениях России с Пруссией: "был у нас съезд в Берлине с моими сродники и с приятели, и умысли ли были есмь с королем (польским – авт.) почати свое дело делати" (1518)²⁵.

Формула "и взмолвят..." употребляется наиболее часто – по содержанию она напоминает больше замечание, чем конкретный вопрос. В постановке внешнеполитических проблем она схожа

с вопросом "а будет спросят...", но ее изложение более многословно.

Вопросы типа "а учнут говорити" в начале XVI в. в отношениях России с Пруссией: "А нечто магистр учнет говорити о том: приказывал яз к великому государю с своим человеком... чтоб себе государь досады не держал на меня про то, что яз замочтал почати свое дело делати з Жигимондом королем; а не почал есми за тем, что обычай есть во всех христианских государех: будет какова промеж их брань, ино первое изъявити своя правда, да потом почати с своим недругом свое дело делати. И яз послал о том к Максимиану своего посла то ему изъявити, которые мне неправые дела остались от Жигимонта короля, и Максимиан тем делом попродолжил. И послам говорити..." (1518)²⁶.

В отношениях России с Турцией: "А учнут говорити: послом и гостем ходити на обе стороны меж нас, и на Дону многие люди зстороканцы, ино послом и гостем ходити нелзе, ино как того беречи?" (1521)²⁷. В отношениях России с Польшей: "А нечто учнут говорити: чтоб князь великий похотел з Жигимондом королем вечного миру и докончанья, а поступил бы ся королю. Да учнут говорити о Гомье, или о Попове Горе, или о Мглине, или о Дрокове, или о Лутцкой волости с Острее, или о иных волостех в ту ж версту, опричь Смольнских волостей, или о Велижской волости учнут говорити, чтоб князь великий которого места из тех одного, или дву поступил ся королю, или о Чернигове учнут говорити, и мир бы вечный и докончанье осталось, а людям бы на обе стороны свобода" (1522)²⁸.

Вопросы типа "а учнут говорити" в наказах послам встречаются гораздо реже предыдущих форм. В отношениях России с Крымом они почти не употребляются. В повествовательной части вопросы более развернуты, но по содержанию часто повторяют предыдущие формы. В рассматриваемый период дифференциации между всеми тремя формами еще не произошла.

Самостоятельное значение имеет устойчивая наказная форма "да пытати...", которая раскрывает следующие внешне-

политические интересы Российского государства XVI в.

В отношениях России с Крымом: "...и пытати в Кафе о всяких вестех про Менгли-Гирея царя, как с литовским и с волошским, и как волошской с туретцким и литовским, и где будет литовской, что его дело; да и про туретцкого ему пытати, где будет и с кем валчит, да и о всем ему о тамошнем деле пытати" (1501)²⁹.

В отношениях России с Пруссией: "Да пытати ... про то; как ныне маистр с королем польским и бывал ли каков человек королев у маистра, и будет бывал, ино какой человек был и с чем к нему король присылал... и о каком деле послал... И как маистр с Максимьяном, от Максимьяна кто у него бывал ли его человек... и как с иными с тамошними государи маистр... и которые с ним князи хотят дело делати ему в пособ на короля... и маистр ливонской хочет ли ему пособляти на короля? Да и про короля ему про полского пытати, где ныне, и что его дело, и отколе в его земле люди прибылые есть ли, и будет есть, ино из которых земель, и многие ли люди?" (1518)³⁰.

В отношениях России с Турцией: "Да пытати кто у салтана больших паш и на котором большее дело земское лежит, и который паша близок у салтана в его жалованье, или будет и не паша, которой человек близок у салтана в его жалованье, или будет диак или иной какой человек близок у него, или которые урядники в его земле, и кто у салтана в котором чину..." (1521)³¹.

В отношениях России с Польшей: "Да пытати... как ныне король с крымским, и туретцким, и с волошским, и с угорским. И как с немцы с ливонскими, и с свейскими, и с прусскими, и что у них слух, как туретцкой с угорским. И что Родос взял туретцкой, и он таки ли и ныне за ним, как ныне с ним туретцкой. Да о всех тамошних делах пытати им подлинно. А о крымском пытати подлинно, как король с крымским, кого король в Крым к царю своего посла посыльвал ли или гонцов, и будет послал, и он с чем послал, и царь своих гонцов присыльвал ли, и будет прислал, и он сколь давно прислал и с чем прислал? И о всем пытати подлинно. Да кого

будет пригоже... пытати собе тайно: бывал ли кто волошского человек у короля; и будет был, и он о кою пору был, и кто именем и к королю ли приезжал; и будет к королю приезжал, и он был у короля; или будет поехал был к великому князю, и он чего дела не пошел, король ли его не пропустил, или сам не поехал, и зачем не поехал; и где ныне, к волохом ли поехал, или ныне у короля?" (1526)³².

Наказная формула "да пытати..." сообщает, что московских политиков прежде всего интересовало международное положение польского короля и крымского хана, отношения Польши с Турцией, Валахией и Венгрией; Крыма - с Литвой, Валахией и Турцией; Империи - с Ливонией, Швецией, и Пруссией; Турции - с Венгрией и Литвой; Пруссии - с Крымом, Империей и Ливонией. Отдельно рассматривались отношения польского короля с крымским ханом, видимо, из-за недоверия к союзнчеству с последним, а также жалованье ближайшего окружения султана Сулеймана Великолепного, вероятно, с целью возможного подкупа и привлечения на свою сторону.

Наиболее частой и долго использовавшейся формулой, которая была разработана Посольским приказом для посольств, возглавляемых князьями и боярами, является следующая: "да пытати... как ныне король" (магистр, султан, хан и т.п. - авт.) 1) с крымским, и...; 2) с цесарем, и...; 3) с польским, и...; 4) с турским, и; 5) с волошским, и; 6) с угорским, и; 7) с немцы ливонскими, и; 8) с шведскими, и; 9) с прусскими, и; 10) с фердинандом чешским королем. Далее следуют вопросы об обмене посольствами между странами. С теми или иными вариациями эта формула использовалась более 50 лет.

Можно представить, как работал Посольский приказ в целом но неизвестно, как составлялись варианты сочетаний предполагаемых вопросов. Возможно, у подъячих были списки формул, которые они применяли, используя копии предыдущих наказов. Однако в первой половине XVI в. встречаются наказы, в которых или нет вообще предполагаемых вопросов, или имеются вопросы, не являющиеся частью выведенной нами формулы.

Во второй половине XVI в. реформы 50-х гг. укрепили Русское централизованное государство и совпали с внешнеполитическими успехами: присоединение Казани (1552), Астрахани (1556) и подчинение сибирского хана Едигера Москве (1555). В 1558 г. с целью приобретения выходов к Балтийскому морю была начата Ливонская война. Но вскоре в стране установился опричный террор, подорвавший ее внутренние силы. Ливонская война, продолжавшаяся 25 лет, хотя и была проиграна, показала могущество России. О силе "москвитов" говорили при европейских дворах, писали иностранные путешественники и дипломаты. Борьба за Прибалтику усложнила внешнеполитические контакты России со своими противниками — Речью Посполитой, Швецией и Данией. Одновременно сохраняли свое значение взаимоотношения с Империей, римскими папами, Пруссией, православными иерархами и монастырями, Персией, Османской Портой, а также Крымом, Ногайской Ордой и Кавказом.

Московское правительство живо интересовалось положением дел в Европе и было озабочено распространением за рубежом сведений о своем могуществе. Источником информации о всех событиях как внутри страны, так и за ее пределами продолжали оставаться наказы. Формулы предполагаемых вопросов в это время получили свое развитие и были значительно усовершенствованы. Они стали постоянной составной частью большинства наказов и, несомненно, облегчали работу служащих Посольского приказа. Наибольшее количество наказов и, соответственно, гипотетических вопросов во второй половине XVI в. было разработано о Польше и Литве. Все вопросы можно подразделить следующими заголовками: I. Польско-литовские отношения с другими государствами; II. Внутренняя политика в Польше и Литве; III. Взаимоотношения других государств.

I. Польско-литовские отношения с другими государствами.

После нападения России на Ливонию в Москве были сформулированы вопросы: "созвал ли король своих солдат, чтобы поддержать ливонцев и почему он не послал их, как поддержка с его стороны будет дана ливонцам в будущем" (1558)³⁵;

"что королево умышление... про царя и великого князя, что ныне говорят и что ныне мысль в Литве о Немецкой земле" (1559)³⁴ Через три года русские послы должны были выяснить, каковы намерения короля и его советников в будущем, собираются ли они заключить мир с царем или воевать, какие советники желают мира и на каких условиях (1563)³⁵. Затем стали задаваться более детальные вопросы, особенно в отношении роли Яна Хоткевича в будущем управлении ливонскими делами (1567)³⁶.

Польско-шведские отношения становятся в Москве предметом более пристального внимания после 1567 г., когда возникла проблема союза Польши и Швеции (1569)³⁷.

Титул германского императора появляется в вопросах в середине 60-х гг. в связи с возможным разводом короля Сигизмунда II Августа и королевы Екатерины, габсбургской принцессы. Польский приказ требует информации о поведении императора и реакции в Польше: "...вперед королевское что умышление о королеве с цезарем, что его о том промысл?" (1567)³⁸.

Вопросы о Дании встречаются редко, первый раз в 1563 г.³⁹, и более подробный в 1571 г.: "А про датцкого короля подлинно проведывати, в миру ли с ним король польской" (1571)⁴⁰

П. Внутренняя политика в Польше и Литве.

Носольский приказ прежде всего интересовало: 1) отношения между польским королем и аристократией; 2) отношения между польским королевством и великим литовским герцогством. Эти вопросы появляются после 50-х гг. в следующих формулах: "...как король теперь живет со своими лордами, перестал ли он с ними бороться; если еще воет, то послы должны узнать из-за чего, какие лорды с ним воют; а в Великом герцогстве Литовском какие лорды с ним не согласны; если таковые есть, кто они, и что они говорят промеж собой о короле" (1550)⁴¹. Вариант этой темы выражен так: "как ныне король со своими паны и со всеми земскими людьми, любят ли его или не любят, и будет не любят, ино за что не любят" (1558)⁴².

В вопросах об отношениях между Польшей и Литвой для Посольского приказа жизненно важной была проблема: собираются ли поляки поддерживать литовцев против России, "как с королем лятские люди, смоливились ли они с литовскими людьми заодин стояти" (1563)⁴³; "заодин ли им королевы земли оберегати, или литовским людям оберегати литовские стороны и польским людям оберегати польские сторона" (1567)⁴⁴. Требовалась также информация о равновесии сил между двумя частями Ягелонского королевства: "и примирились ли литовцы с поляками; и если так, то на каких условиях" (1565)⁴⁵; "которая рада посильнее, польская или литовская, и кто ныне ближних при короле радных панов" (1567)⁴⁶.

Ш. Вопросы, касающиеся отношений других государств.

Из европейских государств в сфере интересов Посольского приказа постоянно находятся только три: Крым, Валахия и Турция.

В 1567 г. появляется вопрос о зависимости Крыма от Турции: "да и калге крымскому с крымскими людьми велел салтан к себе же ийти" (1567)⁴⁷. Но чаще всего встречается стереотипная формула "как крымской с королем (польским - авт.)", затем следуют вопросы об обмене послами между этими двумя странами⁴⁸. Посольский приказ не ограничивал свои интересы в польско-крымских отношениях только польской стороной. Информация о намерениях и политике Крыма в отношении Польши-Литвы также была необходима.

В Валахии применялась та же методика, что и в Крыму. Прежде всего Посольский приказ желал иметь информацию о политике Валахии в Польше и Литве, т.е. "Кто был в этом году послан валашцами к королю? Если кто послан, то когда? И послан ли к королю? Если послан к королю, то видел ли его? В каких одеждах он прибыл, по какому делу"⁴⁹. Вероятно, Посольский приказ был хорошо осведомлен о трудном положении Валахии между Польшей-Литвой и Турцией, и поэтому постоянно спрашивает: "и волошский воевода как с турецким и с литовским?" (1554)⁵⁰. Позже вопрос был детализирован и звучал в такой формулировке: "Про волошского, как его держит салтан турской, и в какове мере, и нет ли ему

от салтана какого насильства" (1567)⁵¹. Внутренней политической интересовались довольно редко, но иногда спрашивали: "кто тепрь воевода в Валахии" (1552)⁵².

В отношении Турции вопросы звучали стандартно: "Каковы отношения Турции с Венгрией"⁵³. Иногда появляется фраза "наряжается ли на угорского и будет наряжаться и он как хочет итти"⁵⁴, а иногда вместо Венгрии фигурирует Богемия или император (1567)⁵⁵. После 1567 г. появляются более детальные вопросы: "Да и того проводывати, что салтан турской ходил на цезаревы городи... и турского салтана людем с цезаревыми людьми каково где бывало ли"⁵⁶. Отношения Турции с другими государствами почти не встречаются, включая отношения с Москвой, о которых спросили толк о в 1571 г.⁵⁷

Заключая тему о вопросах, разработанных для Польши и Литвы во второй половине XVI в., можно сделать вывод, что внимание Посольского приказа было сконцентрировано прежде всего на четырех государствах: Польше, Литве, Крыме, Валахии, Турции. Их внешние и частично внутренние проблемы имели наиболее устойчивый интерес. Международное положение в других частях Европы почти не интересует Посольский приказ. На первом месте стоят страны, расположенные на западных и юго-западных границах. Вопросы сфокусированы на их политике; союзах, войне и мире, королевских бракосочетаниях и разводах. В исследуемом материале почти нет ни одного вопроса об экономике или торговле, реформации и контрреформации.

Чтобы представить работу служащих Посольского приказа более полно, необходимо обратиться к другим типам вопросов второй половины XVI в. и проанализировать ответы, также подготовленные заранее в Посольском приказе.

№ I. Вопросы типа "а нечто спросят..." в отношении России с Империей: "коим обычаем недруг государев крымской, пришед к Москве, и посад пожег?" (1567); "от Корунь полские и великого княжества Литовского послы и посланники у царя и великого князя бывали ли? И царь и великий князь в Литву и к паном радам Корунь Полские и Великого княжества Литовского послов и посланников посылывал ли?" (1576)⁵⁸;

"про Казань и про Астрахань, как ныне Крым и Асторохань государю нашему служат и каким обычаем взял их государь?" (1578)⁵⁹; "а нечто спросят про Нагай" (1592)⁶⁰; "как ныне государь, царь и великий князь с Королевством польским и с Великим княжеством Литовским... про турецкого салтана... про крымского, как ныне государь с крымским царем... про свейского, как ныне государь, царь и великий князь с свейским королем" (1589)⁶¹; "про Кизылбашского шаха, как ныне с государем, царем и великим князем персидской шах?"; "а нечто спросят про Сибирь: сколь давно Сибирское царство взяли государевы люди и какова земля?" (1597)⁶².

В отношениях России с Папским двором: "...как ныне царь и великий князь с литовским с Стефаном королем, или про Полоцк спросят, коим обычаем король Полоцк взял, или про Крымского, как ныне царь и великий князь с крымским царем, или про Лифлянскую землю, за что их государь воет, или про Казань, и про Астрахань, и про Нагай, как ныне государь их держит?" (1580)⁶³; "а нечто учнет задирать и говорить о вере греческой или о римской?" (1581)⁶⁴; "И нечто спросит про Свейского короля, как ныне свейский король с царем и великим князем... про Ливонскую землю" (1581)⁶⁵.

В отношениях России со Швецией: "а нечто спросят свейские послы, на колко ж взято в Ругодиве государя вашего казни и живота всякого и товаров?"; "про Казань и про Астрахань, как ныне Казань и Астрахань в государеве воле... про Нагай... про Сибирь" (1585)⁶⁶.

В отношениях России с Персией: "а нечто будет кизылбашские послы спросят про литовского короля, как ныне государь с литовским королем?"; "...что Крымской Казы Гирей царь ныне сево лета на литовскую землю ходил и что литовской земле учинил?"; "про цесаря римского, как ныне цесарь з государем, и послы от цесаря ко государю бывали ли?"; "про крымского, как ныне крымской Казы Гирей со государем?"; "про турецкого, как турецкой салтан со государем?", "а будет спросят послы про Сибирское царство, как государевы люди то

Сибирское царство взяли?" (1590)⁶⁷.

В отношениях России с Кавказом: "нечто их спросят про литовског как ныне царь и великий князь с литовским королем?": "...про цесаря римского: как ныне государь царь и великий князь с цесарем римским?"; "о турецком салтане: как ныне государь с турецким?"; "...о бухарском и о юргенском?"; "... про Сибирь?" (1587)⁶⁸.

В вопросах типа "а нечто спросят..." есть элемент постоянной формулы и они имеют несколько тематических групп, которые были подготовлены специально для определенных стран.

Вопросы группы № I, распространявшиеся на большинство стран, т.е. на Империю, Папский двор (Рим) и Швецию: "а нечто спросят про Казань и про Астрахань, и цц Нагаи... и про Сибирь...". Ответы на эти вопросы почти полностью совпадают и подчеркивают законность этих территориальных приобретений России, налаженные к моменту посольства связи, "дружбу и любовь", верность и готовность "служить государю всеа Руси", обращается внимание на утверждение и распространение христианства, строительство городов и церквей. Исключение составляют Персия и Кавказ, для которых из перечисленных регионов были приготовлены вопросы только о Сибири.

В наказах существует группа гипотетических вопросов, разработанных специально только для определенных стран (№ 2):

После первых успехов в Ливонской войне, когда были взяты Нарва (Ругодив) и Дерпт (Тарту) в 1558 г., Мариенбург и Фелин в 1560 г., Полоцк в 1563 г., "Московская опасность" встревожила всю Европу. Вмешательство в ливонские дела Литвы, Дании и Швеции очень осложнило положение. Москве были нужны союзники. После смерти в 1572 г. Сигизмунда II Августа Иван IV ведет переговоры с императором Максимилианом II о раделе Речи Посполитой. В это время в ответах о Польше и Литве русские дипломаты распространяли сведения о приглашении Ивана IV на польский престол. Однако в Империи они говорили, что он отказывается в пользу сына императора Максимилиана II Эрнста⁶⁹; на Кавказе - что он согласился, дабы совместно с поляками воевать против "неверных бусурман"⁷⁰;

в Персии в 1590 г. — только о Ям-Запольском мире (1582), который царь Иван IV заключил "исключительно" по просьбе поляков⁷¹. На самом деле этот мир означал полную безрезультатность 24-летней тяжелой войны и был заключен при посредничестве папы Григория XIII. Поэтому, будучи в Риме, русский посол должен был отвечать, что поссорился царь со шведским королем по вине польского короля (1581)⁷². После Плюсского перемирия (1583) московские дипломаты говорили, что оно заключено по просьбе шведского короля⁷³.

Отвлечением главных русских сил войной в Прибалтике воспользовались Турция и крымские татары. Московское правительство постоянно испытывало напряжение враждебных ему зависимых от Турции крымских ханств. Но, надеясь на поддержку императора Максимилиана II, на его вопрос о Девлет-Гирее, после известных набегов на Москву (1571-1572) велено было отвечать, что он (Девлет-Гирей — авт.) потерпел страшное поражение (1576)⁷⁴. А в 1589 г. послы уже говорили о верной дружбе крымских царевичей московскому государю⁷⁵.

В 1569 г. турки совместно с крымцами пытались захватить Астрахань. Султан Мурад III (1574-1590) не оставлял надежды на подчинение Поволжья и Северного Кавказа. Поляки рассматривали султана и крымского хана как потенциальных союзников в борьбе против России за украинские и белорусские земли. Аналогичной политики придерживалась и австрийская империя Габсбургов. На все вопросы о Турции русским послам предписывалось отвечать, что султан присылал своего посланника о мире, но государь его не принял и готов объединиться со всеми христианскими правителями против "врагов креста Христова"⁷⁶. Однако в Персии о последнем обстоятельстве дипломатично умалчивали⁷⁷.

Следующую группу, № 3, представляют вопросы, которые могли задать послам только в какой-либо одной стране. Так, религиозная полемика в Риме решалась однозначно: послу "отказати: грамоте не учивался; да не говорить ничего про веру"⁷⁸. Есть свои особенности в ответах, которые должны были давать русские послы на Кавказе. Только для этого

региона были подготовлены возможные вопросы о Бухаре, Хиве и Ургенче. Русское правительство, заинтересованное в укреплении своих юго-восточных границ, старалось убедить владельцев Северного Кавказа в том, что все соседние народы — хивинская, казахская, калмыцкая орды, а также бухарский и ургенчский цари давно уже хотят быть "под царскою рукою", чтобы он их "оберегал от всех недругов", а они готовы ему служить и посылать своих воинов⁷⁹.

Как видно, цели и задачи посольства определяли характер ответов на вопросы групп № 2 и 3. Именно эти вопросы-ответы вскрывают наиболее сложные для московских дипломатов проблемы внешней политики. Вопросы группы № 1 носят общий характер. Ответы на них текстологически совпадают и имеют достаточно формальный характер. Вопросы групп № 2 и 3 более конкретны и детализированы, почти в каждом случае присутствуют элементы, не принадлежащие наказам других посольств. Во второй половине XVI в. разновидность типа "а взмолвит..." почти не встречается, поглощенная формулой "а спросит...".

Другой тип гипотетических вопросов и ответов — "а нечто учнут говорить".

В отношениях России с Империей: "о соединенье, стояти задин против всех недругов"⁸⁰; "о коруне польской, чтоб на коруне польской был цесарев сын арцкнязь Эрнест, а Великое княжество Литовское было за царем и великим князем..."⁸¹; "о Лифлянской земле, чтоб царь и великий князь лифлянские земли поступилса цесарю" (1576)⁸².

В отношениях России с панским двором: "а нечто учнет говорити которое слово про Ливонскую землю" (1580)⁸³.

В отношениях России со Швецией: "о походе свейских людей к городом и о взятъе Ругодива и о иных городех"⁸⁴; "что государь ваш пишется Лифлянским, а он за собою ничего в Лифлянех не имеет"⁸⁵; "о полонениках, чтоб договор учинити о полонениках на мену и на окуп, хто чего стоит, и послом говорити"; "что государь их Яган король некоторых городов поступатися не велел, или и будет учнут поступатися Ямы да Копорьи, Иванагорода и Корелы не поступятца..."⁸⁶; "про швейской поход про княж Иванов Федоровича Мстиславского

с товарищи, что их побил свейской воевода Клаус Окс..."⁸⁷;
"что меж государей наших война учинилась о государя вашего стороны по тому: писал государя вашего отец царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси ко государю нашему, в своих грамотах укорял государь нашего, называл его мужиком, а не государским сыном, да государя ж вашего отец хотел взяти у государя нашего королеву, а се в перемирное время посылал государя вашего отец многижда в Свейскую землю войною, а хо Кольвани посылал короля арци Магнуса со многими людьми и земли государя их люди государя вашего пустошили и людей секли и в полон вели, и государь их за такие досады против государеву землю воевал и города поимал" (1585)⁸⁸.

В отношениях России с Персией: "а будет приставы учнут говорити, что им шаха целовати ногу, как у шаха в обычае ведетца... иных государей послы шаха целуют в ногу" (1595)⁸⁹.

В отношениях России с Кавказом: "...что, не договорясь и не укрепясь, и не увидев к себе государева жалованья и города на Терке покаместа не поставят, и ему правды нельзя учинити"⁹⁰; "чтоб они государевы посланники наперед перед ним за государя правду дали, крест целовали на том, что государю царю и великому князю его Александра князя, и всю землю Иверскую жаловати под своею царскою рукою во обороне держати, а опосле он правду даст, что ему быти в государеве жалованье от государя неотступну" (1587)⁹¹;
"что хотел государь взяти Терки у Шевкала и сести в нем государским людем" (1591)⁹²; "о дани, что в государеве жалованной грамоте написано присылати Александру царю... дань ежегодно, что случит, - и что дани присылать поколку на год и какими узорочьи?" (1591)⁹³; "о стрельцах и о казакех, чтоб государь пожаловал, дал ему на его недругов стрельцов с вогненным боем" (1591)⁹⁴.

В отличие от предыдущего типа ("а будет учнут спрашивать..."), эти вопросы более распространены как в самой постановке, так и в рекомендательных ответах. Если вопросы первого типа касались прошлого (международные отношения,

войны, приглашение на престол и т.д.), то в данном случае чаще оговариваются перспективы (заключение мира, организация дипломатических переговоров, обмен пленными, размер дани и т.д.).

Особенно подробно разработаны возможные ответные "речи" о Ливонской войне. Послы должны были высказывать непреклонную уверенность в необходимости военных действий русских войск в Ливонии; убеждать в том, что лифлянская земля — "вечная вотчина государева", что вмешательство Литвы, Дании и Швеции в ливонские дела незаконно; оправдывать взятие Полоцка и других городов. Чтобы привлечь императора Максимилиана II на свою сторону, московские политики предлагают свое посредничество в переговорах с Речью Посполитой об утверждении королем польским его сына Эрнста. Послам предлагалось как можно скорее заключить договор о союзнничестве с римским папой, испанским королем и другими правителями; они получили даже особые полномочия выдавать от своего имени проезжие "опасные" грамоты⁹⁵. То же самое вменялось отвечать послу папы Григория XIII Антонию Поссевино⁹⁶.

Иначе должны были звучать ответы шведскому гонцу Г. Страсбергу на его вопросы о Ливонской войне. После взятия шведами Нарвы (1581) и Ям-Запольского мира (1582) приставы как бы оправдывались, что победы, мол, одержаны лишь благодаря тому, что литовский король, датский и шведский объединились и, раз уж так случилось, то царь Федор Иванович готов заключить мир⁹⁷. Во время посольского съезда со шведскими послами в 1585 г. князь Ф. Д. Шестунов должен был подчеркнуть, что, поскольку ливонская земля всегда была вотчиной московских государей, то за кем бы она ни была, а в титуле царя российского все равно останется⁹⁸. Он должен был настаивать на возвращении "искони русских городов": Яма, Копорья, Иван-города и Корелы⁹⁹; утверждать, что война кончилась по вине шведского короля Юхана III, и не разрывать мира ни под каким видом¹⁰⁰.

Другой значительной проблемой, которую в конце XVI в. решал Посольский приказ, были взаимоотношения Москвы с кахетинским царем Александром. После признания им суверенитета

России над Кахетией (1587) была вновь отстроена Терская крепость и заселена стрельцами. Из Москвы требовали, чтобы Александр доставлял в город на Тереке продовольственные запасы на 2500 человек, а если не сможет, то чтобы "своею казною расплачивался или всякими "узорочьями". В ответах подробно перечислялись подарки, которые Александр должен был посылать в Москву¹⁰¹.

В ответах на вопросы типа "учнут говорити" разрабатывались также нормы дипломатического этикета. Если монарх был воплощением государства, то посол, в свою очередь, — воплощением монарха. Поэтому посол князь В.В.Тюфякин должен был отказаться поцеловать ногу персидского шаха и требовать, чтобы шах почтил его так же, как царь чтит персидских послов. Шахским вельможам Тюфякин должен был объяснить, что христианам русский государь дает целовать руку, а "на бусурманских государей послов кладет руку"¹⁰².

Во второй половине XVI в. в наказах русским послам продолжает фигурировать тип вопросов, которые они сами должны были выяснить, будучи в другом государстве: "да проведати". Данный вариант представляет собой источник об информационном уровне Посольского приказа, международных интересах Российского государства и его месте среди стран Запада и Востока. Это был один из основных способов, при помощи которого в Посольском приказе могли ориентироваться в современном ему внешнеполитическом мире. Исследуя этот тип вопросов, попытаемся реконструировать картину расстановки международных сил так, как ее видел Посольский приказ в этот период.

В отношениях России с Империей: "да проведати... тайно: литовские паны к цесарю о какове деле послов или посланников присылали ли... и кого имянем и о какове деле? И цесаревы послы и посланники в Литве бывали и о чем были и вперед у цесаря и у всех немецких государей что умышление: хотят ли того, чтобы на коруне польской был цесарев сын Эрнест, а великое б княжество было ко государству Московскому, или хотят того, чтоб на Коруне Польской и на Великом княжестве Литовском быти цесареву сыну? И только

цесарев сын на коруне полской и на Великом княжестве Литовском будет, — и Киева и иных земель к Московскому государю послит ли и в Ливонскую землю не учнет ли вступаться? и с чем цесарь ко государю и великому князю послов своих пошлет, на что уложат, и кого именем послов пошлет каких людей?.. какова цесарева область воинскими людьми изволенна и казнь, и много ли с цесарем воинских людей живет в походе? И с папою римским, и с венециань, и с королем испанским, и с англиангилейскою королевою, и с чешским, и с шкотским королем, и со всеми своими суседами в докончанье ли? И будет в докончанье и с которым государем в докончанье, и с которым в недокончанье? И турскому с цесарем ссылки бывали ли? И будет бывали, и каково деле турскому с цесарем ссылки бывали? И угорский король, сын цесарев, ныне турскому дань дает ли? И будет дает, и что дает? И вперед цесарю и суседам его сложася с ним стоять ли на турского и чаять ли его на турского походу и сколь борзо?" (1576)¹⁰³; "и каков силен людьми воинскими французский король, и какою, и нет ли Францовскому розни меж своих людей, и ссылки с цесарем французскому есть ли и будет есть и о чем ...и на каково мере у цесаря в приговоре стало всею римскою областью против литовского и против турского и как им стоять?.. И Угорское королевство ныне за цесарем ли, и на Рудольфово цесарево место на королевстве чешском и на половине угорского из братья его которой посажен ли?.. И будет посажен брат его князь Эрнест, и кто ныне на Эрнестово место на Аустрейском государстве из братья его?" (1577)¹⁰⁴; "и цесарь ныне как с литовским, и литовской к цесарю с Антоном ныне в соединенье, что прикажет, и на каково мере ...и на Угорское посажен брат его князь Эрнест, и турскому с угорской земли дань дадут ли, и будет дадут, и что дани дадут, и сколько дадут, и вперед цесарю и суседам его, сложася с ним, стоять ли против турского, и чаят ли на турского поход и в каково время? И Седмиградская земля как ныне с литовским королем с Стефаном, и многие ли люди приходят к королю к Стефану, коли им велит,

и на найму ли ходят, о том у короля у Стефана у литовского докончанье с Семигравскою землею есть ли?" (1582)¹⁰⁵.

Здесь рассмотрены все вопросы, составляющие основу наказов русским послам к императорам: З.Сугорскому и А.Арцыбашеву (1576), Ж.Квашнину (1577), Я.Молвянинову и Т.Васильеву (1582). За исключением некоторых незначительных различий, обусловленных спецификой международной ситуации во время составления того или иного наказа, эти вопросы встречаются и в других наказах русским послам в западно-европейские страны: К.Скобельцыну (1573), Н.Ушакову (1575), А.Резанову (1580), И.Шевригину (1580), Л.Новосильцеву и Я.Заборовскому (1584), А.Резанову (1588)¹⁰⁶. Вопросы затрагивают буквально все аспекты внешней политики, взаимоотношений Империи, Франции, Испании, Шотландии, Англии, римских пап, Венеции и особенно их контактов с Литвой и Турцией. Различия, имеющиеся в наказах, касались кандидатур на польский престол французского принца¹⁰⁷ и сына императора Максимилиана II Арнста¹⁰⁸ и связанных с этим вопросов о внутреннем положении Франции и Империи.

Известно, что к 1579 г. Стефан Баторий завладел снова всей Ливонией и в августе этого года взял Полоцк. Вскоре войска Батория вступили на территорию Московского государства и дошли до Пскова. Иван IV вынужден был искать мира и поэтому послам было наказано узнать "как ныне Семиградская земля с королем Стефаном...".

Остальные все вопросы можно подразделить следующим образом: I. Отношения императора с другим государствами; II. Внутренняя политика; III. Взаимоотношения других государств.

По первому разделу наиболее устойчивой формулой была: "да пытати... как ныне император и др. I) с литовским, и; 2) с государем всеа Руси, и; 3) с римским папой и; 4) с венецианами, и; 5) с испанским, и; 6) с английской королевой, и; 7) с чешским, и; 8) с шотландским, и; 9) с французским.

По второму разделу: вопросы о внутреннем положении стран касались только Империи и Франции, состояния казны и

вооружения, о внутренних междоусобицах в связи с их претензиями на польский престол.

Третий раздел включает взаимоотношения с Империей: Литвы, Турции, Венгрии, Франции, а также Венгрии с Турцией.

Совсем иная формула была разработана в отношениях России с Кавказом: "как ныне турецкой салтан с кизылбашским? И послы или посланники от турецкого салтана у кизылбашского или от кизылбашского у турецкого бывали ли? И будет бывали и о чем меж их ссылки? И война меж турецкого салтана и кизылбашского на сем лете бывала ли? И вперед меж ими войны чаят ли?" (1587)^{I09}; "проведывати в Грузинской земле всяких вестей про кизылбашского, и про иверского, и про турецкого; и про шевкадского - в какове меж кто?" (1589)^{I10}; "проведывати им себе тайно: как ныне грузинский Олександр царь с турецким и с кизылбашским шахом? И послы и посланники или гонцы от турецкого и от кизылбашского шаха до них бывали ли внове? И будет были и с чем приходили и о какове деле приходили? И грузинской Олександр царь к турецкому и к кизылбашскому шаху послов своих о какове деле посылавал ли? И будет послал и кого имянем и о чем послал? Того им, проведывати тайно, себе записати. - Да и того им будучи проведывати: как ныне турецкой салтан с кизылбашским шахом? И послы и посланники от турецкого у кизылбашского бывали ли и с чем бывали? И кизылбашской шах к турецкому послов и посланников посылавал ли и о чем посылавал? И война ныне у турецкого с новым с кизылбашским шахом бывала ли на сем лете? И которые наши приходили и сколько с ними людей турецких было и что кизылбашской земле уинили. И города которые поимал турецкой у кизылбашского Дербен и Баку и иные города - все ли ныне за турецким?.. Да и того проведывати: кизылбашскому шаху от царя и от испанского и ото французского присылка бывала ли и о чем присылали?" (1589)^{I11}.

В конце XVI в. Османская Порта постоянно действовала в Закавказье против сефевидов. В 70-80-х гг. верховный визирь Порты Осман-паша, будучи главнокомандующим войсками, опустошил многие города Дагестана и Азербайджана, в том числе Баку и Дербент. Московское правительство придержива-

лось оборонительной тактики в отношении Порты и поэтому настороженно встретило предложение иранского шаха о военном союзе против осман. В этих условиях Посольскому приказу было важно выяснить позицию кахетинского царя Александра относительно Турции и Ирана, взаимоотношения султана Мурада III с шахским двором Аббаса I. Большинство вопросов "да пытать" ставят перед русскими послами эту задачу. Русским дипломатам наказывалось также собрать сведения о иверской и шевкальской землях. Неслучайно в наказах фигурируют и западноевропейские страны. Правящие круги империи Габсбургов, Франции, Англии и Испании поддерживали агрессивные устремления и шаха, и султана, одновременно направляли их выступления против России и ее союзников на Кавказе. Западные торговые и политические агенты постоянно следили за всеми событиями в Иране и Турции и систематически докладывали своим правительствам обо всем, что там происходило. В свою очередь, в Москве также не менее заинтересованно наблюдали за демаршами западных стран, что и нашло свое выражение в вопросах-наказах: "да проводывати: ...от цесаря, и от испанского, и от францовского присылки бывали ли и о чем присылали?". Вопросы о внутреннем состоянии, экономике, торговле, природных ресурсах практически в наказах не встречаются.

При анализе международной политики важное значение имеет изучение не только дипломатических документов, но и самого процесса принятия внешнеполитических решений. Московские политики XVI в. неизбежно сталкивались с проблемой информации. Посольский приказ предоставлял в распоряжение царя и Боярской думы общие сведения об окружающем мире, а также специальную информацию по текущим событиям. Крайнюю детализацию указаний послам можно объяснить отсутствием постоянной оперативной связи между странами.

Предполагаемые вопросы - это тот тип источников, с помощью которого Посольский приказ решал проблему своего информационного уровня. Размеры наказов и количество дипломатических вопросов зависели от времени, когда наказы создавались, и от важности посольства. Короткие наказы конца XV -

начала XVI в. становятся более многословными во второй половине XVI в. Соответственно возрастает и количество гипотетических вопросов.

Самым значительным был наказ посольству князя И.М.Канбарова в Польшу (1571) относительно возможностей Ивана IV стать королем Польши, который /наказ/ содержал более сорока предполагаемых вопросов¹¹². Посольствам, возглавляемым князем или боярами, давались более детальные инструкции, чем посольствам, во главе которых были дети боярские или дворяне. Наиболее тщательно разработанные указы относятся ко времени после 1549 г., когда И.М.Висковатый был назначен главой Посольского приказа.

Повторяемость содержания и даже совпадение текстов гипотетических вопросов свидетельствует не только об устойчивом внимании русского правительства к определенному комплексу международных проблем. Это выражение дипломатического этикета. Традиции, обычаи и церемониал – неотъемлемая часть мировоззрения и взаимоотношений средневекового человека. Этикету подчинялось и государственное деопроизводство. Постоянные формулы были присущи всей приказной документации. Выбор устойчивых стилистических формул в наказах-вопросах определялся и литературным этикетом эпохи феодализма. Постоянные формулы присущи житийной литературе, воинским повестям, они встречаются в летописях, хронографах и посланиях. Требования этикета порождали появление различных формул и трафарета ситуации. Составители наказов – дьяки и подьячие Посольского приказа – не были свидетелями дипломатических переговоров; большинство из них никогда не было за рубежом. Они разрабатывали ситуацию, исходя из своих представлений о том, какой она должна была быть. Поэтому указы дипломатам – это также источник о сознании, духовном мире и литературных способностях наших соотечественников XVI в. Этикетные формулы поведения послов, предполагаемые вопросы и ответы, соответствующие речи, поступки и ситуации часто повторяются, переходят из одного наказа в другой. Служащие Приказа искали прецеденты в прошлом и подчиняли события, думы, чувства и речи действующих лиц, дипломатических переговоров заранее

установленному "чину", своим представлениям об иностранных дворах.

В то же время возможные вопросы, которые они вкладывали в уста своих оппонентов, показывают, что они сами думали о России, тех или иных странах. Поэтому нельзя усматривать в этикетке дипломатической документации русского средневековья только совокупность механически повторяющихся шаблонов или недостаток творческой выдумки.

-
- I Сборник Русского Императорского исторического общества. (Далее - РИО). СПб., 1884. Т.41. С.10-11, 48-49, 101-102, 139-140, 204-205, 228-229, 385-386, 403, 438-439, 460-462.
 - 2 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. (Далее - ПДС). СПб., 1851. Т.1. С.169-170.
 - 3 РИО. СПб., 1882. Т.35. С.82, 96, 99, 100, 175, 256-257, 418-419, 425, 443, 646, 651-656, 680-682, 739.
 - 4 Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489-1508 гг. М., 1984. С.74.
 - 5 РИО. СПб., 1895. Т.95. С.209-211, 685-689.
 - 6 РИО. СПб., 1887. Т.53. С.60-65.
 - 7 Там же. Т.35. С.741-743.
 - 8 РИО. СПб., 1910. Т.129. С.254-255.
 - 9 ПДС. Т.1. С.596-603, 606-612, 729-734.
 - 10 РИО. Т.41. С.139.
 - 11 Там же. С.204.
 - 12 Там же. С.385.
 - 13 Там же. С.438-440.
 - 14 Там же. С.458-461.
 - 15 Там же. Т.35. С.32.
 - 16 Там же. С.743.
 - 17 ПДС. Т.1. С.169-170.
 - 18 РИО. Т.53. С.63.
 - 19 Там же. Т.95. С.694-695.
 - 20 Там же. Т.41. С.10.
 - 21 Там же. С.48.

- 22 Там же. С.204.
- 23 Там же. Т.35. С.99.
- 24 Там же. С.652.
- 25 Там же. Т.53. С.60-61.
- 26 Там же. С.62.
- 27 Там же. Т.95. С.689.
- 28 Там же. Т.35. С.653.
- 29 Там же. Т.41. С.40
- 30 Там же. Т.53. С.63.
- 31 Там же. Т.95. С.693.
- 32 Там же. Т.35. С.741.
- 33 Там же. Т.59. С.544.
- 34 Там же. С.586.
- 35 РИО. СПб., 1892. Т.71. С.190.
- 36 Там же. С.472.
- 37 Там же. С.592-593.
- 38 Там же. С.466.
- 39 Там же. С.190.
- 40 Там же. С.783.
- 41 Там же. Т.59. С.344.
- 42 Там же. С.544.
43. Там же. Т.71. С.190.
- 44 Там же. С.465.
- 45 Там же. С.423.
- 46 Там же. С.465.
- 47 Там же. С.465-466.
- 48 Там же. Т.59. С.227 и т.д.
- 49 Там же. С.320.
- 50 Там же. С.451.
- 51 Там же. Т.71. С.471.
- 52 Там же. Т.59. С.363.
- 53 Там же. Т.35. С.650.
- 54 Там же. Т.59. С.115.
- 55 Там же. Т.71. С.465.
- 56 Там же. С.465-466.
- 57 Там же. С.776.
- 58 ЦДС. Т.1. С.605.

- 59 Там же. С.732.
- 60 Там же. С.858.
- 61 Там же. С.III8-III9, II22.
- 62 ПДС. СПб., 1852. Т.П. С.462, 465-466.
- 63 ПДС. СПб., 1871. Т.Х. С.15.
- 64 Там же. С.43.
- 65 Там же. С.67-68.
- 66 РИО. Т.I29. С.40I, 4I4.
- 67 Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Изданы под ред. Н.И.Веселовского. СПб., 1890. Т.I. Царствование Федора Иоанновича. (Далее - Памятники сношений с Персией). С.I0-II.
- 68 Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. (Далее - Сношения России с Кавказом). М., 1889. Вып.I (I578-I6I3). С.26-27.
- 69 ПДС. Т.I. С.606-607.
- 70 Сношения России с Кавказом. С.26.
- 71 Памятники сношений с Персией. С.I0.
- 72 ПДС. Т.Х. С.67-68.
- 73 Там же. Т.I. С.II22.
- 74 Там же. С.605.
- 75 Там же. С.III9-II22.
- 76 Там же. С.III8-III9; Сношения России с Кавказом. С.26.
- 77 Памятники сношений с Персией. С.II.
- 78 ПДС. Т.Х. С.43.
- 79 Сношения России с Кавказом. С.27.
- 80 ПДС. Т.I. С.597.
- 81 Там же. С.597-598.
- 82 Там же. С.60I.
- 83 Там же. Т.Х. С.68.
- 84 РИО. Т.I29. С.383.
- 85 Там же. С.4I0.
- 86 Там же. С.4I2.
- 87 Там же. С.4I5.
- 88 Там же. С.4I5-4I6.
- 89 Памятники сношений с Персией. С.344.
- 90 Сношения России с Кавказом. С.2I.
- 91 Там же. С.23.

- 92 Там же. С.246.
93 Там же. С.247.
94 Там же. С.248.
95 ПДС. Т.І. С.60І-603.
96 Там же. Т.Х. С.68.
97 РИО. Т.І29. С.383.
98 Там же. С.4І0.
99 Там же. С.4І2
І00 Там же. С.4І5-4І6.
І01 Сношения России с Кавказом. С.2І-25.
І02 Памятники сношений с Персией. С.344-345.
І03 ПДС. Т.І. С.6ІІ-6І2.
І04 Там же. С.734-735.
І05 Там же. С.858-860.
І06 Там же. С.78І-782, 8ІІ-8І2, 924-926, І043-І045; РГАДА.
Ф.53. Оп.І. Д.2. Л.2І6-2І7.
І07 Там же. - Наказ Н.Ушакову; ПДС. Т.І. С.734-735 -
Наказ Ж.Квашнину.
І08 Там же. С.6ІІ-6І2 - Наказ З.Сугорскому.
І09 Сношения России с Кавказом. С.27.
ІІ0 Там же. С.96-97.
ІІІ Там же. С.98-99.
ІІ2 РИО. Т.7І. С.766-79І.

О ЧИСЛЕННОСТИ ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ КУПЕЧЕСКИХ
КОРПОРАЦИЙ В ХУП ВЕКЕ. РОСПИСИ 1653 г.

13 декабря 1653 г. на имя царя Алексея Михайловича были поданы две челобитные. Одна от гостей и гостиной сотни, а другая от суконной сотни¹. Привилегированные купеческие корпорации заставили "взяться за перо" одни и те же обстоятельства. Вот уже 5 лет тянулось дело о взыскании частных долгов в пользу Английской московской компании, которой, как известно, указом 1 июня 1649 г. было запрещено торговать в Москве и в других городах, кроме Архангельска. Русские торговцы и офицеры-иностранцы на русской службе по разным причинам подчас не могли выплатить долги Английской компании: немалое число ее русских контрагентов разорилось или умерло, не оставив наследников, либо не оставив наследникам соответствующих средств. Многие иностранные офицеры находились на службе в отдаленных городах. В этих условиях в русском правительстве созрело решение обязать наиболее богатые купеческие корпорации уплатить эти несколько тысяч рублей Английской московской компании.

В своих челобитных гости, гостиная и суконная сотни как раз и просили "не править" с них долгов русских торговцев и иностранных офицеров. При этом они отмечали, что Английской компании не должн, а если окажется, что какой-нибудь член их корпораций будет должен, то они за него уплатят. К челобитным были приложены росписи гостей, гостиной и суконной сотен², которые нами здесь публикуются (и челобитные и росписи — подлинники).

Росписи были поданы, вероятно, в Посольский приказ от гостей и гостиной сотни старостой гостиной сотни Василием Волковым, а от суконной сотни ее старостой Семеном Крыловым. В росписях числятся 17 гостей. Определить точное количество членов гостиной и суконной сотен нельзя, поскольку в документах встречаются упоминания о братьях и детях, но не говорится, сколько их было (в основном это относится к суконной сотне). По

рописям (не забывая и старост гостиной и суконной сотен) можно считать в гостиной сотне 116 человек, а в суконной сотне - 163 человека. Всего, таким образом, в привилегированных корпорациях - 296 человек.

В новейшей работе Н.Б.Голиковой о численности, составе и источниках пополнения гостей, в 1646-1651 гг. отмечено 15-22 гостя³. Эти цифры близки к нашей. Вместе с тем, есть некоторые расхождения в имечном составе гостей. Так, Иван Озеров, по сведениям Н.Б.Голиковой, числился в корпорации до 1631 г. В приведенной же росписи 1653 г. он указан (впрочем, может быть это его родственник?). Отмеченные в нашей росписи Матвей Антонов (может быть, он и Матвей Васильев одно и то же лицо?), Федор Шиловцов и Матвей Черкасов в приведенных автором списка не значатся⁴.

По окладным спискам 1649 г. гостей было 13 чел., в гостиной сотне - 158 чел., а в суконной сотне - 116 чел.⁵ Григорий Потошихин определял численность привилегированных купеческих корпораций (где-то на период 50-х - начала 60-х гг. XVII в.) так: гостей около 30 чел., в гостиной и суконной сотнях вместе около 200 чел.⁶ Но, разумеется, эти сведения можно считать лишь приблизительными. Если сравнить данные окладных списков 1649 г. и росписей 1653 г., то окажется, что численность гостиной сотни в 1649 г. близка численности суконной сотни в 1653 г., и наоборот. Что это: ошибка или реальная ситуация? Ответить на этот вопрос может лишь специальное исследование численности и состава гостиной и суконной сотен. Приводимые нами росписи 1653 г., несомненно, явят(ся) существенным подспорьем для исследователей этого вопроса, поскольку историкам до сих пор известны лишь росписи гостей 1675 и 1687 гг.⁷

1 РГАДА. Ф.35. Оп.1. Д.174. Л.130-131.

2 Там же. Л.132-138.

3 Голикова Н.Б. Численность, состав и источники пополнения гостей в конце XVI - первой четверти XVII в. // Русский город. МГУ, 1986. Вып.8. С.101, 103.

- 4 Ср.: Голикова Н.Б. Указ. соч. С.101, 103. Также см. приведенную ниже роспись гостей 1653 г.
- 5 Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1848. Т.3. № 47. С.159.
- 6 Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1840. С.III.
- 7 Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества ХУШ в. Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С.38.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РОСПИСИ 1653 Г.

Гости

Федор Юрьев, Василий Шорин, Иван Озеров, Матвей Антонов, Данила Панкратьев, Федор Веневитов, Михаил Гурьев, Кирила Босой, Богдан Шепота, Василий Федотов, Федор Шиловцов, Дмитрий Федосеев, Иван Панкратьев, Андрей Алмазов, Аникей Скрыпин, Михаил Ерофеев, Матвей Черкасов.

Гостиная сотня

Борис Никитников, Илья Твердииков, Иван Юдин, Богдан Цветков, Никифор Ревякин, Андрей Босой, Стефан Грудцын, Василий Грудцын, Семен Левашев, Осип Облезов, Петр Облезов, Парфений Веневитин, Федор Горбов, Иван Горбов, Терентья Горбова пасынок Андрей, Федос Горбов, Карп Ростокин, Архип Яковлев, Милей Максимов, Иван Костентинов, Андреян Иванов с. Юрьев, Петр Иванов с. Юрьев, Федор Федоров с. Юрьев, Тихон Оксентьев, Никон Оксентьев, Борис Седельников, Семен Луканов шелкового ряду, Григорий Колошин, Путила Сорокин, Дружина Онцыфоров, Деевы дети Цыплятникова, Томило Квасников, Яков Попов, Клементий Изворотников сидит в серебряном ряду, Иван Кирилог серебряник, Иев Иванов с. Татаринов, Иван Иванов с. Данилов, Афанасий Бушуев, Федосий сын Щутикова, Юрий Шешурин, Гаврила Свечник, Алексей Кондратьев, Трофим Стефанов, Ждана Волосатого сын Мартын в овощном ряду сидит, Осип Иванов медового ряду, Никита Иванов с. Долгов, Леонтий Кострекин, Родион Судовщиков, Андрей Дукаченков, Ивановы дети Зорова, Иван Зизер, Сафон Григорьев, Василий Зотов, Стефан Замошников, Алей Фомин сын, Тимофей Козмин, Иван Турецкой, Кирила Елисеев, Федот Кирилов, Федор Пятого, Афанасий Федосеев Борис Трофимов котельного ряду, Никита Романа Лычожкова пасынок, Федор Мазурин, Василий Юдин, Афанасий Андреев Сапожников, Козма Горбов, Иван Панкратьев, Ефтифей Михайлов Нестерова сын, Федор Денисов, Остафей Филатьев,

Тамила Борзов, Ефим Ключин, Семен Черкасов, Семен Русинов сын Шиловцев, Сидор Иванов сын Панов, Василий Боровиков, Карп Боровиков, Михаил Могутов, Василий Антипов сын Попов, Михаил Петров сын Федосеев, Алексей Евариев, Кипреян Климшин, Михаил Богданов, Стефан Кислицын, Федор Павлов сын Кислицын, Тихон Долгушин, Бажен Балезин, Александр Баев, Алексей Остафьев сын Овощников, Иван Петров сын Харламов, Иван Аврамов сын Сырейщиков, Борис Сырейщиков, Федор Костекин, Дмитриев сын Ногаев, Сергей Кобылкин, Василий Бессонов, Иван Харламов сын Обросимов, Иван Худяков, Никита Рудаков, Иван Васильев сын Зиновьев, Онкудин Ростовец, Илья Веретенников, Терентий Веревкин, Осип Ветешкин, Андрей Порывкин, Матвей Яблошников, Иван Болотников, Григорий Ерш, Афанасий Исаев, Маркел Куркин, Остафий Кушурин, Логин Ляпин, Григорий Минин, Федор Козынин.

Суконная сотня

Алексей Васильев сын Кляпчиков, Федор Безозеров с детьми, Афанасий Минин, Потап Яковлев с детьми, Константин Воеводин, вдова Евсея Никифорова, Яким Ларионов, Данила Чуваев с детьми, Михаил Игнатъев сын Панкратъев, Андрей Елизаров сын Шевелев с братьями, Фрол да Илья Потулковы, Иван Футин, Богдан Пальцов, Василий Щученков с детьми, Семен Чубурин, Осип Елезов с племянником, Ерофей Ефимов, Василий Иванов сын Лошаков, устюженин Дементий Семенов, устюженин Завьял Семенов, Петр Клементьев сын Мялцын с братьями и племянником, Едан Блиннов, Петр Тимофеев с братом, Михаил Футин, Иван Демидов с братом, костромитин Петр Афончиков, Малюта Филимонов, Федор Меженинов, Дмитрий Жеравкин, Степан Зубчанин, Иван Михайлов, Иван Савельев с братьями, Иван Никитин Калашник, Никита Тарутин, Степан Павлов Харчевник, Илья Клементьев, Фрол и Василий Языковы, Осип Мясник Чура, Емельян Федотов сын Лабазнова, Осип Репа Сапожник, Михаил Давыдов, Иван Богданов сын Рукавшников, Марк Боковин, Ч-рида Дмитриев Гладкого, Матвей Меркульев, Иван Григорьев Калистов, Кондрати Петров, Данила Сысоев, Михаил Тимофеев Холщевник, Яков Власов Серебренник, Алексей Игнатъев, Авдей

Парфеньев портной мастер, Федосей Александров, Борис Колмоков, Нестер Крылов, Иван Гаврилов Олексов, Владимир Шмолев меньшей, Василий да Григорий Ефремовы дети Сахаровы, Афанасий и Михаил Сидоровы, Меркулей Стефанов, Ерофей Скорняк с сыном, Бажен Софонов мясник, Козьма Сидоров с сыном, Авдей Павлов, Иван Шабарша, Иван Васильев Осиновые колокола, Иван Фомин сапожный мастер, Иван Тимофеев сын Алешов, Дмитрий Калашник, Иван Мичин Луковник, Нефед Иванов сын Жеравкин, Влас Васильев Иванов, Кузьма Васильев с сыном, Василий Резанцов, Максим Лошаков, Богдан Гладкий с сыном Семеном, Иван Васильев, Яков Лабазной, Иван Самсонов, Федор Мошенников с сыном, Михаил Иванов Огорелова, Петр Назарьев сын Шапочник, Андрей Юрьев сын Оралов, Федор Половинкин с братом, Павел Власов с братом, Борис Шиловцов с сыном, Нестер Парфеньев, Афанасий Серебренник, Максим Иванов сын Левонтьева, Матвей Федоров сын Луковников, Семен Фомин, Третьяк Щучанков, Семен Пятого сын Борина, Андрей Матвеев, Гаврила Шиловцов с сыном, Иван Никитин Желвак, Алексей Барсов, Иван Григорьев Цыля, Иван Колмаков, Матвей Колпачников угличанин, Еремей Филипов с пасынком, Иван Григорьев сын Дорофеев, Ефим Елизарьев, Евдоким Борин, Киприян Чешихин, Нефедей Клементьев сын Алексеев, Фока Полевин с братом, Илья Портной мастер, Степан Барсов, Сава Иванов Погорелова, Михаил Сохарев, Илья Сохарев, Федор Кольяков с братом, Степан Зима, Андрей Холец с сыном, Семен Олмазник, Иван Кузьмин, Семен Васильев, Антон Симонов, Афанасий Юрьев, Иван Панкратьев, Василий Синеи, Семен Медынцев, Дружина Демидов, Богдан Мануйлов, Тихон Рубелов, Матвей Заика, Алексей Самохвал, Григорий Иванов сын Силаев, Григорий Федоров Мосготилник, Микифор Иванов Глухих, Федор Степанов Белозер, Афанасий Петров Солодовник, Афанасий Микитин, Анией Бечевин, Кирила Семенов, Микита Андреев сын Холодова, Емельян Федотов сын Лабазнова, Осип Репа сапожник, Михаил Давыдов.

НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О МОСКОВСКОМ ВОССТАНИИ
1682 ГОДА

Повествовательные памятники занимают центральное место в кругу источников о московских событиях 1682 г. Записки русских и иностранных современников содержат большой объем сведений, не отразившихся в актовом материале. Многие важнейшие документы вошли в научный оборот благодаря тому, что приведены в нарративных памятниках, часть их и поныне известна только в текстах сочинений конца ХУП – начала ХУШ в. и сборниках подготовительных материалов к ним. Некоторые памятники: Записки А.А.Матвеева и, возможно, его же "История о невинном заточении", "Созерцание краткое" Сильвестра Медведева, как показал детальный историографический анализ, оказывали чрезвычайно сильное воздействие на содержание многочисленных научных трудов¹.

"Нельзя не отметить, – пишет автор современной монографии о восстании, – что наибольшим вниманием историков пользовались сказания современников, русских и иностранных, а из них прежде всего записки С.Медведева и А.А.Матвеева. В зависимости от их взглядов, симпатий или антипатий того или иного ученого предпочтение отдавалось одному из этих источников, поскольку их авторы стояли на разных позициях в их отношении к царевне Софье" и (указывает автор в другом месте) к стрельцам: "Достаточно в этой связи упомянуть злобные высказывания А.А.Матвеева, оказавшие огромное влияние на историков не только ХУШ–ХІХ вв., но даже и на современных исследователей"².

Влияние нарративных памятников определялось их объективным содержанием и методами использования в произведениях историков. Названные сочинения являлись не простодушными сообщениями о событиях, а глубоко продуманными историко-политическими трактатами; их богатый и отлично изложенный материал служил выражению и обоснованию авторских позиций³.

Сильвестр Медведев продемонстрировал, как несправедливое управление приводит к народному восстанию и каким образом

мудрый правитель (в лице царевны Софьи) может спасти стоящее на грани гибели государство. Автор не поскупился на цитирование документов из архивов Разрядного и Стрелецкого приказов, (предоставленных ему главой этих учреждений во время событий Ф.Л.Шакловитым). Однако он делал это не ради будущих историков, а для утверждения собственных взглядов.

Качество работы Медведева было выше всяких похвал. Так, ученые до сих пор не могут "оторвать" его публицистическую преамбулу от соборного акта об отмене местничества: они так и публикуются вместе, без разделения позиции историка и правительства царя Федора Алексеевича. Он наиболее подробно описал (с документами) операцию правительства Софьи по "раскрытию" и искоренению "заговора" Хованских - и хотя из текста видно, что Медведев восхищается тактическим искусством царевны, принесшей в жертву князей для ослабления своих истинных противников - восставших стрельцов и солдат, легенда о "ваздине" живет уже триста лет.

Показав масштаб и опасность восстания, вызванного "плохими" правителями, Сильвестр мог в полной мере продемонстрировать заслуги "премудрой" царевны. Он шел и дальше, приводя как достоверный документ "соборный акт" о "всенародном и единогласном избрании" Петра на царство, составленный заговорщиками, которые возвели на престол младшего царевича, минуя старшего (Ивана)⁴. Он сочувственно писал о своем злейшем враге патриархе Иоакиме⁵.

Однако вслед за подделанным в мае 1682 г. "актом" об избрании Петра 27 апреля историк приводит подделанный накануне середины 1686 г. "акт" о "всенародном избрании" Софьи правительницей 29 мая 1682 г. Уступка "петровцам" нужна была Медведеву для обоснования законности регентства царевны, причем если Петр, независимо от обстоятельств наречения на престол 27 мая, был все равно венчан на престол 25 июня 1682 г. - то для Софьи "акт" 29 мая был единственным формальным обоснованием власти. Что же касается Иоакима - как смело не посочувствовать его гибельному положению, если чуть было не уничтоживших его староверов мужеством, красноречием и хитростью одолела сама Софья?!⁶

Если сторонники Петра, сочинив в условиях всеобщего возмущения наречением на престол младшего царевича мимо старшего "акт" о его избрании, оказали услугу сторонникам Софьи, то Медведев и Шапловитый, поместив в "Созерцании" и положив в архив⁷ "акт" о ее избрании, когда с осени 1687 по лето 1689 гг. пытались утвердить корону на главе царевны, оказали правительнице медвежьей услуге в глазах потомков. Дело не в том, что кто-либо усомнился в подлинности "акта" — отнюдь, все историки были убеждены, что царевна была сделана регентшей восставшими стрельцами 29 мая 1682 г. (хотя еще в конце ХУШ в. архивисты по запросу графа Панина выяснили, что власть Софьи утверждалась постепенно, с осени 1682 г., и сформировалась — в том виде, как утверждает "акт" — к июню 1686 г.)⁸. Значит, — делался неверный вывод, — царевна или руководила "бунтом", или была достаточно в нем замешана, чтобы получить наибольшую из всех участников выгоду.

"Гораздо менее пристрастный по сравнению с А.А.Матвеевым, — пишет В.И.Буганов, — Медведев тем не менее не избегает тенденциозности. Он старается не упоминать о роли Софьи и ее клеветников в событиях"⁹. Об интригах И.М.Милославского, царевны Софьи и их сообщников подробно информируют Записки Матвеева и "История о невинном заточении".

Совершенно очевидно, что Записки Матвеева — сына убитого стрельцами главы "петровцев" и ревностного приверженца Петра — "до крайности пристрастные и тенденциозные, требуют тщательной критической проверки"¹⁰. Историки не могли не видеть, что в написанном после 1716 г. сочинении отражены реалии политических розысков 1690-х гг. Матвеева уличали в отдельных фактических ошибках и "предвзятости" по отношению к стрельцам.

Это не смущало большую часть ученых, видевших в петровских жестокостях, включая зверские казни стрельцов в 1698-1699 гг., правое или по крайней мере необходимое зло. Меньшинство историков (в их числе Н.А.Аристов, Е.А.Белов, А.Н.Штраух, А.П.Стаевич и др. (см. прим. I. критически подходило к резко негативной оценке Матвеевым участников

восстания и было склонно видеть в нем скорее народное движение, чем результат придворных интриг.

Однако ни те, ни другие не могли опровергнуть Записки с фактической стороны. Рассказ Матвеева, человека острого ума, очень строен, а поскольку речь в нем идет в основном о тайных контактах придворных с восставшими, то прямая проверка фактов практически невозможна. В.И.Буганов, наиболее последовательно утверждавший самостоятельный характер движения стрельцов и солдат в 1682 г., смог заключить лишь, что Софья, И.А.Хованский и М.И.Милославский не были вождями восстания, но использовали начавшиеся волнения в своих целях, "вступив в тайный контакт" со стрелецкими выборными.

Самостоятельные, не совпадавшие с интересами придворных интриганов интерес восставших были широко известны современникам, а Матвеев был не столь простодушен, чтобы приписав ненавистной Софье и ее клевератам всю вину, поставить это изложение событий под сомнение. Он, разумеется, отметил, что стрельцы сначала расправились с начальниками, затем "решили на своих тайных совещаниях делать ставку на царевича Ивана" и лишь затем открылись Софье, которая много увидела благоприятнейшую в своей жизни возможность прислать власть, "сообщившись во единомыслие их стрелецкое".

"Как видим, даже Записки А.А.Матвеева дают возможность отвергнуть нелепую версию о стрельцах как о какой-то игрушке в руках Софьи и реакционного боярства, выступивших против Петра и его сторонников", — заключает В.И.Буганов. Действительно, большинству историков пришлось "критически" подойти к запискам Матвеева, отбросив упоминание в них о самостоятельном начале восстания, так же как меньшинство отбрасывало личные выпады автора в адрес стрельцов.

"История о невинном заточении" — больше импонировала ученым, опиравшимся на убеждение, что всякая творческая инициатива государственного значения, и в особенности политическая, может исходить только от "верхов". Правая сторона избегала обдумывания сведений "Истории", доходя до курьезов. Так, С.К.Богоявленский утверждал, что Софья и Милославский не могли "поднять" стрельцов на

восстание 15-17 мая, раз движение началось еще при Федоре (по матери Милославском), когда И.М.Милославский сам был правителем.

Но в "Истории" подробно описаны перемены в "верхах" в последние годы жизни Федора и показано, как И.М.Милославский, Хитрово и их сторонники были отстранены от власти. С.К.Богоявленский считает, что хотя волнения начались независимо от "верхов", именно князь Хованский "мог содействовать тому, что движение стрельцов приняло политический характер"¹¹. Однако в вопросе о начале восстания он следует за Медведевым¹².

Поскольку в "Истории" немного сказано относительно "тайных сношений" придворных с восставшими, историкам, не вполне удовлетворенным рассказом о стрельцких инициативах, приходилось искать новые источники - и они были найдены. Это прежде всего "Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича, посланное из Москвы к ... нунцию апостольскому при ... короле польском", датированное 11 октября 1682 г. (по получению в Варшаве)¹³.

Судя по содержанию, писавший его в августе 1682 г. католический агент был скорее всего домашним учителем в знатной семье, возможно у Матвеевых (с которыми учитель-поляк И.Л.Подборский отбывал ссылку и вернулся в мае 1682 г. в Москву). Его рассказ, как и "История о невинном заточении", сосредоточен на деятельности А.С.Матвеева - "человека простого происхождения", резко отличавшегося от "знаменитых по своему рождению людей" "своими государственными дарованиями", "умом и деятельностью" (с.70).

Расхождения между "Повествованием" и "Историей" вполне объяснимы ориентацией на разного читателя. Сочинение на русском языке защищает Матвеева от приписывавшихся ему (по автору "Истории" - "клеветниками") интриг в пользу Петра. Латинский текст в числе "великих" государственных заслуг канцлера отмечает женитьбу царя Алексея Михайловича на Наталье Кирилловне Нарышкиной и старание уговорить умирающего государя, "обошед старших сыновей, Федора и Иоанна, вручить правление младшему из них, Петру".

Оба автора подробно описывают обстоятельства ссылки Матвеева, обвиненного в попытке отстранить от власти законного наследника Алексея - Федора, оба рассказывают о письмах опального боярина в Москву и его попытках вернуться в столицу, о судьбе конфискованного имущества и т.п. "Повествование" подробно раскрывает повод, использованный сторонниками Матвеева для убеждения царя Федора вернуть его из ссылки: необходимость учесть его опыт в решении "затруднений" на сложных переговорах с Турцией.

Первоначально, при подготовке посольства в Стамбул (И.И.Чирикова, затем Т.Протопопова)¹⁴, обошлись без помощи опального канцлера, однако ратифицированная турками редакция нахчисарайского договора (очевидно, Адрианопольская 1681 г.) оказалась неприемлемой для царя и Думы¹⁵, так что по общей просьбе бояр Федор Алексеевич вынужден был возвратить Матвеева из ссылки в Москву.

В действительности незадолго до смерти царь Федор освободил Матвеева из ссылки в Мезени и позволил поселиться в Лухе. В столицу старый лидер "петровцев" был вызван лишь после воцарения своего ставленника и прибыл в Москву 10 (по Запискам Матвеева), 11 (по донесению датского резидента Розенбуша) или 12 мая (по "Истории"). Видимо, "История" ближе к истине, ибо 12-м мая датирован и указ о возвращении Матвееву чинов и имущества¹⁶.

Однако "Повествование" настойчиво подчеркивает, что "Артемон" вернулся в столицу при жизни Федора и "не отлучался ни на минуту от одра больного" (с.75). Это позволяет поставить ему в заслугу (в глазах иностранцев) воцарение Петра, тогда как для русских читателей важнее было подчеркнуть непричастность "невинно убиенного" 15 мая боярина к смутным сочинениям во дворце. Примечательно, что "Повествование" ограничивается этой неточностью и не приписывает якобы вернувшемуся Матвееву никаких конкретных действий.

Убеждение бояр в необходимости избрания Петра, а не Ивана, исходило, согласно этому источнику, от Нарышкиных во главе с царицей Наталией Кирилловной и Ю.А.Долгорукова, резко выступавших против реформ Федора (пик их пришелся как раз

на вторую половину 1681 - начало 1682 гг.). Именно они, а не Матвеев, сумели подтолкнуть большинство бояр к мысли, что воцарение Ивана будет означать продолжение реформ Феодора - поэтому царедворцы "немедленно присягнули Петру" (с. 76-77).

На этом роль Нарышкиных не закончилась, хотя их на время потеснила царевна Софья. "Узнав о смерти Феодора", она "не медля возмущает своих сродников, обвиняя Артемона Сергеевича в том, что он ... отравил отца их, Алексея, ... убил своим злодейством и Феодора, ... Петра, как своего родственника, возвел на престол, вовлек в заговор бояр, всю царскую Думу", чтобы править самому.

Возмущение "всех родственников", надо полагать, было необходимо царевне, поскольку она не могла воздействовать на публику непосредственно. Но автор "Повествования" отбрасывает такие нюансы и заставляет царевну самолично призвать из окна стрельцов "подать помощь". "Стрельцы, готовые на что угодно", вместе с народом побежали в Кремль, "совершенно не зная, в чем состоит дело"; бояре, не менее растерянные, не видят иного выхода, как тут же присягнуть Ивану.

"Повествование", таким образом, "поправляет" версию Матвеева, исключая стрельцов как самостоятельную политическую силу. Но оно не обвиняет в казнях бояр и царевну Софью.

Безудержное властолюбие одного из Нарышкиных, считает автор "Повествования", вызвало гнев "именитейшего мужа из всей знати" Одоевского - человека, коего ни один историк не может упрекнуть в интриганстве¹⁷. Князь в эпил Нарышкину пощечину, "все собрание бояр и знати ужаснулось. Закипел бунт". В дело вступили стрельцы - их расправы над представителями "верхов" описаны коротко (с. 79-80). Результатом волнений стало не возвышение Софьи, укрывшейся с царями и царевнами в Коломенском, а "страшный суд" над властями. Бунт распространился на Смоленск, бояре разбежались и "с отчаяния думают возбудить к войне всех своих крестьян, призвать донских казаков"; "башкирцы и калмыки разбойничают и грабят под Казанью". "Хованский избран главой бунтовщиков", но

вряд ли удержит их в повиновении. "Князь Василий Васильевич (Голицын - А.Б.) правит всеми государственными делами" в условиях усмирённого бунта, когда восставшие требуют "допустить в общественный Совет простой народ" (с.80-82).

Ясно, что сторонник убиённого Матвеева не мог обвинить в организации бунта Софью, пока она не получила реальную власть. Он писал по сведениям, полученным после 20 августа 1682 г., когда царская семья отбыла из Москвы в Коломенское, но до 2 сентября, когда двор "странным путем" побежал по дворцовым селам¹⁸. В это время царевна не имела никаких формальных признаков власти. В официальных документах при перечислении членов царской семьи она упоминалась на пятом (по возрасту) месте среди царевен. Даже в ресованном ей Извете на Хованских имя Софьи стоит после имени царицы Наталии Кирилловны Нарышкиной.

Имя Софьи-правительницы впервые появилось в записи о царском указе от 17 сентября о казни Хованских (совершенной по ее воле), далее в записи об указе от 3 октября (в исходящих документах ее имя отсутствовало), затем в записи под 25 октября. Из переписки государственных деятелей ясно, что Софья Алексеевна играла важную роль в принятии политических решений, но ее влияние оставалось (после вынужденных выступлений перед восставшими во второй половине мая и в августе) в глубокой тайне¹⁹.

Видный сторонник царевны Сильвестр Медведев в похвальной речи (июнь-июль 1682 г.) вынужден был писать о ее власти эзоповым языком²⁰. Близко сошедшийся с В.В.Голицыным в правительственном лагере под Троицей, датский посол Гильдебрандт фон Горн в донесении от 23 октября (по новому стилю) заметил, что "принцесса София в общем-то всем управляет хотя и находится в тени" (буквально - "за черным занавесом"). 28 ноября он писал королю, что на стороне царицы Наталии Кирилловны и Петра большинство бояр и дворянства, так что равновесие сил в скрытой борьбе за власть поддерживается тем, что помимо немногих верных представителей знати за Ивана (от имени которого действовала Софья)

"крепко держится... большая часть шлебса, хоть и скрыто, но, как чувствуется, основательно"²¹.

Показательно, что Карион Истомина, претендовавший на роль придворного литератора и отлично разбиравшийся в дворцовой конъюнктуре, не признавал Софью в сочинениях весны и осени 1682 г. Он впервые, и притом весьма осторожно, обратился к ней 12 ноября, и лишь через полгода, 28 июня 1683 г. поднес развернутый панегирик царевне как правительнице²². Менее искушенные панегиристы среагировали еще позже²³. Автор "Повествования", явно не имевший летом и осенью 1682 г. связей с двором, не мог обвинить Софью в захвате власти с помощью "народа и бушующих стрельцов".

Достаточно "изобличить" роль царевны в организации восстания смог лишь составитель польского "Дневника зверского избияния московских бояр в столице в 1682 г. и избрания двух царей Ивана и Петра", написанного "в нынешнем 1683 году"²⁴ и в 1686 г. изданного на немецком языке²⁵. Польский рукописный оригинал был опубликован в 1901 г. А.Василенко (с хорошим переводом), но источник использовался и раньше, например, М.П.Погодиным²⁶.

Сходный по содержанию с Записками А.А.Матвеева, "Историей" и "Повествованием", "Дневник" содержит прямое указание на близость автора к будущему графу Андрею Артамоновичу: он кончается известием об обучении сына опального канцлера в ссылке и замечанием, что после "успокоения" бунта образованный юноша будет "обучать Петра", к которому уже сейчас инкогнито является во дворец.

"Дневник" добавляет любопытные детали к рассказу "Повествования" о попытке А.С.Матвеева "избрать" на царство Петра после смерти Алексея, о болезни Федора, о ссылке канцлера и реформах Федора Алексеевича, вызывавших неодобрение "приверженцев Артемона". Сам автор — сторонник царя Федора и, казалось бы, не может быть отнесен к "приверженцам Артемона", но следует заметить, что в Записках и "Истории" Федору тоже воздаются немалые похвалы.

Как и "Повествование", "Дневник" вводит читателя в заблуждение, уверяя, что А.С.Матвеев "прелезает в столицу

и, согласно прежнему своему замыслу, провозглашает царем Петра". Однако в "Дневнике" нет прямого указания, что боярин вернется в Москву до смерти Федора, перенесенной к тому же на более поздний срок - 2 июля. Ошибка в дате кажется странной, ибо рядом приводится мотивация возвращения Матвеева из ссылки по ходатайству второй жены Федора М.М. Апраксиной (как в Записках и особенно в "Истории"). По времени это соответствует действию мотива возвращения Матвеева, приведенного в "Повествовании", и верному указанию на возвращение из ссылки Ивана и Кирилла Нарышкиных, "которых Федор сослал в ссылку" за то, "что они составляли будто бы заговор на жизнь царя".

Основной упор в "Дневнике" сделан на подробном описании событий со смерти Федора до воцарения Ивана, в которых главная роль отведена царевне Софье. Именно она, вопреки обычаю, явилась на похороны брата "с великими воплями и рыданиями" и привлекла к себе всеобщее внимание, в то время как Петр с родственниками и свитой покинул церковь до отпевания, чем "изумил и духовенство, и простой народ": действительный случай, зафиксированный в разрядных записях²⁷.

Отталкиваясь от него, автор "Дневника" рисует яркую картину деятельности Софьи по разжиганию бунта. "Возвращаясь с похорон", она "громко кричала толпе", что царь Федор отравлен, "наш старший брат не избран (так! - А.Б.) на царство"; а раз так - "отпустите нас живыми в чужую землю к христианским царям!" (с.19). "Слыша это, люди сильно волновались, не зная причины".

Волнения царевне было мало - она "составила думу" с Милославским и Хованским для возведения на престол Ивана, причем не сразу после похорон Федора, а как сообщают и Зыбиски Матвеева, через две недели. Правда, стрельцов и представителей иных сословий возмутил своими речами Хованский, но в решительный момент царевна вновь лично вступила в дело.

"Когда стрельцы поверили и примкнули к их партии, царевна Софья распустила по городу слух, приказав своим прислужникам кричать по улицам, что Иван Нарышкин (согласно

"Дневнику" он "желал управлять государством до совершеннолетия царя Петра, чему Софья противилась") убил царевича Ивана". Хованскому оставалось лишь организовать стрельцов, которые с оружием бросились в Кремль. Последующее истребление бояр описано подробно и в соответствии с рассказами множества других авторов (см. ниже), что придает убедительность версии о мотивах восстаниях.

Стрельцы, как известно, настойчиво вели розыск доказательств отравления Федора — эту мысль, по "Дневнику", внушила им Софья. После уничтожения всех, кто мог помешать замыслам заговорщиков, стрельцы "по наущению царевны Софьи и Хованского ... провозгласили царем Иоанна". Для окончательного захвата власти Софье оставалось ликвидировать Хованского, — желавшего "сделаться царем", а сына женить на царевне, как объявлял Извет на Хованских, составленный в кругу Софьи Алексеевны, — утверждает в "Дневнике".

Планы Хованского были раскрыты, князь с сыном и пятью сторонниками казнен в Воздвиженском. Московские стрельцы приготовились было к обороне, но, "не имея руководителя", решили повиниться перед государями. Понятно, что Софья и царь Иван "были весьма благосклонны к стрельцам", однако, предусмотрительно разослали их полки по разным городам, где полторы тысячи человек, названных в указах из Москвы, были казнены.

"Дневник", опубликованный на русском языке к тому времени, когда мнение о дворцовой интриге, приведшей к стрелецкому бунту, вполне сформировалось, настолько внутренне логичен и столь полно соответствует воссозданной историками картине, что вопрос о роли Софьи, Милославского и Хованского в организации восстания (даже в глазах авторов, признававших, вслед за "Созерцанием", будто восстание началось при жизни Федора и против воли "верхов") следовало считать выясненным.

Даже если учесть, что перед нами не три версии в четырех источниках (двух связанных с А.А.Матвеевым и двух независимых иностранных), а одна, исходящая из дома Матвеевых и лишь варьирующаяся для разных адресатов, остается

еще множество памятников, из которых ученые извлекали сведения в подтверждение концепции "заговора верхов". Они имеют разное происхождение, так что являются, на первый взгляд, независимыми подтверждениями матвеевскому взгляду на события 1682 г. в Москве.

Однако, сравнив тексты, мы убеждаемся в том, что разные авторы пересказывали, иногда дословно, одну и ту же версию "заговора" Софьи с участием Хованского и Милославского, возникшего в ходе борьбы за трон между группировками Милославских и Нарышкиных в царской семье. Французский дворянин Фуа де ла Невиль²⁸, сблизившийся с А.А.Матвеевым, Б.А.Голицыным и прочими "петровцами" после свержения правительства регентства (осенью 1689 г.), был вно доволен, что изложенная им версия не затрагивает симпатичного ему опального канцлера В.В.Голицына.

Записки Невилля сохранились в ряде рукописей²⁹. Об их популярности в Европе свидетельствуют парижское издание 1698 г., лондонское 1699 г., тильское и утрехтское 1699 и 1707 гг.³⁰ Немецкое издание "Дневника" (1686 г.) имело не меньшее влияние к западу от русской границы. Уже через год оно было использовано автором немецкого "Краткого и новейшего, из лучших описателей в место снесенного и до нынешних времен продолженного, московских времен и земель, гражданских чинов и церковного описания" (Нюрнберг, магазин И.Гоффмана, 1687)³¹.

"Краткое описание" было издано по случаю вступления России в Священную лигу против Османской империи и Крыма (1686 г.). Автор не испытывает антипатии к Софье, которая, по его словам, участвовала в переговорах как сопровительница двух царей и "последняя польския мирные договоры купно почписывати помогала". Царь Федор, по его мнению, оставил царство своему брату Ивану, и лишь проясками Наталии Кирилловны ("жены zelo великаго разума") бояре, "большаго брата Иоанна Алексеевича обшед, и на меньшаго Петра Алексеевича, zelo юна суца, венец возложили; и между тем ему дядю его Нарышкина в опекуны приставити помыслиша".

Автор не мог, однако, отказаться от рассказа об интригах, тем более, что не был уверен, будет ли правление Софьи "впредь постоянно имети". Слух об отравлении Федора Алексеевича, сообщает "Краткое описание", имел место, но царевна использовала его "для отмщения брата своего" сразу по окончании похорон. Софья велела возвестить стрельцам, получившим традиционную чарку водки, "что совершенные для них неприятели бояре – так же, как брата ее отравили, так и их всех отравкою изведь хотят!"

Поскольку по приказу самой царевны водка и впрямь была отравлена и один стрелец тут же умер, выпив ее, начался бунт стрельцов, "к которым еще великое множество граждан пристало, и всех с 60000 человек собралось". Восставшие перебили "изменников и убийцов царя" – бояр, лекарей и приказных служителей, разграбили дворец и "дома великих господ" (но деньги сдали в казну), потребовали и получили 50 тысяч червонных жалования (которое собирали с городов, монастырей и от продажи с торгов имущества казненных), возвели на Красной площади памятник своей победе и хотели "притом новизну в делах о вере введенную отставить".

Бунт успокоился только после венчания на царство двух царей и казни некоторых "начинателей бунту того, а особо воеводы Хованского с двумя сыновьями своими"; "безчестной столп" был разрушен, но кровопролития не последовало. Эта версия была уже знакома многим исследователям, поскольку сочинение 1687 г. почти буквально процитировано в "Дневнике путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)" секретарем немецкого посольства Иоганном Георгом Корбом (СПб., 1906. С.198-201).

Он не скрывал, что "грабежи, убийства и разбои" 1682 г. "приписывают коварным проискам царевны Софьи" "другие писатели" – просто исследователи не сочли нужным искать источник текста автора, который мог, в принципе, получить сведения прямо в России. Но ведь и "Краткое описание" там имелось: около 1692 г. перевод его был включен в исторический сборник, скорее всего патриаршего скриптория, из особой редакции Хронографа Дорофея Монеувасийского с до. млнениями (прим.31).

В свою очередь, изданный в 1700 г. Дневник Корба оказал влияние и на русскую, и на западноевропейскую историографию³².

О бытовании версии "заговора" Софьи, Милославского и Хованского в конце ХУП в. в России сообщил английский историк Крюль в 1699 г., прямо сославшись на сообщение одного из участников петровского Великого посольства. Он цитирует "письмо", целиком излагающее матвеевскую версию событий, начиная с похвалы царю Федору Алексеевичу³³, так что трудно сказать, следует ли отнести этот текст к русским или иностранным.

И все же историки могли бы заметить, что даже в записках иностранцев версия "заговора" принималась не всеми. Из солидных путешественников о том, что гнев "черни" по поводу отравления Федора был использован "приверженцами покойного царя" для избояния "виновных и невиновных", упомянул лишь чех Бернгард Таннер. Но он был в Москве с польским посольством в 1678 г., а о событиях 1682 г. уведомил читателей письмом, якобы присланным ему из Немецкой слободы. В письме говорилось лишь, что "народ и войско" восстали сразу после избрания Петра ("благодаря многочисленным приверженцам его матери"), истребили его родичей и вельмож и короновали Ивана³⁴.

Ни известный путешественник Георг Адам Шлейссингер, бывший в России в 1684-1686 гг. и опубликовавший исследование перемен в этой стране в 1688 г., ни чешский иезуит Иржи Давид, издавший в 1690 г. солидную работу по опыту своей поездки в Московию (1686-1689 гг.), ничего подобного комментарию Таннера не сообщают³⁵. Но самое любопытное, что на историков оказали очень слабое влияние позиции иностранных наблюдателей, присутствовавших в 1682 г. в Москве как раз с целью тесных контактов с русскими "верхами", пристального наблюдения за ними и своевременного сообщения результатов наблюдений своим правительствам.

Датск А резидент в Москве (с 1679 г.) Бутенант фон Розенбуш внимательно следил за развитием бунта с его зарожде- ния и, по признанию самого М.П.Погодина, вполне под-

твердил рассказ Медведева о возмущении стрельцов еще при царе Федоре, которое не смогли усмирить уступки, сделанные правительством Петра: "Об участии царевны Софии нет ни слова: это доказывает только, что оно сохранялось в глубокой тайне... да и слухи о Нарышкиных, ...выведшие якобы из терпения стрельцов, страх о возвращении Матвеева — кому можно приписать, как не ей и ея орудиям и сообщникам Милославских"?!

Историк ясно продемонстрировал способ использования нарративных памятников, в равной мере присущий исследователям про-петровской ориентации и тем, кто стремился доказать самостоятельность стрельцов и примкнувшего к ним "гражданства" в восстании 1682 г. Взяв за основу одну из двух версий событий (матвеевскую или медведевскую), ученые находили поводы отбросить противоречащие их версии сообщения как недостоверные, используя только те фразы или даже отдельные слова, которые укладывались в их представления.

Историк отдает предпочтение деталям юношеских записок Матвеева, а не донесениям датского резидента от 17 и 19 мая 1682 г., в которых Розенбуш излагает впечатления от общения со стрельцами, вынужденного посещения царского дворца и переговоров с руководством Посольского приказа. Но даже допуская, что опытный дипломат не успел разобраться в сведениях, полученных из первых рук, и личных наблюдениях суматошных дней 15–17 мая, трудно вообразить, что он упустил важнейшие моменты в предыстории событий, которую должен был профессионально проследить, особенно когда дело касалось царского двора.

Именно потому, что письма Розенбуша были опубликованы в 1682 и 1691 гг., т.е. до и после регентства Софии Алексеевны, дипломата нельзя упрекнуть, что он должен был (в интересах датской торговли, которой преимущественно занимался на посту московского резидента) скрывать зловещие интриги царевны и ее родственников. Думали об этом исследователи, извлекавшие из трижды изданных в России в XIX в. писем Розенбуша³⁶ подходящие для себя детали, или нет, но сам жанр

дипломатических донесений, с характерным стремлением авторов оперативно изложить новости, не заботясь об их соответствии определенной концепции, не удовлетворял отечественных историков XIX и XX вв.

Уже во времена М.П.Погодина упоминались в литературе интереснейшие донесения, которые регулярно отправлял из Москвы нидерландский резидент барон Иоганн Вильгельм фон Келлер (1676–1696 гг.)³⁷. Копии их (с русскими и французскими переводами), выполненные в Голландском государственном архиве (Гаага) по воле Николая I, хранятся в Санкт-Петербурге с 1843 г.³⁸ и к настоящему времени (с находками, привезенными в Россию В.А.Кордтом в 1893 г.)³⁹ составляют 247 донесений; из которых почти десяток относится к предыстории и событиям Московского восстания 1682 г.

Келлер наблюдал те же события, что и Розенбуш (с той разницей, что 15–17 мая благополучно просидел дома), и нельзя сказать, что он мог упустить из действий "верхов" что-либо важное для развития восстания. Воцарение Петра, например, он предсказал за девять с половиной месяцев до смерти Федора. Голландец совершенно точно прослеживал оттеснение от власти Милославских, действия, ведущие к возвращению правительства Матвеева, развитие династических распрей во дворце и волнений среди стрельцов против начальства, перераставших в выступление против бояр.

Келлер сообщал своему правительству, что реальная угроза со стороны восставших толкала российские "верхи" к консолидации еще до событий 15–17 мая, подробно описывал самоорганизацию стрельцов в ходе волнений, толковал о постепенно охватывавшей знать панике. Даже про-петровски настроенный М.И.Белов, впервые сделавший обзор донесений нидерландского резидента и опубликовавший краткие выдержки из своего труда⁴⁰, должен был констатировать, что "Келлер не подтверждает" концепцию А.А.Матвеева.

Работа М.И.Белова вошла в научный оборот, но сами донесения, содержащие богатейшую информацию о предыстории, событиях и последствиях восстания, так и остаются неопубликованными. Это до последнего времени относилось и к велико-

лепным донесениям датского посла Гильдебранда фон Горна, микрофильмы которых в двух экземплярах хранятся в России (в Москве и Санкт-Петербурге)⁴¹. Впрочем, известность в литературе донесения Горна получили довольно давно.

Важнейшие из более чем четырехсот страниц донесений за 1682-1684 гг. были изданы на языке оригинала в Копенгагене в 1879 г. и использованы в работах Г.В.Форстена, к сожалению, лишь бегло отмечавшего наличие в них любопытного материала по внутренней истории России; архивные тексты указаны в труде Ю.Щербачева⁴². Между тем, донесения Горна за 1682 г. (первое из них датировано 23 октября, второе - 28 ноября) позволяют выяснить, что мог узнать его подчиненный Розенбуш, если бы "имел время...получить верные сведения"(в чем сомневался М.П. Погодин).

Склонный, как большинство иностранцев, искать в народном движении руку "кого-нибудь из знатных, подталкиваемых страхом или страдающих от немилости", Горн, используя свои контакты при дворе и услуги Розенбуша, так и не смог обнаружить в событиях восстания ничего подобного. Разногласия при дворе, имевшиеся в царском дворце "партии" были послу отлично известны, но даже роль Хованского, которого правительство Софьи старалось выставить зачинщиком и главой "бунта", Горн определил как потворство стрельцам после событий 15-17 мая, когда другие "знатные господа" еще не осмеливались "подняться из праха".

Опытный, не первый раз посещающий Россию дипломат, два первых донесения которого опубликованы (прим.2I. С.78-9I), сообщил еще множество интереснейших сведений о борьбе "в верхах" в начале регентства Софьи (прим.4I. С.154-155), однако достоверная информация о первых годах царствования Петра I пока не привлекает внимания исследователей. Доказательство тому - шведская дипломатическая переписка и письма торговых агентов, часть копий с которых также находится в России (см. обзор: прим.4I. С.125-145); эти тексты были бегло рассмотрены Г.Ф.Форстеном⁴³.

Шведы, по отзывам их противников - голландцев и датчан, имели серьезные позиции при московском дворе. Однако

даже донесения их посланника и торгового комиссара Христофора фон Кохена, о несомненной ценности которых писал К.А.Висковатов в 1878 г.,⁴⁴ не подверглись тщательному анализу и не опубликованы. Фон Кохен, вслед за своими дипломатическими противниками, не нашел в Московском восстании следов "заговора" Софьи и ее клеветов.

Нельзя сказать, что информация, противоречащая "петровской" версии событий, сознательно скрывалась: ни один историк, надо полагать, не утаил бы сведений, попавших в его руки, тем более, что не обращались к названным сочинениям и сторонники медедевской версии самостоятельного стрелецко-солдатского движения. Речь идет об очевидном отсутствии интереса к памятникам, не отражающим ясной концепции Московского восстания 1682 г.

Так, вне исследований оказались сведения из Записок И.А.Желябужского и восхвалявшая царевну Софью с ее "прилежностью и правосудием" "Гистория" Б.И.Куракина, содержащая любопытные параллели с Записками его коллеги по дипломатической службе А.А.Матвеева⁴⁵. Неинтересными показались ученым и петровские летописные сочинения, отразившие бытование матвеевской версии: по-видимому, сочли, что не стоит обращать на них внимание, если все летописцы единодушно пишут об "избрании" Петра (варьируя лишь состав выборщиков), с которым "по научению Ивана Милославского" не согласились только стрельцы⁴⁶.

Не многие летописцы, вроде составителя "Российского летописца" до 1728 г. (ГИМ. Ф.Черткова 156), в достаточной мере сглаживали события, не делая различия между отказом присягать Петру и истреблением бояр. Но и он порочит свою версию (в духе Невилля) утверждением, что инициаторы бунта лобивались, "дабы ни большему, ни меньшему государем царевичем коронованным не быть" (л.90 об.). В результате получается, что первое "умирение" восставших стрельцов, связанное с "избранием" на царство Ивана (в дополнение к Петру), было поражением заговорщиков (л.91).

Далее Летописец ломает стереотип "заговора Хованских", уверяя, что Хованскому было "приказано... тот воровской

происходящей от стрельцов бунт усмирить и главных заводчиков приласкать и уговорить, дабы каким-нибудь образом тот мятеж утолить, что тот помянутой боярин князь Хованской и учинил - тот бунт усмирил". "Тогда вступила царствовать и содержать правлением все дела государственных...царевна Софья Алексиевна. И вскоре тогда ж по навету и зависти Милославского (согласно с Записками Матвеева. - А.Б.) упомянутой боярин князь Хованской с сыном князь Иваном казнены смертию, отсечены головы в Воздвиженском селе" (л.9I-9I об.).

Другие сочинения входят в более существенные противоречия, разделяя отказ стрельцов целовать крест Петру сразу после смерти Федора - и бунт 15 мая. По Б.И.Куракину, сначала "во многих приказах началось быть замешение и многие полки креста не хотели целовать". В соответствии с версией А.А.Матвеева, волнение "продолжалось несколько недель", что дало время Софье с помощью И.Милославского, И.Циклера и П.А.Толстого склонить стрельцов к бунту в пользу Ивана. Но по Куракину, стрельцы сразу, до вмешательства придворных, отказались присягать Петру, "объявля, что надлежит быть на царстве большему брату" (с.44).

Летописцы, в отличие от позднейших историков, видели это противоречие. Поэтому в Летописце до 1712 г. (БАН. 17.18.25) стрельцы отказываются присягать по подсказке Милославского, а "мая 15 дня смятение и бунт от стрельцов возбудила царевна Софья Алексеевна чрез заветчиков, Ивана Милославского с товарищи" в качестве мести за ущемление прав царевича Ивана (л.422-422 об.). В летописной компиляции до 1700 г. казни 15 мая инспирируют И.Милославский, Ф.Шакловитый и И.Циклер (последнего при казни в 1697 г. действительно обвиняли в старой связи с Шакловитым, тогда как Толстой был причислен к делу Матвеевым, а с его подачи Куракиным, безосновательно); царевна Софья не упоминается (РГАДА. Ф.181. № 625. Л.25 об.-26; ГБЛ. Ф.37. № 415. Л.350-350 об.).

В Летописце до 1682 г. (в рукописи 1730-х гг. ГИМ. Собр. Уварова. 543) матвеевская версия изменена: стрельцы не целовали крест Петру "по научению Ивана Милославского и его

советников" — "и от того времени в разных мысленных шатаниях пребывали. Не хотяще сии стрелцы мятежницы имети на российском престоле царя Петра Алексеевича, возмущаше народ, нелепая глаголюще тако: неправо учинили, минув болшаго, возведоша меншаго, и дабы под сим видом начати им, злодеем, бунт" (л.192 об.).

Как видим, господство в исторических сочинениях петровского и послепетровского времени матвеевской версии событий не означало, что составители, редакторы и переписчики оставались в стороне от оценки причин Московского восстания 1682 г. и объяснения развития событий на основе логики, страстей, а возможно и собственных, отличных от матвеевской версии сведений. При этом иноземная историко-графическая традиция, как мы уже упоминали, взаимодействовала с отечественной.

К Хронографу II русской редакции с дополнениями до "радости" царя Алексея Михайловича по поводу свадьбы с Марией Ильиничной Милославской (они не отмечены в "Изборнике" Попова) некий критически настроенный книжник приписал переводные исторические, этнографические и политико-географические статьи (с 1653 по 1696 гг.)⁴⁷. Среди прочих особенностей российской жизни отмечено, что царь "с кабаков и гостиниц сам един имеет прибыль превеликую, ибо народ сей к пьянству и любострастию zelo склонен" (л.420). К исследователям восстания можно отнести другое критическое высказывание: "в письменах же толь неискусны суть, яко в писании и прочтении книг совершенство учения полагают" (л.419). Любопытно, что столь неллицеприятные оценки россиян не вызвали отповеди у читателя, возмутившегося лишь замечанием о царе Федоре Алексеевиче, который по слабости здоровья и малолетству "во всеземной жизни своей (подчеркнуто читателем. — А.Б.) ничто же достойное памяти сотворил". — "Дурацкая ложь, — замечено было по сему поводу на нижнем поле, — ибо Федор Алексеевич был знаменитейший делами государь!" (л.418).

Утверждение, что царевна Софья, желавшая править от имени царевича Ивана, "стрельцов возбудила, дабы чрез бунты

первейших сенаторов, которых россияне своим языком болярами нарицают, побили, и брата ея Иоанна во управлении царства Российскаго дабы сотворили Петру причастника", было принято читателем без замечаний, как и рассказ о свержении Софьи с Голицыным при попытке низложения Петра (л.418 об.).

Если матвеевская версия, даже с разнообразными изменениями, была обычной для петровской историографии, то странно видеть ее полное неприятие в летописном своде, получившем с легкой руки А.Н.Насонова известность как "Свод Федора Поликарпова", составленный начальником Печатного двора по распоряжению Петра I (переданному через И.А.Мусина-Пушкина): "историю ... писать, начав от царства великого князя Василия Ивановича даже до днесь росиских дел"⁴⁸.

В указанной А.Н.Насоновым рукописи РГАДА. Ф.181. № 849 записано, что после смерти Федора и воцарения Ивана и Петра Алексеевича "за умножение грех ради наших бысть на Моске междоусобная брань. И приходили в Кремль всех полков надворная пехота, что през сего были стрельцы, та с ними ж саддаты" в полном вооружении, ходили в царские палаты и "по Белому городу все врата затворили и караулы крепкия поставили, и в город пропускали, а из города никою не велели пропускати". Восставшие в Кремле "били в большой набатной колокол в 12-м часу дня", убили перечисленных в тексте бояр, думных дьяков, полковников "и иных многих". "И было смятение великое, и молитвами преподобного Сергия Радонежского чудотворца та междоусобная брань прекратилась, и о том уставися пети благодарственный молебен во 191 (1683) году июля в 5 день" (л.428 об.).

Следует заметить, что сам А.Н.Насонов оценивал текст на л.426-490 как "летописные записи 70-х годов ХУП в.", доведенные до 7 апреля 1700 г., продолжающие текст Хронографа П ред. (до л.425 об.) и предшествующие "сырым материалам" (в том числе печатным, до л.579). Позже Г.Н.Моисеева указала, что вся рукопись является подготовительными материалами для "первоначального вида основной редакции" свода в чистовой рукописи ГБЛ. Муз. 4698. Л.1-396, из которой при переписке

возник окончательный вид основной редакции БАН. 32.6.30.
Л. I-508⁶.

Сделав предположение по косвенным признакам о принадлежности Свода, А.Н.Насонов указал, что "вопрос об авторстве" или даже причастности Ф.Поликарпова к его составлению "требует дальнейшего изучения и может быть окончательно решен только в результате детального анализа сохранившегося материала" (с.284).

Однако Г.Н.Моисеева ссылаясь при описании рукописи РГАДА уже не на Насонова, а на С.Л.Пештича⁵⁰, и никак не доказывая авторство Поликарпова, считала его несомненным. Приписки в конце списков БАН и ГБЛ свидетельствуют, что работа была закончена в марте 1715 г.; между тем 2 января 1716 г. Петр I, по сообщению И.И.Голикова, рассматривал "сочиненную для обрасца часть российской истории и трехязычный лексикон", за коее дал некоему автору 200 рублей⁵¹. Поскольку лексикон скорее всего принадлежал Поликарпову, а рассмотренные Петром рукописи — одному автору, Моисеева сделала вывод, что речь идет об истории Поликарпова, которая и есть изучаемый Свод.

Между тем еще А.Н.Насонов ссылаясь на письмо И.А.Мусина-Пушкина Поликарпову с сообщением, что составленные тем история и лексикон царю "не очень благоутодны были". Более того, он привел запись самого Петра "О книге, что делал Ф.Поликарпов", среди пометок о материалах, необходимых для составления истории⁵². Ученый сомневался лишь в отождествлении неподписанной рукописи (как выясняется, и двух других) с упоминаемой в документах "историей" Поликарпова. В конце концов речь шла о "части российской истории" (от Василия Ивановича или, по другому письму Мусина-Пушкина, об образце пространного и сокращенного описания пяти лет), а рукописи, безапелляционно названные Моисеевой "Историей России" Федора Поликарпова, охватывают период от Рюрика до 26 мая 1713 г.

В любом случае заметки за 1670-80-е гг. в рукописи РГАДА следует рассматривать лишь как источник петровского

исторического сочинения. Они представляют собой поврежденные записи, возможно — часть летописца, и восходят, по всей видимости, к Троице-Сергиеву монастырю. Несомненно официальное описание событий Московского восстания 1682 г. следует искать в другом сочинении — "Подробной летописи от начала России до Полтавской баталии" (СПб., 1798-1799. Ч. I-IV, публ. Н. Л. Львова), редакцию которой в рукописи РГАДА. Ф. 181. № 358 А. Н. Насонов приписал Г. Г. Скорнякову-Писареву, получившему в 1722 г. указ Петра I "сочинить книгу летописец" и обращавшемуся по сему поводу в Синод, куда указом от 16 февраля 1722 г. свозились "из всех епархий и монастырей" "летописцы, степенные, хронографы и прочие" сочинения, относящиеся до истории⁵³.

Позже А. Н. Насоновым были описаны еще два списка летописного свода, составление которого он связывает с именем Скорнякова-Писарева, причем Строгановский и Академический⁵⁴ списки оказались местами ближе к редакции "Подробной летописи", опубликованной Львовым, местами к редакции РГАДА⁵⁴. Строгановский список, доведенный "реестром" славных деяний Петра до 1722 г. (как и список Львова; основной текст Летописца по всем спискам кончается объявлением войны шведам в 1700 г.), содержит дополнительно материалы по делу царевича Алексея, которому, как известно, сочувствовал Стефан Яворский. Приписка в конце его сообщает, что "Сия лествица ("Лестницей от Августа кесаря римскаго великих князей российских" открывается рукопись. — А. Б.) из книг митрополита Стефана Резанского, равно и вся история ево рукой писанная".

Догадка о принадлежности "Подробной летописи" перу специалиста в естественных и инженерных науках (а также военных и сыских делах) Г. Г. Скорнякова — (до 1715 г. Екиманова) Писарева, директора Санкт-Петербургской морской академии, выглядит привлекательной, но представить себе не менее активного деятеля петровского времени, покровителя Московской славяно-греко-латинской академии митрополита Стефана Яворского переписывающим собственноручно обширнейший чужой труд — нелегко. Правда, Строгановский список местами передает текст сокращенно, но по словам самого

А.Н.Насонова, он выполнен "скорописью второй половины ХУШ в." и, следовательно, запись перенесена на него из протографа.

"Подробную летопись" (но не "до Полтавской баталии", как она совершенно произвольно названа в публикации Львова, а до начала Северной войны) следует, видимо, приписать Стефану Яворскому. Это важно для анализа памятника в целом, главное же: "Подробная летопись" безусловно является официальным сочинением, одним из результатов петровских мероприятий по созданию государственной истории. На это указывает основательное использование в ней выписок из документов Разряда, составленных по указу Петра I от 12 декабря 1715 г.

В.И.Буганов указал на подлинник канцелярии Правительствующего Сената (РГАДА. Ф.248. № 650. Л.498-641) и копию с него в Рукописном собрании МГАМИД (РГАДА. Ф.181. № 346/726. Л.1-10). Они содержат архивные выписки, отправленные в Санкт-Петербург 9 апреля 1716 г. согласно выписанному в начале обоих текстов указа: "в Москве в делах Розрядных, и Стрелецкого, и иных приказов сыскать и выписать подлинное о всех знатных делах воинских и гражданских, також и о розьскихных и о бывших бунтах в государстве Российском с начала государствования его величества, дабы собрать то все, выписав прислать в Санкт-Петербург в скором времени".

Помимо документов о бунтах, заговорах, военных действиях (в частности, Азовских походах) и гражданских узаконениях ("новосостоявшимся по гражданской части указам" введен особый раздел) петровского времени, выписки включали и более ранние документы - об истории отношений со Швецией (с начала ХУП в.), военных походах Алексея Михайловича, членах царской семьи (начиная с детей Михаила Федоровича) и т.п. При этом отсылкой "Доношения" в Петербург дело не окончилось.

Весь собранный материал (вместе с высланной в Петербург по указу от 4 октября 1717 г. справкой о русско-шведских отношениях и замечаниями о лакунах среди сохранившихся документов) был скопирован, причем в рукописи из библиотеки

князя Д.М.Голицына ГПБ. Толстова.Г ХУП.18 - вместе с частью Нового летописца и "Хронологией по библиях словенских и по хронографах рукописных русских, также и греческих, и римских, от начала миробития до Рождества Христова, в ней же изъясляется несогласие летописцов и показуется, яко несть совершенного известия, в кое лето бысть Рождество Христово" (л.34).

Еще одна точная копия документального сборника (сравнение показывает, что часть документов передана полнее и точнее, чем в публикациях, включая ПСЗ) имеется в рукописи БАН. 32.4.44 конца 30-х - начала 40-х гг. ХУШ в. Сборник того же времени БАН. 32.4.3 включает уже обработанные "экстракты" из документов с многочисленными пометами о сравнении текста с архивными рукописями (в Москве), например: "В присланной ведомости о разрядных делах показано о избрании на престол его величества. Подлинная книга в (17)16 году взята в канцелярию Сената, а о браке его величества в записных книгах не явилось" (л.10 об.); или: "О кончии его величества явствует в прежде посланной к сочинению истории в записной разрядной книге (7)204 году" (л.17). Копия экстрактов с дополнением до 1738 г. отразилась в рукописи ГПБ. Эрм.357 (содержащей, как и предыдущая, отсылки к "архивским" номерам документов).

Очевидно, что в 1715-17 гг. велась основательная работа по подготовке материалов к российской истории ХУП - начала ХУШ в., которая отразилась, в частности, в "Подробной летописи". Последняя как в издании, так и в указанных А.Н.Насоновым списках, следует в интересующей нас части о Московском восстании 1682 г. за "Ведомостью, выписанной из Розрядных дел о знатных делах воинских, и гражданских, и розыскных, и о бывших бунтах", прямо с первых ее слов о царском походе в Коломенское 20 августа⁵⁵, не преминув, хоть и не дословно, использовать дополнительную выписку из записных книг, появившуюся при доработке ранних копий "Ведомости"⁵⁶

Итак, "Подробная летопись", известная также как гипотетический "Летописец Скорнякова-Писарева", создавалась не ранее 1716 г. и не позднее 1722 г., то есть (которым оканчива-

ются дополнения в ряде ее редакций), то есть едва ли не раньше, чем Записки А.А.Матвеева, появившиеся после 1716 г. (как отмечает В.И.Буганов) и соответствующие, по мнению М.В.Николаевой, указу Екатерины I от 5 мая 1725 г. Пожелания императрицы были раскрыты в Записке Шафировова и, вероятно, учтены в "Истории" Б.И.Куракина в 1727 г.⁵⁷ Вопрос о соотношении текстов "Подробной летописи" и Записок Матвеева требует детального изучения, так же, впрочем, как и нерассмотренная до сих пор проблема источников Записок⁵⁸.

Правда, младший современник Матвеева П.Н.Крекшин (1684-1763 гг.), - из новгородских дворян, как и автор Мазуринского летописца Сидор Сназия и Г.Г.Скорняков-Писарев, не затруднял себя поисками источников о своем кумире Петре: "Аз ... должен блажен. я дела его прославлять, а не образом истории писать дерзая", - заявлял Крекшин в первом томе "Краткого описания блаженных дел...Петра Великого", поднесенном им императрице Елизавете Петровне в 1742 г.⁵⁹

Однако и столь поздние произведения не всегда являлись плодами авторской фантазии. Они могли восходить к традиции летописей и повестей, начало которой было положено свидетелями и даже участниками Московского восстания 1682 г. Обозрению этой традиции посвящена вторая часть исследования, которую автор предполагает опубликовать в следующем выпуске сборника.

-
- 1 См.: Буганов В.И. Московские восстания последней четверти XVII в. в дореволюционной и советской историографии // Истории СССР. 1966. № 2; Он же. Московские восстания второй половины XVII в. М., 1968 (рукопись докт. дисс.). С.12-128.
 - 2 Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. (Далее - Московские восстания). М., 1969. С.16; Он же. Новый источник о московском восстании 1682 г. // Исследования по отечественному источниковедению. М.-Л., 1964. С.319.
 - 3 См. тексты: Матвеев А.А. Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева // Сахаров И.П. Записки русских людей. (Далее - Записки). СПб., 1841. С.1-94; История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева... Изд. Н.Новиковым. Изд.2-е. М., 1785 (1-е изд. М., 1776; далее - "история"); То же (без "Вступления")

- см. в изд. Сахарова; Сильвестр Медведев. Созерцание краткое лет 7190, 191 и 92, в них же что содеяно во гражданстве. Публ. А.А.Прозоровского // ЧОИДР, 1894. Кн.4. (171). Отд.2. С.1-197; То же см.: Богданов А.П. Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М., 1990. С.45-200 (далее - "Созерцание").
- 4 Богданов А.П. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники за 1980 г. М., 1981.
 - 5 О позициях Медведева см.: Богданов А.П. Сильвестр Медведев // Вопросы истории (Далее - ВИ). 1988. № 2. С.84-98; Он же. Перо и крест. Русские писатели под церковным судом. М., 1990. С.231-382.
 - 6 О "Созерцании" см.: Богданов А.П. К истории текста "Созерцания краткого" // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С.127-161; Он же. К вопросу об авторстве "Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяно во гражданстве" // Там же. М., 1987. С.114-146.
 - 7 РГАДА. Ф.156. Исторические и церемониальные дела. Оп.1. № 89. (Ср. писарскую копию 1770 г. Там же, № 87).
 - 8 Лермонтова Е.Д. Самодержавие царевны Софьи по неизданным документам (из переписки, возбужденной графом Паниным) // Русская старина, 1912, февраль. С.425-447, 539-554. (Отд. оттиск М., 1912).
 - 9 Буганов В.И. Московские восстания. С.25.
 - 10 Там же. С.25-26.
 - 11 Богоявленский С.К. Хованщина // ИЗ. Т.10. С.185-186.
 - 12 Ср.: Буганов В.И. Московские восстания. С.138.
 - 13 Впервые издано по оригинальной рукописи Ватиканского архива Себастьяном Чьямпи: (Narratio rerum, quae post obitum Alexii Mikalowicz, Rectorum Imperatoris etc..., edit. a Sebastiano Ciampi. Florentiae, apud Guilelmum Piatti, 1829. Переиздано Августином Тайнером (Monuments historiques, relatifs aux règnes d'Alexis Michailowicz, Teodor III et Pierre le Grand czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples par Augustin Theiner. Rome, 1853. Цитируется по переводу М.П.Погодина // ЖМНП. 1835.4.5. №1. С.69-82).
 - 14 См.: РГАДА. Ф.89. Сношения с Турцией. Оп.1. Кн.20-22.
 - 15 Константинопольскую редакцию договора (март 1682 г.), лучшую, но также недостаточно соответствующую требованиям государя, Федор Алексеевич, видимо, прочесть уже не успел (ср. оба документа: ПСЗ-1. Т.2. № 916).
 - 16 Буганов В.И. Московские восстания. С.130.
 - 17 О месте Одоевских в событиях 1682 г. см.: Богданов А.П., Возгрян В.Е. Московское восстание 1682 г. глазами датского посла // ВИ, 1986. № 3. С.81-82, 86.

- 18 Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. М., 1976. (Далее - Восстание). С.79.
- 19 См.: Богданов А.П. К вопросу об авторстве "Созерцания". С.126-129.
- 20 Богданов А.П. Сильвестра Медведева панегирик царевне Софье 1682 г. // ПКНО. Ежегодник 1982. Л., 1984. С.45-52 (публикация); Он же. Диалектика конкретно-исторического содержания и литературной формы в русском панегирике конца XVII в. // Древнерусская и классическая литература в свете исторической поэтики и критики. Махачкала, 1988. С.48-64 (анал. политического содержания).
- 21 Богданов А.П., Возгрин В.Е. Московское восстание. С.88-89.
- 22 Богданов А.П. Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века. Литературные панегирики. М., 1983. № 1-6 (тексты и комментарии).
- 23 Там же. № 9 и след.; Он же. Литературные панегирики как источник изучения соотношения сил в правительстве России периода регентства Соф. I (1682-1689 гг.) // Материалы ВНСК "Студент и научно-технический прогресс", апрель 1979 г. История. Новосибирск, 1979. С.71-73.
- 24 Шмурло Е.Ф. Критические заметки по истории Петра Великого // ЖМ. I. 1901, октябрь. С.339; Он же. Польский источник о воцарении Петра Великого // Там же. 1902, февраль. С.424-448.
- 25 Kurtze und gründliche Relation, wie die vornehmste moscovitische Herren in der Stadt Moscow anno 1682 jämmerlich seyn niedergehanen! und die beyden Printzen Ioannes und Petrus zu Zaren erwehlt worden. 1686.
- 26 Diariusz zaboystwa tyranskiego senatorów Moskiewskich w stolicy roku 1682 y o obraniu dwoch carow Ioanna y Piotra.
- 27 Восстание. С.11.
- 28 Доказательства, что Невилль - реальное лицо, а не псевдоним французского писателя А.Байе, привел еще А.И.Браудо (Russica // Сборник статей в честь Д.Ф.Кобеко. СПб., 1913. С.248-250), труд которого, к сожалению, долго оставался незамеченным.
- 29 О рукописях Записок Невилля и результатах новейших исследований о нем см.: Лавров А.С. "Записки о Московии" де ла Невилля: автор, рукописи, печатное издание // Книга в Росс. XVII - середины XIX в. Материалы и исследования. Л., 1990. С.62-72.
- 30 [Fou de la Neuville]. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie... Paris, Aubouynet Clouzier, 1698; Foy de la Neuville. An Account of Moscow... London, Edward Castle, 1699; Reis Beschryvinge van Polen na Moscovien... Tyel, 1699; Utrecht, 1707. А.С.Лавров упоминает еще о французском переиздании записок в Гааге в 1699 г. (Указ. соч. С.62. Прим. 1), однако, мне не удалось просмотреть это издание. Перв. русский перевод Записок был выполнен в 1841 г.

- Н.А.Полевым с английского издания (Русский вестник. Т.3-4, № 9-10). Перевод парижского издания см.: Браундо А.И. Записки де ла Невилля о Московии 1689 г. // Русская старина, 1891. Т.71. № 9. С.419-450; № II. С.241-281).
- 31 См. перевод этого сочинения в рукописи БАН, 17.4.15, л.170-208 (далее цит. л.170-171, 206-208). Указания на время работы над рукописью на л.57, 76, перевод записан основным почерком на основной бумаге.
- 32 Korb J.G. Diarium itineris in Moscoviam... Viennae Austriae [Wien], 1700.
- 33 Crull J. The present conditions of the Moscovite Empire, till the year 1699, in two letters. London, 1699. P. 15 etc. Не очень удачный перевод см.: Bouvet L. Современное состояние Московской империи в 1699 г. // Туманский Ф. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. СПб., 1787. Ч.1.
- 34 Tanner B.L.F. Legatio Polono-Luthuana in Moscoviam... Norimbergae, 1689; Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Изд. И.Ивакин // ЧОИДР. 1891. Кн.3 (158). Отд.3, С.1-203 (с приложениями других текстов). Цит. с.125, 128.
- 35 Schleusing G.A. Anatomia Russiae Deformatae oder historische Beschreibung derer beyden auf einen Trohn gesetzten Czaaren Iwan und Peter Aleaxewitz. Dresda Misni, 1688. Ср. перевод Л.П.Лаптевой по авторской рукописи: Шлейссингер Г.А. Полное описание России находящейся ныне под властью двух царей-соправителей Ивана и Петра Алексеевича // ВИ. 1970. № 1. С.103-126. David, Georgius S.J. Status modernus Maghae Russiae seu Moscoviae (1690) / Edited by Florovskij A.V. London-Paris, 1965 (по авторской рукописи). Перевод с этого издания (Ю.Е.Копелевич) см.: Давид И. Современное состояние Великой России или Московии / Публ. Мильников А.С. // ВИ. 1968. № 1. С.123-132; № 3. С.92-97; № 4. С.138-147.
- 36 Eigentlicher Bericht, wezen des, in der Stadt Moskau 15, 16 und 17 May, anno 1682, einstandenn greulichen Tumults und grausamen Massacke... Hamburg, 1682; Theatrum Europaeum. Frankfurt am Mayn, 1691. Т. XII. S.441-456. Нем. текст перепечатан по "Европейскому театру": Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т.1. Перевод см.: Берх В.Н. Царствование царя Федора Алексеевича и история первого стрельцкого бунта. СПб., 1835. Ч.2. Приложения; Погодин М.П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672-1689. М., 1875. Приложения. С.38-36 (оба донесения; перевод Берха с уточнениями).
- 37 См.: Попов А. Турецкая война в царствование Федора Алексеевича // Русский вестник. 1857. № 6-7 (Т.). С.143-180, 285-328. Примечания.
- 38 Голландские копии донесений и часть русских переводов утрачены при работе В.А.Кордта над "Очерком сношений

Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов по "631 г." (Сборник РИО. СПб., 1902. Т. II 6), - Кордт планировал продолжение этого исследования.

- 39 Кордт В.А. Отчет о поездке в Голландию // Известия имп. Академии Наук. 1893, июнь. С.97.
- 40 Белов М.И. Нидерландский резидент в Москве барон Иоганн Келлер и его письма (рукопись канд. дисс.). Л., 1947; Он же. К истории дипломатических отношений России во время Крымских походов (1687-1689) // Уч. зап. ЛГУ. Серия историческая. Л., 1949. № II 2; Он же. Письма Иоганна ван Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов // Исследования по отечественному источниковедению. М.-Л., 1964. С.374-382.
- 41 См. обзор: Возгрин В.Е. Источники по русско-скандинавским отношениям XVI-XVIII веков // Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР. Археографический сборник. Л., 1982. С.146-157.
- 42 *Årsberetninger fra det kongelige Geheime Archiv. København, 1879. Bd. VI. S. 138-198.* Форстен Г.В. Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII века // ЖМНП. 1904, сентябрь, ноябрь, декабрь; Щербачев Ю. Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326-1690. М., 1893.
- 43 Форстен Г.В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века // ЖМНП. 1898, февраль, апрель, май. См. также: Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. М.-Стокгольм, 1978.
- 44 Висковатов К.А. Письма шведского посланника в Москве Христофора Кохена // Русская старина. 1878. № 8.
- 45 Записки И.А. Желябужского многократно издавались с 1787 г. См. новейшее издание: Богданов А.П. Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М., 1990. С.201-327. Единственное издание записок Б.И. Куракина см.: Архив кн. Ф.А. Куракина, издаваемый под редакцией М.И. Семевского. СПб., 1890. Т. I. С.41-78.
- 46 По летописцу РГАДА. Ф.181. № 625. Л.25 об.; РГБ. Ф.37. № 15. Л.350; БАН. 17.18.25. Л.422 - Петра выбрали "чиновные люди и народ"; Летописец ГИМ.Соб. Уварова. № 543. Л.192 об. сообщает: "московски(и) патриарх Иоаким и сиклит, и редворцы, и дворяне, и гости торговые избраша его всенародно на царство". По летописцу ГИМ.Соб. Черткова. № 156. Л.90 об., Петр был "коронован избранием всего российского народа".
- 47 БАН. 45.10.16. Рукопись начала XVIII в. Хронограф с указанными в оглавлении дополнительными летописными статьями на 1-41 об., приписки на той же бумаге новым почерком - л.418-421 (л.421 об.-431 чистые). Часть приписок (л.419-421) в "Описании Рукописного Отдела БАН СССР" (Изд. 2-е, М.-Л., 1959. Т.3. Вып. I. С.182-184) предположительно

- отнесена к Географии Иоганна Гюбнера, но с русским изданием его "Земноводного круга краткого описания" (М., 1719) не совпадает.
- 48 Насонов А.Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Вып. IV. С.281-284; Письма и бумаги Петра Великого. Т.УШ. Вып.2. С.938. М., 1951.
- 49 Моисеева Г.Н. "История России" Федора Поликарпова как памятник литературы // XVIII век. Л., 1974. Сб.9. С.81-92.
- 50 Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Л., 1961. Ч.1. С.110-117.
- 51 Голиков И.И. Дополнения к деяниям Петра Великого. М., 1794. Т.ХI. С.7. Еще П.Пекарский обратил внимание на сообщение Голикова, что Петр не хотел, чтобы Поликарпов включал в свое сочинение сведения "о начале света и других государствах" - "понеже о сем много писано", но сосредоточился бы на истории "Российского государства" (Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т.1. С.317). Если верить этому сообщению, Свод по рукописи РГАДА не подходит к предъявленным Поликарпову требованиям, включая хронографическую часть.
- 52 Насонов А.Н. Летописные памятники. С.283-284; Тихонравов Н.С. Сочинения. М., 1898. Т.П. Примечания. С.36. № 129; РГАДА. Кабинет Петра Великого. Отд. I. Кн.30. Л.112 - записи помещены между документами 1721 и 1722 гг., что, по мнению Насонова, не обязательно может служить для их датировки. В самом деле, помещенное в них указание "выбрать из разрядных выписок с царства царя Михаила Федоровича", собрать документы и записки об Азовских походах, "из них что пристойно в историю выбрать, также и после того что делалось во время заморских и архангелогородских походов, и о бунте под Воскресенским монастырем - все вносить в историю" - выполнялось уже в 1716 г. (см. ниже).
- 53 Насонов А.Н. Летописные памятники. С.279-281, 284; Пекарский П. Указ. соч. С.318-319.
- 54 Насонов А.Н. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. VI. С.262-264. Описаны рукописи БАН. : Строганова, № 60. Л.482 (летописец с л.57) и БАН. 21.6.8. Л.848 (летописец с л.470, после Хронографа, Степенной книги и "Рукописания Магнуша").
- 55 Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии / Публ. Н.Л.Львов. СПб., 1799. Ч. IV. С.65-122; РГАДА. Ф.181. № 358. Л.1175 об. (о Коломенском походе и проч. - с л.1191 об.; по изданию - со с.107) и др. списки. Ср.: РГАДА. Ф.248. № 650. Л.499-641; РГАДА. Ф.181. № 726. Л.1 об.-80; ГПБ. Толстова. Ф. ХУП.18. Л.307-367, БАН. 32.4.33. Л.3-12; ГПБ. Эрм.357. Л.33-45; БАН. 32.4.3. Л.41 и след.

- 56 БАН. 32.4.3. Л.13-15 об. Этот текст опубликован в "Восстании под № 204. С.255-256 по подлиннику Безгласного стола Разряда (РГАДА. Ф.210. Стлб.65. Ч.П. Л.1-7), с которого и был, видимо, скопирован петровскими архивистами.
- 57 Буганов В.И. Московские восстания. С.25; Николаева М.В. "История" А.А.Матвеева о стрелецком восстании 1682 г. (традиции исторического стиля XVI-XVII вв. в литературе петровского времени) // Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А.И.Герцена. Л., 1966. Т.309. С.25-56 (о соответствии сочинения Записке Шафирова - с.45-46).
- 58 Например, эпизод с дворянином М.И.Сумбуловым, получившим при Софье думный чин за то, что говорил в Кремле при избрании Петра, будто "по первенству надлежит быть на царстве государю царевичу Иоанну Алексеевичу всея России" (Записки Матвеева. С.6), ранее появляется в Записках Желябужского (Богданов А.П. Россия при царевне Софье и Петре I. С.205).
- 59 Подробнее о трудах Крекшина и их изданиях см.: Николаева М.В. Из истории русской повествовательной литературы первой половины XVIII века ("Сказание о Петре Великом" П.Н.Крекшина) // Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А.И.Герцена. 1958. Т.170. С.11-27; РБС. СПб., 1903. Т.9. С.43-45.

К ВОПРОСУ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЕКАТЕРИНЫ II
В ЕЕ ПЕРЕПИСКЕ С Г. А. ПОТЕМКИНЫМ

Изучение языка переписки Екатерины II и Г. А. Потемкина представляется важным для воссоздания языковой характеристики корреспондентов.

Императрица и князь переписывались по-русски и по-французски, но ведущим языком писем был русский, к которому оба корреспондента прибегали чаще и охотнее. Так, из более чем 2 тысяч посланий всего около 50 написаны по-французски, а 300 имеют вкрапления французских слов и выражений в русский текст.

В данной статье речь пойдет об особенностях и характерных чертах русского языка Екатерины II в ее переписке со своим ближайшим сотрудником и возможным морганатическим супругом¹. Не секрет, что большинство сочинений императрицы, как и ее письма к разным людям, довольно часто подвергались серьезной правке со стороны секретарей². Екатерина не скрывала своих погрешностей и говорила, что ей нужна "хорошая прачка", которая "стирала" бы написанное императрицей³. В этом отношении письма и записки к Г. А. Потемкину являются счастливым исключением: Екатерина писала их собственноручно, их никто не правил. "У меня не единого есть конфидента в том, что до вас касается"⁴, — говорит императрица своему любимцу. Таким образом, никем не правленные послания свидетельствуют о "реальном" русском языке Екатерины II.

Русскому языку Екатерину в бытность ее еще великой княгиней был представлен обучать В. Е. Адауров — переводчик, лингвист, математик, который сумел привить юной принцессе из прусского захолустья любовь к новому для нее языку. "Чтобы сделать более быстрые успехи в русском языке, я вставала ночью с постели и, пока все спали, заучивала наизусть тетради, которые оставлял мне Адауров"⁵, — напишет Екатерина много лет спустя. Успехи, достигнутые ею, действительно были поразительны. Вопреки распространенному мнению, что императрица с трудом, допуская грубые ошибки, изъяснялась

по-русски⁶, ее переписка с Г.А.Потемкиным свидетельствует об обратном. Следует признать, что Екатерина довольно хорошо писала и, видимо, говорила на языке своего нового отечества.

Известно, что основным языком общения при русском дворе того времени был французский. Во второй половине ХУШ в. французский язык стал вторым, а во многих случаях и первым языком столичного дворянства. Начиная с 1760-х гг., каждая четвертая книжка, выходящая в свет в издательствах Петербурга и Москвы на русском языке, имела французский оригинал⁷, всего же за 75 лет (с 1725 по 1800 гг.) в России было опубликовано около 2000 переводов с французского⁸. с 30-х гг. ХУШ в. в Россию ежегодно ввозились тысячи французских книг⁹. Французский язык стал одной из "шляхетных" наук, знание его служило символом учености и воспитанности, своеобразным пропуском в высший свет и на хорошие должности в армии и государственном управлении¹⁰.

В 40-50-е гг. (в царствование Елизаветы Петровны, которую в юности готовили в жены Людовику XV и по этой причине обучали французскому языку и манерам, принятым при французском дворе)¹¹ стремление читать и говорить по-французски охватило весь двор¹². "Пример двора", как писал кн. М.М.Щербатов, "великое действие над образом мыслей и всех подданных имеет", этот пример "разливается сперва на вельмож, а потом и на других граждан"¹³. Уже в царствование Елизаветы сложилась ситуация, о которой говорит в своих воспоминаниях Е.Р. ашкова, когда столичное дворянство и большинство придворных практически не владело русским языком, в отличие от дворян, родившихся и выросших в Москве и других городах России. Благодаря этому, нестоличное дворянство воспринимало петербуржцев почти как иностранцев¹⁴.

Подобное положение вещей не было уникальным для России. К ХУШ в. французское влияние на страны Западной Европы чрезвычайно усиливается¹⁵. В Германии, откуда родом была Екатерина, ф. инкофильские тенденции отчетливо проявляются с начала ХУП в. Немецкие князья стараются подражать блеску французского двора, распространяются французские моды, этикет,

правила поведения, обычаи, презрение к национальным традициям, дворянство постепенно забывает немецкий язык¹⁶.

Именно в такой среде Екатерине суждено было вращаться всю жизнь. Это чрезвычайно затрудняло обучение русскому языку, т.к., зачастую у императрицы просто не возникало необходимости к нему прибегать. В одной из комедий Я.Б.Княжнина молодой дворянин Ветромах говорит: "По нужде говорю я русским языком. С лакеем, с кучером, со всем простым народом, где думать нужды нет. А с нашим знатным родом, не зная французского, я был бы дураком"¹⁷. Надо сказать, что Княжнин не сильно стеснялся краски. Обе невестки Екатерины так и не смогли толком научиться говорить по-русски и обходились французским языком¹⁸. Их царственная свекровь оказалась упорнее. Однако и она довольно часто неправильно писала окончания в русских словах, не всегда верно угадывала род и падежи, склоняла и спрягала. Стыдясь своих погрешностей, императрица, посылая Григорию Александровичу какую-нибудь важную бумагу, составленную собственноручно, часто прикладывала к ней записку с короткой просьбой: "Поправь орфографию"¹⁹.

Язык Екатерины очень образен, ярок и богат на сравнения. "До всего света нужды нету, когда с тобой сижу, — пишет она Потемкину. — Я отроду так счастлива не была... Хочется часто скрыть от тебя внутреннее чувство, но сердце мое обыкновенно пробалтывает страсть. Знатно, что полно налито и от того проливается"²⁰. "Глупые глаза мои уставятся на тебя смотреть, и рассуждение не на копейки в ум не лезит, а дураку бог весть как. Мне нужно и надобно дни с три, есть ли возможность будет, с тобой не видеться, чтоб мой ум установился и я б память яшла"²¹. О своем чувстве к Григорию Александровичу Екатерина говорит так: "Я тебя не люблю, а есть нечто чрезвычайное, для чего слов еще не сыскано, алфавит короток и литер мало"²². "Захочешь ли, чтоб всегда осталось, и не вычернишь ли сам?"²³, — спрашивает императрица своего фаворита об отягощениях, возникших между ними, сравнивая их как бы с написанным на бумаге текстом, в котором можно вычеркивать — "чернить" — слова.

Для человека, занятого по преимуществу бумажной работой с документами, такой часто встречающийся в ее письмах и записках оборот очень показательен.

"Буду для тебя огненная, как ты изволишь говорить", — обещает Екатерина любимцу. Обидевшись на Потемкина за ненимание, она выговаривает ему: "Вы мне внизу вовсе позабыли и оставили одну, как будто бы я городской межевой стало"²⁴. О мурашках императрица пишет: "Как рак по спине ползет"²⁵. Сжигая раздосадовавшую Потемкина записку, она замечает: "Даже церковь считает себя удовлетворенной, коль скоро еретик сожжен. Моя записка сожжена, вы не пожелаете сечь и меня тоже"²⁶. Про строительство черноморского флота и восточное направление русской внешней политики императрица, предвидя крупные издержки, напишет Потемкину: "Тануть будут деньги часто в Черном море"²⁷.

В языке Екатерины встречаются много простонародных оборотов, пословиц, поговорок, старинных русских слов, которые уже к середине XVIII в. почти вышли из употребления. "Ау, ау, сокол мой дорогой, позволь себя вабить! Давно и долго ты очень на отлете"²⁸. Слово "вабить" означает в древнерусском языке звать, приглашать²⁹, в XVII в. оно использовалось в смысле манить птиц; термин этот был особенно употребителен для соколиной охоты, существовало даже специальное устройство "вабило", чтобы подманывать соколов³⁰. В другой раз Екатерина пишет Потемкину: "Река слов вздорных из главы моей истекохся"³¹. Часто вместо слова "не знаю" императрица употребляет "не вемь". Оправдываясь как-то перед любимцем, она говорит: "Всякому человеку свойственно искать оправданье, а колыми паче меня, которая подвержена ежечасно безчисленным от людей умных и глупых попрекам и критикам"³².

Часто употребляет Екатерина и устойчивые русские идиоматические обороты: "ветер бйной", "верна до гроба", "красна как рак", "ручи нету", "горький пьяница" и т.д. Нередко встречаются в записках императрицы пословицы и поговорки. Например: "Своя рубашка ближе к телу". Иногда Екатерина прибегала к притчам и сказкам: "Вся эта пустож похожа на сказку,-

пишет она Потемкину о его ревнивых подозрениях, — что у мужа жена плакала, когда муж на стенку повесил топор, что сорвется и убьет ребенка, которого на свете не было и быть не могло, ибо им обоим по сту лет было"³³.

Своего избранника Екатерина именует: "сударушка", "душа", "галубчик", "владыко", "муж", "милая милуша". Обращает на себя внимание то, что императрица, учившая русский любовный язык в основном со слуха, перенимая нежные эпитеты, обращенные к ней самой, довольно часто употребляет все эти слова в женском роде: "сударушка", а не "сударик", "милая", а не "милой" и т.д. К себе она тоже требует ласкового обращения. "Дорого тебе стоило... молвить или "душенька", или "галубушка"? — корит она однажды Потемкина. — Ни уже что сердце твое молчит?"³⁴ "Люби меня хоть крошечку"³⁵, — просит она. "Буде есть в тебе капли крови, ко мне привязанную, — пишет Екатерина в другой записке, — то зделай милость, приходи ко мне и выложи бешенство: ей, ей, сердце мое перед тобой невинно"³⁶.

Довольно часто использует Екатерина слова, обозначающие то или иное лицо по их семейному положению: сват, шури, зять и т.д. Это было принято в престонародной среде³⁷, а в XVIII в., видимо, характерно для всех слоев общества.

Не упускает императрица и очень распространенного тогда в русской престонародной речи наименования знакомых ей женщин по фамилии мужа с прибавлением аффикса "ша". Например: П.А.Брюс она называет в "Чистосердечной исповеди" и других записках Брюшей, герцогиню Елизавету Кингстон-Кингстоншей, итальянскую певицу ма-ам Габриэль — Габриэльшей. Такой оборот типичен для разговорного языка того времени.

Екатерина как человек не только заговаривавший, но и читавший по-русски, могла почерпнуть все эти обороты далеко не из одних бесед с горничными и кучерами. Во второй половине XVIII в. стихия русской разговорной речи врывается в самые разные жанры литературы классицизма: в драматургию, в любовную лирику, в панегирики и торжественно-хвалебные оды³⁸. Среди памятников, ориентированных прежде всего на

разговорную речь, были комедии, комические оперы, столь любимые императрицей и часто представляемые при дворе³⁹.

Большой популярностью пользовались травестированные поэмы Н.П.Осипова "Виргилиева Енеида, вывароченная наизнанку", Л.Котельницкого "Продолжение Вергилиевой Енеиды, вывароченной наизнанку", И.М.Наумова "Ясон, похититель златого руна" и Е.П.Люценко "Похищение Прозерпины", буквально "набитые" живыми разговорными выражениями из простонародной речи⁴⁰. Таким образом, Екатерина могла почерпнуть характерные для своего языка обороты не только из устной речи, но и из литературных источников.

Интересно, что используя иногда выражения русского языка не совсем правильно, императрица получала новые, свежие, ценительные обороты. Например: "Я люблю вас со всего сердца"⁴¹, — пишет она Потемкину, полагая, что любить можно, как и бегать со всех ног.

Однако не одна народная разговорная речь сделалась "питательной средой" для языка Екатерины. При русском дворе в это время господствовал довольно своеобразный жаргон, выработанный в основном в среде петиметров (фр. *petit* — *maître* букв. "маленький господин" — вертопрах, волокита, щеголь), оказывавших серьезное влияние на формирование вкусов столичного общества. Этот жаргон был во многом простой русской калькой с жаргона парижских петиметров⁴², но имел и ряд особенностей, связанных прежде всего с разными способами введения французских слов и выражений в ткань другого языка⁴³.

Екатерину II трудно было бы назвать "петиметровкой", как говорили с 60-х гг. о даме-щеголихе и кокетке. Ее журнал "Всякая всячина" изображает щеголей в самых сатирических тонах, высмеивает их манерничанье, безбожие, презрение ко всему русскому, невежество, непочтительность, увлечение карточными играми, склонность к сплетням, жеманство, прически, моды, вольный тон в общении между дамами и кавалерами⁴⁴. С середины 70-х гг. камер-фурьерский журнал все чаще и чаще отмечает появление дам при дворе во время больших праздников в т.н. русском платье, которое предпочитала императрица.

В 1783 г. в России была проведена реформа мод, закрепившая на некоторое время этот костюм, специальным указом запрещались прически выше четверти локтя⁴⁵. Впрочем, стремление императрицы уменьшить роскошь в туалетах, доходившую до безумия, и тем, по призыву кн. М.М.Щербатова, остановить разорение дворянства на безделушках⁴⁶, не нашло сочувствия. Общество возропало, и вскоре все вернулось на круги своя⁴⁷. Петиметры одержали победу над государыней, так их не любившей.

Несмотря на неприязнь ко всему, что исходило из среды придворных шеголей и шеголих, Екатерина довольно часто употребляет слова и выражения, свойственные именно их жаргону, что свидетельствует об его широком распространении в столичном и придворном обществе и, видимо, частично слиянии со светским жаргоном вообще.

Так, для любовного языка петиметров, как русских, так и французских, были свойственны частые "анималистические" сравнения друг друга с разными экзотическими животными (тиграми, львами, ланями и т.д.) и птицами (попугаями, фазанами и т.д.), а также цветами, фарфоровыми куклами и мраморными статуями богов и героев⁴⁸. Екатерина тоже кроме ласковых обращений к Потемкину типа "любушка", "сокол", "милуша" и "галубинка" использует слова "кукла", "перуша", "мой бутон", "золотой фазан", "мое сокровище", "золотой тигр", "мраморный мой красавец", "лев в тростнике", "мамурка", "яла моя дорогая". "Перуша" от фр. *perroquet* — попугай, попугайчик — одно из самых любимых прозвищ, которые Екатерина придумала для Потемкина. Иногда она сравнивала любимца с античными богами и героями. В одной из записок императрица пишет: "Желала бы я, чтобы вы представили передо мною, но отнюдь не в виду Плутона гнѣ ного, но снисходительного божка к слабости моей."⁴⁹

В числе излюбленных словечек у русских и французских петиметров были междометия *ah*, *oh*, *eh*, восклицания: *eh mais!* (да ну!), *bon!* (хорошо!) и т.д.⁵⁰ Все эти слова довольно часто встречаются и в языке Екатерины: *oh, monseigneur* — Потемкин!", "о, боже мой!.."; "всем присягаю"; "клянусь Вам!";

"ах, радость, не прогневайся!"⁵¹

В моде была и гиперболичность высказываний, создаваемая подбором слов: "ужасно", "страшно", "смертельно". Такая гиперболичность очень характерна для языка Екатерины. Например: "умираю, хочу видеть!" или "безмерна жизнь моя, душа моя".

Чрезвычайно модным считалось сопоставление любви с военными действиями, — поскольку любовь, по мнению "идеологов" петиметрства, есть состояние войны, — или с болезнью, тяжким недугом⁵². Переписка Екатерины наводнена подобными сравнениями. "Добро, ищи лукавства, хоть со свечой, хоть с фонарем в любви моей к тебе, — пишет императрица, — если найдешь акроме любви чистой самой первой статьи, дозволяю тебе все прочее класть вместо заряда в пушки и выстрелить по Силистрии"⁵³. В другой записке она предупреждает, что заедет к нему, "с условием, что Перюла не будет строить проектов атаки на сей ретрашамент"⁵⁴. Мирясь с любимцем после очередной ссоры, Екатерина говорит: "Я все сие кровью подпишу. Трактат такой важной и милой иначе подписан быть не должен"⁵⁵. Кроме военных сравнений императрица прибегает к "медицинским": "О, боже мой, как человек глуп, когда он любит чрезвычайно! Это болезнь, от этого надлежало лечить в госпитолях". Дальше Екатерина продолжает уже по-французски: "Нужны, сударь, унимающие боль лекарства, можно свежей воды, несколько кровопусканий, лимонного соку, не пить вина, мало есть, много дышать свежим воздухом и так много двигаться, чтобы тело домой приносили, и черт знает, можно ли за сим еще Вас вывести из мысли моей?"⁵⁶ Или "Вы расстроили голову, которая доселе слыла у всех одной из лучших в Европе"⁵⁷.

Для языка петиметров, особенно дам, характерно постоянное подчеркивание нежной чувствительности, сентиментальной окраски всех своих поступков. "Ты знаешь чувствительность моего сердца"⁵⁸, — не раз повторяет Потемкину императрица. Оканчивая одну из записок, она говорит: "Намарала целая метафизика сентиментальная"⁵⁹; "Нету роду сентиментов в твоей пользы, которых бы я не имела и не рада была бы показать"⁶⁰.

Кроме жеманности язык петиметров отличался напускной грубостью, использованием слов-ругательств, показывающих

непринужденность и развязность говорящего, столь ценимую в обществе щеголей и волокит⁶¹. Подобные слова часто встречаются и в речи Екатерины. "Я думаю, что тебе подобнаго нету, и на всех плевать. Напрасно ветренная баба меня по себе судит"⁶², — пишет она своему любимцу. "Гаур, москов, казак яицкий, Пугачев", "лихой татарин", смеясь называет императрица своего избранника. "Пожалуй, нарядите меня для Петергофа, — просит она его, — чтоб мы у всех глаза выдрали и чтоб... слух был о нашем скосердстве..."⁶³.

Для жаргона петиметров характерно использование французских слов и выражений, включенных в речь часто в русифицированной форме. Обычно такими словами становились глаголы, оформленные русским суффиксом "ировать"⁶⁴. Екатерина предпочитала записывать корень слова латинскими буквами, а суффикс русскими. Например: *encouragi* — ровать" (от фр. *encourager* ободрять), или *embarrasser*овать" (от фр. *embarrasser* затруднять, стеснять, мешать). Иногда она писала все слово русскими буквами: "Изволишь сюпонировать невозможное"⁶⁵, "Весьма резонабельное твое письмо я получила"⁶⁶.

Итак, в языке Екатерины II можно встретить как яркие, сочные простонародные обороты, так и словечки и выражения из придворного жаргона. Обе эти характерные черты проявляются в речи императрицы не изолированно друг от друга. Выражения народного языка сплетаются с французскими жаргонизмами. Например: "Когда ты со мною, надобно, чтоб я глаза закрыла, а то заподлинно сказать могу тово, чему век смеялась, что взор мой тобою пленен. Экспрессия, которая я почитала за глупая, незбыточная и ненатуральная, а теперь вижу, что его быть может"⁶⁷.

Посредством языковых контрастов в переписке создается довольно сложный образ Екатерины II. Вернее было бы сказать, что императрица создает его сама. Горячая поклонница и во многом воспитанница литературы французского Просвещения, Екатерина II, видимо, воспринимала как литературные произведения не только свои сказки, рассказы, комедии, исторические драмы и даже автобиографически записки⁶⁸, но до известной степени и свое эпистолярное наследие. В юности сформированное впечатление

на будущую русскую императрицу произвели "Письма" мадам де Севиньи⁶⁹, которые Екатерина "проглотила", по ее собственному выражению, на одном дыхании и "не могла от них оторваться"⁷⁰. Впоследствии, быть может, не отдавая себе самой в этом отчета, Екатерина постаралась перенять для себя у мадам де Севиньи ее легкий фамильярный тон в обращении к корреспондентам и стремление перескакивать с одного сюжета на другой.

В письмах к разным корреспондентам Екатерина предстает по-разному. Ее образ меняется в зависимости от того, кто является собеседником императрицы. Стремление нравиться всем заставляло ее внешне подстраиваться под вкусы и привычки тех, с кем она в тот или иной момент имела дело. Огромную роль в перевоплощениях играл особенный для каждого корреспондента язык, который императрица избирала в новом эпистолярном диалоге.

Какой же Екатерина желает казаться в глазах Потемкина? Почему для общения с ним она выбирает по преимуществу русский язык, хотя оба много и охотно писали по-французски к другим корреспондентам, а кроме того, отточенные предшественниками французский любовный лексикон как нельзя лучше бы подошел для переписки первых лет фавора Потемкина?

Екатерина старается предстать перед Потемкиным любящей женой, верной и безропотно сносящей его капризы и деспотизм. Она создает в некоторых записках песенно-сказочный образ: "Душенька. Я взяла веревочку и с камнем, да навязала их на шею всем ссорам, да погрузила в прорубь. Не прогневайся, что я так ученила, а буде понравится, изволь перенять. Здравствуй, миленький, без ссор, спор и распрей"⁷¹. Ревнивый и подозрительный Потемкин выглядит в таком случае настоящим "домостроевским" супругом, готовым запереть императрицу дома и никого к ней не впускать. "Если Вы будите продолжать тревожиться сплетнями кумушек, то знайте, что я сделаю. Я запрусь в своей комнате и не буду видеть никого, кроме Вас. Я стою перед необходимостью принять чрезвычайные меры и люблю Вас больше, чем самое себя"⁷². Из записок Екатерины предстает на удивление мягкой и кроткой женщиной. "Погоди

маленко, — просит она Григория Александровича, — дай перекипеть оскорбленному сердцу, ласка сама придет. Она у меня суетливо, она везде суется, где ее не талкают вон, да и когда талкаешь, и тогда она вертится около тебя, как бес, чтобы найти место, где ей занять посту. Когда ласка видит, что с чистосердечием прийти не может, тот час она облачает ризы лукавства". "Хто столько желает дружно жить, хто нравом тише?"⁷³ — добавляет она далее.

Однако образ покорной и во всем зависящей от "владыки" жены меняется, как только речь заходит о делах. Она нередко выговаривает Потемкину за то, что он пытается понудить ее уважать его капризы и ребячества⁷⁴. Во время изматывающе долгих ссор по поводу неподписанных ею указов, которые подготавливал Григорий Александрович⁷⁵, Екатерина ведет себя на удивление твердо для покорной жены. В таких случаях государыня побеждает в ней женщину, и она хочет, чтоб Потемкин это знал. Кроме того Екатерина никогда не забывала о любви к себе. "Душа в душу жить я готова, — отвечает она на предложение мира, — только бы чистосердечья моя никогда не обратилась мне во вред, а буде увижу, что мне от нее терпеть, тогда своя рубашка ближе к телу"⁷⁶. Прося у Потемкина совета, как ей поступить со своими политическими недоброжелателями, императрица желает выглядеть волевой и нарочито грубой в отношении них: "Естьли же тебе угодно, то всех в одно сутки так приберу к рукам, что любо будет. Дай по царски поступить — хвост отшибу!"⁷⁷

Становится ясно, что русский язык в переписке был выбран корреспондентами не случайно. Видимо, оба искали в нем возможность более выпукло и ярко выразить свои эпистолярные образы, не сглаживая углов и шероховатостей привычным лоском салонной речи.

Этой цели как нельзя более соответствует живой, неприглаженный, а порой и грубоватый русский язык Екатерины, соединяющий в себе как бы два совершенно чуждых друг другу стиля речи: народно-разговорную и придворно-салонную.

Как возникли и развились настолько разные тенденции в речи человека, обладавшего несомненным языковым чутьем и

неплохим литературным вкусом? Почему убеждение "в силе и богатстве языка нашего"⁷⁸, о котором Екатерина писала Вольтеру, сочтались в ней со стремлением "украшать" и "облагораживать" русскую речь иностранными словами (а именно так воспринималось в среде петиметров желание постоянно вводить новые и новые французские обороты в свой язык)?⁷⁹ Дело в том, что ХУШ в. был переломным моментом в сложении литературной нормы национального русского языка. В этот период совершилось падение книжно-славянского типа как ведущей нормы литературного языка, начался пересмотр грамматического кодекса. Старые языковые ориентиры были разрушены, новые не успели еще появиться.

Серьезная реформа, способствовавшая развитию русского литературного языка, была осуществлена М.В.Ломоносовым, издавшим свою знаменитую "Риторику"⁸⁰. Но и после этого практически в течение всего ХУШ в. русский язык как бы "перебаливал" те изменения, которые он претерпел в годы петровских преобразований.

Екатерина писала и говорила на русском языке в то время, когда критериев единого языкового вкуса еще не было выработано, "образцовой" нормы не существовало. (Эта норма появится несколько позднее, в произведениях Н.М.Карамзина и будет закреплена А.С.Пушкиным и писателями его круга)⁸¹. Екатерина же, не имея перед собой четких образцов для речевого подражания, стремилась перенять и использовать самые разные стили и манеры речи.

1 Бартенев П.И. Брак Екатерины II и Г.А.Потемкина // Русский архив. 1906. № II. С.613-616.

2 Ислягина Л.Г. Канцелярия статс-секретарей при Екатерине II // Государственные учреждения России ХУІ-ХУШ вв. М., 1991.

3 Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. М., 1987. С.134.

4 РГАДА. Ф.5. № 85. Ч.І. Л.346.

5 Екатерина II. Собственнооручные записки императрицы Екатерины II. М., 1990. С.257.

- 6 Алпатов М.А. Указ. соч. С.134.
- 7 Копанев Н.А. Французская книга и русская культура в середине XVIII века. М., 1988. С.3.
- 8 Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725-1800. М., 1962-1967. Т.1-5.
- 9 Копанев Н.А. Указ. соч. С.3.
- 10 Там же. С.118.
- 11 Даль С.П. Императрица Елизавета Петровна. М., 1894. С.6.
- 12 Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // Столетие безумно и мудро. XVIII век. М., 1988. С.337.
- 13 Там же. С.340.
- 14 Дашкова Е.Р. Записки. 1743-1810. Л., 1985. С.9-10.
- 15 Биржакова Е.Э. Шеголи и шегольский жаргон в русской комедии XVIII века // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С.104.
- 16 Бах А. История немецкого языка. М., 1956. С.216.
- 17 Князнин Я.Б. Чудаки // Российский театр, или Полное собрание всех российских театральных сочинений. СПб., 1790. Ч.41. С.35.
- 18 Брикнер А.Г. Эпизод из истории Екатерины II. Смерть великой княгини Натальи Алексеевны (1776) // Новь. 1886. Т.ХI. № 18. С.109.
- 19-28 РГАДА. Ф.5. № 85. Ч.2. Л.286; Ф.1. № 54. Л.4; Ф.5. № 85. Ч.2. Л.129 об.; Ф.1. № 54. Л.16; Ф.5. № 85. Ч.1. Л. Л.216, 217; Ф.1. № 54. Л.30; Ф.5. № 85. Ч.1. Л.140, 366, 409.
- 29 Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). М., 1988. Т.1. С.370.
- 30 Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. М., 1937. Т.7. С.443.
- 31-36 РГАДА. Ф.1. № 54. Л.2, 17, 24; Ф.5. № 85. Ч.1. Л.172, 276, 409.
- 37 Князькова Г.П. Лексика народно-разговорного источника конца XVIII в. (материалы и наблюдения) // Язык русских писателей XVIII века. М., 1981. С.173.
- 38 Там же. С.171.
- 39 РГАДА. Ф.1. № 54. Л.43.
- 40 Томашевский Б.В. Поэзия наизнанку // Ирои-комическая поэма. Л., 1933. С.254.
- 41 РГАДА. Ф.5. № 85. Ч.1. Л.291.
- 42 Биржакова Е.Э. Указ. соч. С.97.
- 43 Там же. С.107.

- 44 Там же. С.99.
- 45 Валишевский К. Вокруг трона. М., 1989. С.449-452.
- 46 Щербатс М.М. Указ. соч. С.381-382.
- 47 Пыляев М.И. Старый Петербург. М., 1990. С.448-452.
- 48 Биржакова Е.Э. Указ. соч. С.105.
- 49 РГАДА. Ф.1. № 54. Л.92.
- 50 Биржакова Е.Э. Указ. соч. С.108.
- 51 РГАДА. Ф.5. № 85. Ч.1. Л.243; Ч.2. Л.80; Ч.1. Л.367.
- 52 Биржакова Е.Э. Указ. соч. С.109.
- 53-57 РГАДА. Ф.5. № 85. Ч.1. Л.293; Ф.1. № 54. Л.26; Ф.5. № 85. Ч.1. Л.2, 205, 243.
- 58-60 РГАДА. Ф.5. № 85. Ч.1. Л.236; Ф.1. № 54. Л.2; Ф.5. № 75. Ч.1. Л.345-346 об.
- 61 Биржакова Е.Э. Указ. соч. С.111.
- 62-63 РГАДА. Ф.5. № 85. Ч.1. Л.255, 377.
- 64 Биржакова Е.Э. Указ. соч. С.111.
- 65-67 РГАДА. Ф.5. № 85. Ч.1. Л.129 об., 267, 397.
- 68 Каменский А.Б. "Записки" Екатерины Второй: попытка нового прочтения // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения памяти А.Л.Станиславского: Тезисы докладов и сообщений. М., 1991. С.105-106.
- 69 Хотеев П.И. Книга в России в середине XVIII в. Частные книжные собрания. Л., 1989. С.12.
- 70 Екатерина П. Записки. СПб., 1907. С.108.
- 71-77 РГАДА. Ф.5. № 85. Ч.1. Л.223; Ф.1. № 54. Л.3, 121; Ф.5. № 85. Ч.1. Л.135, 140, 399, 416.
- 78 Переписка российской императрицы Екатерины Второй с господином Вольтером с 1763 по 1778 год. СПб., 1802. С.28.
- 79 Биржакова Е.Э. Указ. соч. С.106.
- 80 Берков П.Н. Ломоносов и проблема русского литературного языка в 1740-х годах // Известия отдела общественных наук АН СССР. М., 1937. № 1. С.224.
- 81 Русский язык писателей XVIII века. М., 1981. С.4-5.

ДОКУМЕНТЫ О ПУГАЧЕВЦАХ, ОТБЫВАВШИХ ССЫЛКУ НА
БЕЛОМОРСКОМ СЕВЕРЕ

С конца 1774 г. императрица Екатерина II готовилась к поездке в Москву, чтобы торжественно отпраздновать там, в первопрестольной столице, победоносное завершение войны с Турцией. Но отъезд со дня на день откладывался из-за того, что в Москве все еще шел процесс по делу вожаков Крестьянской войны, Е.И. Пугачева и ближайших его сподвижников. И, наконец-то, примчался в Петербург, обогнав курьерские тройки, сенатор Д.В. Волков и обрадовал императрицу вестью о том, что судебная "пугачевская" эпопея завершилась, "все дело кончено", и произошло это два дня тому назад, 10 января 1775 г.¹

В тот день на Болотной площади в Москве казнены были Е.И. Пугачев, А.П. Перфильев, М.Г. Шигаев, Т.И. Подуров и В.И. Торнов; до двадцати пугачевцев, осужденных к пожизненной каторге и к ссылке на поселение, претерпели жестокую экзекуцию.

Все это происходило в соответствии с судебным приговором, так называемой сентенцией, одобренной Екатериной II и лишь после того подписанной членами верховного суда на заседании 9 января 1775 г., за день до казни. 6-й пункт сентенции, касающийся приговоренных к пожизненной ссылке на поселение, гласит: "Яцких казаков: Тимофея Мясникова, Михайлу Кожевникова, Петра Кочурова, Петра Толкачова, Ивана Харчева, Тимофея Скачкова, Петра Горшенина, Панкрата Ягунова, пахотного солдата Степана Оболяева и ссыльного крестьянина Афанасья Чучкова, яко бывших при самозванце, и способствовавших ему в лживых разглашениях и в составлении злодейских шаек, высечь кнутом и, вырвав ноздри, послать на поселение"².

В интересах последующего изложения следует привести биографические данные о десятирех этих пугачевцах, что важно и потому еще, что многие из них обойдены вниманием научной литературы.

Мясников Тимофей Григорьевич (1746 г.р.), яицкий казак, в конце августа 1773 г. приехал с И.Н.Зарубиным-Чикой, М.Г.Шигаевым и Д.К.Караваемым к Е.И.Пугачеву, укрывавшемуся на Таловом умете под Яицким городком, и участвовал в обсуждении плана предстоящего вооруженного выступления. С первого дня восстания (17.IX.1773) Мясников находился в рядах повстанческого войска, на войсковом круге восставших (19.IX) избран сотником, позднее командовал "гвардией" — сотней отборных казаков, составлявших личную охрану Пугачева. Мясников участвовал во взятии приицких крепостей, в осаде Оренбурга и Яицкого городка, был в других боях и походах. После поражения повстанческого войска в битве у Сакмарского городка (1.IV.1774) Мясников бежал в Илецкий городок, где неделю спустя и был схвачен прибывшей туда гусарской командой карательного корпуса генерала П.Д.Мансурова, доставлен в Оренбург и дважды допрошен в секретной комиссии³. Производивший дознание капитан-поручик гвардии С.И.Маврин писал, что Мясников "из числа первых сообщников и преданных" Пугачеву людей, которого "щадить не должно"⁴. Другой следователь, генерал-майор П.С.Потемкин, не высказал мнения о мере наказания, ограничившись краткой справкой о действиях Мясникова: он был у Пугачева "сотником от самого начала и до разбития злодеев по Сакмарю, сражался с войсками, но смертоубивств особенно не делал"⁵. 7 ноября 1774 г. Мясников был доставлен под конвоем в Москву, в Тайную экспедицию Сената, где производилось генеральное следствие над Пугачевым и ближайшими его сподвижниками, и был допрошен⁶, не сообщив каких-либо новых подробностей в сравнении с предшествующими его показаниями на допросах в Оренбурге⁷.

Кожевников Михаил Алексеевич (1735 г.р.), яицкий казак. На его степном хуторе у реки Чаган в начале сентября 1773 г. имели пристанище Е.И.Пугачев и его сторонники И.Н.Зарубин-Чика, Т.Г.Мясников, В.С.Коновалов, К.Т.Кочуров и другие, готовившие вооруженное выступление. К ним примкнул и Кожевников. Сведения о местонахождении Пугачева и его сообщников дошли до коменданта Яицкого городка подполковника И.Д.Симонова, который тотчас же отправил розыскную команду для поимки

заговорщиков. Команда эта, приютив на хутор (I5.IX.I773), застала там одного лишь Кожевникова, а Пугачев со всеми другими его людьми, как выяснилось, накануне уехал к реке Усиче. Кожевников был арестован и доставлен в Яицкий городок, где дважды допрошен (во второй раз – пристрасно, с битьем плетью)⁸. До конца апреля 1774 г. Кожевников содержался в заключении в крепости Яицкого городка, а затем отконвоирован в Оренбург, где был допрошен в секретной комиссии⁹. Характеризуя подследственного, капитан-поручик С.И.Маврин, писал, что Кожевников скрывал на своем хуторе Пугачева, "уверен будучи Чикою, что царя хранит, и действовал в нем род легковерия" (имея в виду то, что был убежден в истинность "царского" происхождения Пугачева, выдававшего себя за императора Петра Третьего. – Р.О.), а потому – де он, как и брат его Степан¹⁰, "жестокое телесное наказание претерпеть должен"¹¹. В своем отзыве генерал-майор П.С.Потемкин особо отметил упорство и скрытность М.А.Кожевникова в первых его показаниях по аресте: будучи "взят под караул тогда, как из /Яицкого/ города поиск выслан был по первому слуху о самозванце, но он утаил об нем, а сказал из-под пристрасного допроса /лишь/ тогда, как уже знал, что злодей имел время скрыться в другое место"¹². 7 ноября 1774 г. Кожевников был доставлен в Москву, в Тайную экспедицию Сената, на главное дознание по делу Пугачева и ближайших его сподвижников, где при кратком, чисто формальном допросе¹³, подтвердил показания, данные им на следствии в Оренбурге.

Кочуров Петр Тихонович (1739 г.р.), тицкий казак, привлеченный за разглашение слухов, направленных на поддержку задуманного Е.И.Пугачевым и его сторонниками намерения поднять казаков на вооруженное восстание. О Пугачеве, укрывавшемся на казачьих хуторах в приицкой степи, и о его замысле Кочуров выведал из беседы с казаком Т.Г.Мясниковым в начале сентября 1773 г., и с его слов стал делиться с "верными людьми" сведениями: когда казаки Яицкого войска отправятся на свою осеннюю плавню (рыболовный промысел) навстречу им явится новоявленный "император Петр Федорович" (Пугачев), и "естли-де войско к нему склонитца, тс он-де выдаст жалования

на каждого человека, денежного по 12-, да хлебного по тому ж числу рублей", а потом пойдет с прикнувшими к нему на взятие Яицкого городка. Такой радостной новостью Кочуров поделился и со своим дядей, оруженным слесарем С. Кононовым, а тот оказался предателем и подал властям донос на племянника. Кочуров был арестован (15. IX. 1773) и на допросе в комендантской анцеларии под битьем плетью чистосердечно признался во всем¹⁴. Будучи заключенным, он использовался на работах по вооружении городской крепости, а после того, когда она была осаждена повстанцами (30. XII. 1773), Кочурова вместе с другими осажденными выпускали на вылазки из крепости за провиантом (за трупами павших и подстреленных домашних животных, которые шли на пищу изнуренного голодом гарнизона). В конце апреля 1774 г., вскоре после вступления в Яицкий городок корпуса генерал-майора П. Д. Мансурова, Кочуров был отправлен в Оренбург, где и допрошен в секретной комиссии¹⁵ капитан-поручиком С. И. Мавриным, который отметил в записке, что, хотя Кочуров по характеру его легковверен и простодушен ("прост") и не был среди восставших, но все-таки его следует жестоко наказать¹⁶. Вопреки тому, генерал-майор П. С. Потемкин склонен был со снисхождением отнестись к Кочурову: он, хотя и делал разглашения о Пугачеве, но, будучи взят под стражу, дал откровенное показание о самозванце, "по которому объявлению и поиск послан" для его поимки. А потом он, Кочуров, добросовестно работал в крепости ("ретранжаменте") и "не покушался предаться к злодею"¹⁷. 7 ноября 1774 г. Кочуров был доставлен в Москву, в Тайную экспедицию Сената, где в кратком допросе¹⁸ подтвердил прежние свои показания, сообщенные им на следствии в Оренбурге.

Толкачев Петр Прокофьевич (1730 г. р.), яицкий казак, прикнул к Е. И. Пугачеву 17 сентября 1773 г., в день начала восстания, с того времени служил в его войске, участвовал во взятии приаицких крепостей и в осаде Оренбурга, где был ранен в бою 14 ноября 1773 г., захвачен в плен карателями в битве под Сакмарским городком (1. IV. 1774), содержался под следствием в Оренбургской секретной комиссии, где был допрошен¹⁹ капитаном А. М. Луниным и капитан-поручиком С. И. Мавриным.

По мнению Маврина, Толкачев "телесное наказание должен претерпеть жестокое, ибо вся родня сего плута - бунтующая"²⁰, а он более многих предан был злодею"²¹. В записке генерал-майора П.С.Потемкина сообщается, что Петр Толкачев - "брат главного злодея Толкачева /Михаила/, который осаждал Яицкий ретранжамент и в Оренбурге повешен", он же, Петр, "был в толпе злодейской по разбитие оной под Сакмарой, /а до того/ сражался многократно с войсками, но в убийстве и злодействах более сего не обличен"²². Толкачев 7 ноября 1774 г. был доставлен в Москву, в Тайную экспедицию Сената, где и был допрошен²³, сообщив при этом некоторые дополнительные данные (сверх известных уже по оренбургским его показаниям) о событиях первых дней восстания, а также о судьбе четверых своих братьев-пугачевцев.

Харчев Иван Сергеевич (1736 г.), яицкий казак. В первой половине сентября 1773 г. не только знал о Е.И.Пугачеве и его сторонниках, готовивших вооруженное выступление, но и побывал в их лагере у реки Усихи и, видимо, сочувствуя заговорщикам, скрыл эти обстоятельства от властей. К повстанческому движению Харчев примкнул в начале января 1774 г., вскоре после вступления в Яицкий городок отряда пугачевского атамана М.П.Толкачева (30.XII.1773), осадившего здешнюю городовую крепость - "ретранжамент". Толкачев назначил Харчева "провиантмейстером", он "употреблен был к закупке в город скотин и к роздаче мяса бунтующей толпе", а потому, по его словам, в боях под осажденной крепостью и в приступах к ней не участвовал. 16 апреля 1774 г., день спустя после поражения яицких казаков-повстанцев в бою с корпусом генерала П.Д.Мансурова у реки Быковки, Харчев явился с повинной к яицкому коменданту полковнику И.Д.Симонову, был взят под стражу, а в начале мая доставлен с другими пленными пугачевцами в Оренбург, где и был допрошен в секретной комиссии²⁴. 7 ноября 1774 г. Харчев был доставлен в Москву и при допросе в Тайной экспедиции Сената²⁵ дополнил некоторыми подробностями свои оренбургские показания, в частности, о встрече с Пугачевым накануне восстания. Любопытна, хотя и не во всем достоверна характеристика Харчева, приведенная в записке генерал-майора П.С.Потемкина.

Он писал, что, по его мнению, Харчев "неглуп", о Пугачеве он знал, что "проявился на Таловой", но никому о том не разглашал — не доносил, "сказывал, якобы по простоте. Был в ретранжаменте и защищался против злодеев более месяца. Потом отпущен был из города на ловлю рыбы и захвачен злодейским атаманом Толкачевым, где пребывал до разбития злодеев под Яицким городом, и тогда явился к коменданту. Брат его²⁶ весьма верной человек"²⁷. Здесь неверно сказано то, будто Харчев более месяца оборонял Яицкий "ретранжамент" от повстанцев. На самом деле он ни одного дня не находился среди защитников этой крепости. Не соответствует истине и указание о том, что Харчев, находившийся на рыболовстве в низовьях Яика, был силой взят в отряд пугачевского амана М.П.Толкачева. В действительности же, как явствует из показаний Харчева, он добровольно явился к Толкачеву по вступлении его отряда в Яицкий городок, и поступил так, как и многие другие казаки, которые "заражены уже были легковерием к самозванцу", приняв Пугачева за "истинного государя, обещался служить ему верно"²⁸. В потемкинской записке не упомянуто о знакомстве и общении Харчева с Пугачевым еще до начала восстания, при их встрече в лагере у реки Усихи. Надо полагать, что это умалчание и отмеченные выше отступления от истины могут быть объяснены намерением Потемкина смягчить участь Харчева в воздаяние заслуг двоюродного его брата Петра Осиповича Харчева, в первую очередь за то, что тот доставил арестованного Пугачева в Яицкий городок и сдал в руки властей²⁹.

Скачков Тимофей Петрович, яицкий казак, вступил в войско Е.И.Пугачева 19 сентября 1773 г., участвовал во взятии приицких крепостей, в осаде Оренбурга, в походе по Уралу, Прикамью и Поволжью. После поражения повстанческого войска в битве у Солениковой ватаги под Черным Яром (25.УШ.1774) бежал и пытался с группой казаков добраться до Яицкого городка, но вблизи города Сызрани схвачен карателями и отконвоирован в Симбирск, в штаб-квартиру генерал-аншефа П.И.Панина. Из Симбирска Скачков был отправлен в Москву, куда доставлен 22 ноября 1774 г. и в тот же день допрошен в Тайной экспедиции Сената³⁰. Характеризуя подследственного, генерал-майор

П.С.Потемкин писал, что Скачков "захвачен в толпу" Пугачева "нечаянно, но служил ему верно, был при всех грабительствах и раззорениях до самого последнего разбития. Сказывает, якобы хотел сам явиться с повинною, но пойман в Саратове"³¹. Здесь неверно сказано, будто Скачков схвачен был в Саратове. На самом деле, как видно из его допроса, он был арестован под Сызранью. Может быть, впрочем, что, составляя записку, Потемкин ошибочно внес в характеристику Скачкова те данные, которые имели отношение к другому подследственному — казаку П.И.Горшенину (см. о нем ниже).

Горшенин Петр Иванович (1733 г.р.), яицкий казак, 18 сентября 1773 г., при первом приступе войска Е.И.Пугачева к Яицкому городку, Горшенин находился в составе казачьей команды старшины А.И.Витошнова, выступившей на защиту городка. Вскоре команда эта была окружена пугачевским войском и, не оказав ему какого-либо сопротивления, капитулировала, и большинство ее казаков вместе со старшиной Витошновым перешли на сторону Пугачева. Отказались пойти на это до 30 казаков, в их числе и Горшенин, они тотчас же были связаны, взяты под стражу. Одиннадцать из них утром следующего дня были казнены. Та же участь ждала Горшенина и других арестованных, но казаки вступились за них, вымолили помилование, и Пугачев, взял с них клятву в верной службе, забрал в свое войско. После того Горшенин участвовал во взятии приицких крепостей, в осаде Оренбурга, в походе по Уралу, Прикамью и Поволжью, правда, в боях не сражался, а был повозчиком в повстанческом обозе. 25 августа 1774 г. войско Пугачева потерпело поражение в битве под Черным Яром. Горшенину удалось избежать плена, и он, "надев на себя нищенское рубище, для того, чтоб его не могли признать, что он из толпы злодея", пробирался к Яику, думая явиться там с повинной. Он достиг Саратова, но там был опознан земляками-казаками из карательного корпуса генерал-майора П.Д.Мансурова и арестован, а после отконвоирован в Симбирск, в штаб-квартиру генерал-аншефа П.И. Пана. И в Симбирске Горшенин был отправлен в Москву, куда доставлен 11 ноября 1774 г. и в тот же день допрошен в Тайной экспедиции Сената³². Биографические данные о Горшенине в записке

генерал-майора П.С.Потемкина ошибочно внесены в характеристику другого подследственного — Т.П.Скачкова (см. выше).

Ягунов Панкрат Леонтьевич, яицкий казак. В середине октября 1773 г. Ягунов находился в отряде сотника П.Л.Копеечкина, посланном из Яицкого городка на ближние казацкие хутора для поимки появившихся там пугачевцев. Вблизи Раннева хутора есаул этой команды Я.Д.Серебрецов и бывшие в створе с ним казаки подняли мятеж, связали Копеечкина и верных ему людей, а потом увел казаков в лагерь Е.И.Пугачева, в Бердскую слободу под Оренбургом, куда и прибыл в начале ноября 1773 г. В Бердской слободе Копеечкин и его сторонники были казнены, а Серебрецов и его казаки (в их числе и Ягунов) присоединены к повстанческому войску. Ягунов принимал участие в боях под осажденным Оренбургом, в походе по Уралу, Прикамью и Поволжью. После поражения войска Пугачева в битве под Черным Яром (25.УШ.1774) Ягунов бежал, пытаясь добраться до Яика, но был схвачен вблизи Сызрани, а потом отконвоирован в Симбирск, в штаб-квартиру генерал-аншефа П.И.Панина. Из Симбирска Ягунов был отправлен в Москву, куда доставлен 22 ноября 1774 г. и в тот же день допрошен в Тайной экспедиции Сената³³. В записке генерал-майора П.С.Потемкина данные о Ягунове ограничиваются краткой ремаркой: он при допросе "показал то же, что и вышесказанной" Скачков³⁴ (о нем см. выше).

Оболяев Степан Максимович (1739 г.р.), по прозвищу Еремина Курица, крестьянин, пахотный солдат села Назарьева Симбирского уезда, с 1770 г. содержатель Талового умета (постоялого двора) на дороге из Сызрани в Яицкий городок (в 40 верстах от последнего). В ноябре и декабре 1772 г. во время поездки по торговым делам в Яицкий городок дважды останавливался на Таловом умете Е.И.Пугачев, где в присутствии Оболяева вел разговоры с казаками, братьями Г.М. и Е.М.Закладновыми, относительно задуманного им намерения увести Яицкое казацкое войско на Северный Кавказ, на вольные земли Закубанья. Покинув Таловый умет, Пугачев добрался в Маликовку (ныне г.Вольск), где и был арестован (18.ХП.1772) по доносу С.Ф.Филиппова (Сытеникова), своего спутника по торговой поездке, и содержался под следствием сперва в Маликовке, а потом

в Казани. Снова на Таловом умете Пугачев появился в конце июля 1773 г., пару месяцев спустя после побега из казанской тюрьмы, и вскоре объявил Оболяеву, что он, Пугачев, не кто иной, как "император Петр Третий". Об этом же Пугачев поведал приехавшим по его вызову казакам Г.М.Закладному, С.П.Кунишникову, Д.К.Караваяеву, а позднее М.Г.Шигаеву, И.Н.Зарубине-Чике и Т.Г.Мясникову, и присупил с ними к подготовке вооруженного выступления на Яике. Взяв с собою Оболяева, Пугачев отправился в Мечетную слободу (где дважды бывал в 1772 г.), чтобы найти там "письменного человека" (секретаря) для составления "императорских" указов. По приезде в Мечетную слободу (27.УШ.1773) Пугачев опознал был как разыскиваемый властями беглец из казанской тюрьмы. Поднялась тревога, схвачен был Оболяев, но Пугачев скрылся от погони и возвратился на Таловый умет, где его ждали сторонники — яицкие казаки. Арестованный Оболев был доставлен в Малыковку, где на допросе, скрыв данные о личности самозванца, о истинных его намерениях и его сообщниках, показал, что то был неведомый ему купец Иван Иванов, направлявшийся в Арзамас и далее в Москву и нанявший его, Оболяев, в провозатые до Мечетной слободы³⁵. Такой же версии придерживался Оболяев и на допросе в Казанской губернской канцелярии, претерпев на допросе этом, производившемся генерал-поручиком П.П.Баннером, нещадное наказание плетьюми³⁶. Продолжая скрывать истину, не изменил своих показаний Оболяев и при допросе в Казанской секретной комиссии³⁷. 11 июня 1774 г. Оболяев был доставлен из Казани в Оренбург, в Оренбургскую секретную комиссию, которая к тому времени уже успела допросить казака Д.К.Караваяева и крестьянина А.С.Чучкова, показания которых о пребывании Пугачева на Таловом умете и доверительном его общении с Оболяевым, позволили следствию сломить упорство Оболяева в сокрытии истины. На этот раз он без утайки и подробно рассказал на допросе о знакомстве с Пугачевым, о происходивших у них разговорах, о своем содействии новоявленному "царю" и его сподвижникам в подготовке вооруженного выступления³⁸. В заключение же Оболяев, объясняя свою неискренность и умолчания на следствии в Малыковке и в Казани, говорил, что в тех

допросах "инаково показывал, нежели как в самом деле происходило, и утаил о самозванце и о слышанном злом предприятии, совещаемом между им и яцкиими непослушными казаками, будучи в тех мыслях, что когда самозванец от погони бежал, то, думал он /Оболяев/, что уже он на Яик не поедет, а потому и совет его с казаками не может исполниться, а так исчезнет. А притом думал и так, что если он о том откроет, а самозванца не сыщут, да и казаки запрут, то может он пропасть. И так предприяв, он утаил совсем сие дело". К тому же с самого начала, когда "самозванец назвался государем, не донес на него он для того, что по простоте своей поверил его словам, ибо-де яцкии казаки, будучи и умнее меня, да так же поверили его словам и хотели за него вступиться"³⁹. Производивший дознание капитан-поручик С.И.Маврин писал, что Оболяев, "хотя и глупова роду злодей, но щадить /его/ не должно, ибо обременяет землю"⁴⁰. По мнению генерал-майора П.С.Потемкина, Оболяев "прост, но великой плут", он "из первых самых, которому злодей назвался государем. Был пойман на Иргизе, когда злодей с ним купно приезжал и укрывался, но Оболяев о намерении злодея утаил. По рассуждениям своим /Оболяев/ больше толковал, нежели его уму и состоянию прилично ... Достоин некоторого лишнего наказания"⁴¹. 7 ноября 1774 г. Оболяев был доставлен в Москву, где допрошен в Тайной экспедиции Сената⁴², дополнив свои оренбургские показания некоторыми новыми данными и, в частности, более полно осветил пребывание Пугачева на Таловом умете в ноябре и декабре 1772 г.

Чучков Афанасий Семенович (1741 г.р.), крестьянин села Запкорье Московского уезда, в марте 1773 г. сослан был на поселение в Сибирь "в зачет рекрута", но по пути туда, достигнув Казани, бежал, в середине августа явился на Таловый умет к С.М.Оболяеву и нанялся к нему в работники. В то время на Таловом умете укрывался Пугачев, который с приезжавшими к нему яцкиими казаками вел подготовку вооруженного выступления. Поначав Пугачев и казаки таились от Чучкова, но потом доверились ему и, взяв клятву о молчании, посвятили в планы своего заговора. В конце августа Пугачев и его сторонники покинули Таловый умет, уехал оттуда и Чучков и некоторое

время жил среди казаков "гулебщиков" (охотников) в степи близ реки Большой Узень, а потом поселился в Яицком городке. В начале января 1774 г. туда приехал Пугачев, который, встретив Чучкова, взял его к себе и увез в Бердскую слободу, под Оренбург, где и назначил старшим смотрителем конского табуна, позднее он исполнял ту же должность при большом табуне повстанческой конницы под Яицким городком. В середине апреля, когда к Яицкому городку подошел корпус генерал-майора П.Д.Мансурова, Чучков бежал в степь и вступил в отряд пугачевского атамана М.И.Ситникова, который отошел к реке Большой Иргиз. Отряд этот в конце мая был настигнут карательной командой подполковника К.Муфеля и взят в плен. Чучков и другие пленные доставлены были в Яицкий городок и допрошены в командантской канцелярии⁴³. В начале июня дознание над Чучковым проходило в Оренбургской секретной комиссии⁴⁴. Производивший допрос капитан-поручик С.И.Маврин полагал, что Чучков должен быть подвергнут жестокому телесному наказанию "для того, что /он/ дурак"⁴⁵. По мнению генерал-майора П.С.Потемкина, Чучков "весьма прост", он был свидетелем "первому сходбищу, когда злодей дерзнул назваться покойным государем Петром Третьим", но он, Чучков, не донес о том "по простоте, почитая его подлинным государем. Был конюхом у злодея и под Яиком взят"⁴⁶. 7 ноября 1774 г. Чучков доставлен был в Москву, где допрошен в Тайной экспедиции Сената⁴⁷, дополнив ранее данные в Оренбурге показания новыми фактическими данными, касавшимися пребывания Пугачева на Таловом уме и содержания происходивших там переговоров с яицкими казаками.

Из приведенных выше биографических справок видно, что в числе осужденных по 6-му пункту сентенции были люди с далеко неравноценной степенью причастности к Пугачевскому движению. Были среди них первые сподвижники Е.И.Пугачева, готовившие вместе с ним вооруженное выступление и верные служившие ему в рядах повстанческого войска (Т.Г.Мясников, Г.С.Харчев, П.П.Толкачев, А.С.Чучков; наиболее видной фигурой из них был Мясников, который по непонятным мотивам не был включен судом в группу пугачевцев, приговоренных к по-

жизненной каторге⁴⁸). Трое осужденных, М.А.Кожевников, П.Т.Кочуров и С.М.Оболяев, играли заметную роль в подготовке выступления Пугачева, но в самом восстании не участвовали, будучи арестованы незадолго до его начала. И, наконец, еще трое, Т.П.Скачков, П.И.Горшенин и П.Л.Ягунов, служили рядовыми в повстанческом войске, но были вовлечены в восстание чисто случайно и не по их воле, а на московский процесс по делу вожаков Пугачевского движения попали только лишь потому, что были доставлены в Тайную экспедицию Сената по распоряжениям командующего карательными войсками генерал-аншефа П.И.Панина⁴⁹, с мнением которого не могли не считаться руководители следствия и суда. Поименованным в 6-м пункте сентенции десятерым пугачевцам выпала общая участь, все они, невзирая на личную долю причастности к повстанческому движению, приговорены были судом к жестокому телесному наказанию и к ссылке на пожизненное поселение.

Сентенция, подписанная судьями 9 января 1775 г., возложила на Сенат выбор и назначение мест "к содержанию осужденных на каторгу и поселение"⁵⁰. В тот же день состоялось заседание Сената, на котором было определено сослать Т.Г.Мясникова, М.А.Кожевникова, П.Т.Кочурова, П.П.Толкачева, И.С.Харчева, Т.П.Скачкова, П.И.Горшенина, П.Л.Ягунова, С.М.Оболева и А.С.Чучкова в Кольский острог Архангелогородской губернии⁵¹. 10 января Сенат послал указ архангельскому губернатору генерал-поручику В.А.Головцину, извещая его об отправлении к нему десятерых пугачевцев, осужденных на пожизненное поселение в Кольском остроге и предписав сделать "распоряжения о обращении их, употребляя на то потребное число денег из казны", установить за ссыльными постоянный надзор, чтобы они "иногда не сделали утечки", а также "никогда и никаких доносов от них не принимать"⁵².

12 января 1775 г., два дня спустя после экзекуции на Болотной площади, конвойная команда из 16 солдат во главе с прапорщиком Г.Игнатьевым вывезла осужденных пугачевцев из Москвы в Архангельск. По инструкции, которую Тайная экспедиция Сената вручила Игнатьеву, предписано было: следовать к месту назначения самым спешным образом, "не останавливаясь

нигде праздно ни на малейшее время", каждого арестанта, окованного ручными и ножными кандалами, везти на отдельных санях; "наикрепчайше" смотреть, чтобы "колодники из-под караула каким-либо образом уйти не могли"; не давать им "хмельного питья, а также ножа, яда и протчих орудиев, чем человек может себя и других повредить"; не допускать посторонних людей до общения с ними; запретить самим конвоирам вступать в разговоры с осужденными, а тем более выспрашивать их о том деле, по которому они "подвергли себя под стражу"; на корм каждому арестанту было отпущено по 5 копеек на день⁵³. 22 января прапорщик Игнатьев доставил пугачевцев в Архангельск и сдал в губернскую канцелярию⁵⁴. Три дня спустя их отправили в дальний путь, за тысячу с лишним верст, к месту ссылки.

Кольский острог, имевший и другое официальное название — город Кола, находился за Полярным кругом, в краю беломорской тундры, при слиянии рек Колы и Туломы, на 68-м градусе северной широты. Основан он был во времена Ивана Грозного, стал самым северным военным и торгово-промышленным форпостом страны в Беломорье и столицей российской Лапландии. С той поры прошло двести лет, а в положении Кольского острога, да пожалуй и в его облике, мало что изменилось. Побывавший там в 1773 г., в дни академической экспедиции, профессор Н.Я. Озерецковский обрисовал Колу как небольшое захолустное селение, выстроенное из дерева, в центре его возвышались две церкви, крепость, здание присутственных мест, пять торговых лавок, а на окружавшем их посаде вразброс стояли до полутораэта обывательских домов, выглядевших как деревенские избышки. По произведенной переписи, в Коле проживало 137 мечан, 130 разночинцев, 98 чиновников, военных и "прочих казенного ведомства обывателей", 40 отставных "от служб", 8 купцов, 4 церковника, а всего 417 жителей мужского пола; женского пола гораздо меньше, а всех вместе, видимо, не больше 650-700 человек. Работоспособное население занималось по преимуществу ловлей рыбы (трески, сельди, семги, палтуса), охотой на морского зверя (толени, моржи и киты), огородничеством (впрочем, из-за суровости климата, кроме

капусты, редьки и репы, других овощей не произрастало, не было и хлебопашества); женщины собирали на беломорских островах моршук⁵⁵. Можно представить, сколь трудно было ссыльным пугачевцам, уроженцам Южного Урала и средней полосы, освоиться с непривычными для них суровыми условиями жизни в Заполярье.

31 марта 1775 г., когда конвойная команда с пугачевцами едва успела одолеть первые сотни верст на пути к месту ссылки, архангельский губернатор Е.А.Головцын обратился к генерал-прокурору Сената князю А.А.Вяземскому с донесением, в котором писал о сложности устройства ссыльных в Кольском остроге и о невозможности обеспечить надежный надзор за ними. Головцын отмечал, что ссыльных нечем занять и прокормить. В городе и его округе из-за суровости климата земледелия не имеется, хлеб закупается в Архангельске, откуда и завозится морем. Из-за отсутствия трав и сенокосных угодий практически нет там и скотоводства; коровы, имеющиеся у немногих горожан, кормятся "белым" тундровым мхом. Подъскать работу для ссыльных в "партикулярных" хозяйствах невозможно из-за малочисленности и скудости посадских людей, а казенных работ в городе не имеется. Никак нельзя разрешить ссыльным наниматься в работники к промысловикам, которые ходят на своих парусниках в дальние плавания на добычу рыбы и морского зверя: воспользовавшись отсутствием полицейского надзора, ссыльные могут сбежать куда-либо, а в том числе и в зарубежье, на расположенные вблизи "дацкого владения Финмарские острова" (речь идет о прибрежных островах у самой северной оконечности Скандинавского полуострова, где находилась норвежская провинция Финмарк, которая в то время, как и вся Норвегия, находилась во владении Датского королевства - Р.О.). В целом же поселение осужденных пугачевцев в Кольском остроге вызвало у губернатора Головцына "крайнее сумнительство" из-за малопригодности этого места к устройству ссыльных и надзору за ними. К тому же и надзор этот вести некому, милиции в городе не имеется, а гарнизонная команда малочисленна (в ней всего лишь 12 солдат). В окончании решения верховной власти по всем этим вопросам Головцын

приказал: по прибытии сыльных в Кольский острог содержать их под караулом на гауптвахте, выдавая каждому пропитание на 2 копейки в день⁵⁶.

Содержание донесения Головщина легло в основу докладной записки, поданной генерал-прокурором Вяземским Екатерине II⁵⁷. Решение императрицы выглядит несколько парадоксальным. Изложено оно в письме Вяземского к Головщину от 23 февраля 1775 г., из которого следует, что Екатерина II повелела дать сыльным "дозволение кормиться звериным и рыбным промыслом" по примеру "тамо жительствовавших" поморов-рыбопромысловиков и морских охотников, в связи с чем и нет надобности в строгом присмотре за сыльными; не будет большой беды от того, если они "вздумают учинить побег на прикосновенные к тем местам датские острова", ибо благодаря этому избавимся от "продерзких людей", могущих еще "приводить в разврат" русских подданных⁵⁸. В донесении от 19 марта Головщина известил Вяземского, что им послано предписание Кольской воеводской канцелярии о порядке содержания сыльных пугачевцев в соответствии с повелением Екатерины II⁵⁹. Несколько недель спустя предписание Головщина получено было в Коле, и пугачевцы, находившиеся там с середины февраля 1775 г., вышли наконец-то за порог каземата и начали жизнь сыльнопоселенцев.

В Кольском остроге сыльные пугачевцы застали еще одного невольника, причастного к Пугачевскому движению, - содержавшегося в оковах на гауптвахте при кордегардии (караульном помещении). То был бывший дворянин, поручик и воевода Осинского уезда Казанской губернии Федор Дмитриевич Пироговский, драматические приключения которого освещаются здесь по документам его следственного дела.

В конце декабря 1773 г. башкиры-повстанцы без какого-либо сопротивления овладели прикамским городком Осой и, схватив воеводу Пироговского, связали его, а потом, "заклепав в колодки", повезли под Уфу, в село Чесноковку, в ставку пугачевского атамана И.Н.Зарубина-Чики. Когда Зарубину представили Пироговского, он велел расковать пленника и зачислить в свое войско, сказав при этом: "Теперь-де будь ты казак,

а не воевода". Некоторое время спустя Пироговский стал хлопотать о возвращении в Осу и при содействии повстанческого полковника И.В.Губанова и его писаря А.О.Стадухина получил от Зарубина "билет" от 16 января 1774 г., удостоверяющий, что он, Пироговский, отпущен в Осу "для крайних ово и необходимых нужд и проормления ево малолетних детей", но ему запрещается быть в какой-либо должности, "покудова спрошен не будет"⁶⁰.

Возвратившись в Осу, оставленную повстанцами, Пироговский, не претендуя более на пост воеводы, вел жизнь частного лица, хотя время от времени и участвовал в карательных набегах на окрестные мятежные деревни.

18 июня 1774 г. к Осе подошло войско Е.И.Пугачева и четыре дня спустя вынудило гарнизон города к капитуляции. Пленные офицеры, солдаты и все жители Осы были приведены к присяге на верную службу новоявленному "императору Петру III" (Пугачеву), многие из осинцев, а в их числе и Пироговский, забраны в повстанческое войско и участвовали в его походе к Казани. В боях под Казанью, происходивших в середине июля 1774 г., Пугачев потерпел поражение и с тремя сотнями конников бежал на север, к Кокшайску. Несколько тысяч повстанцев, отставших при отступлении от Пугачева, были захвачены в плен. Среди пленных оказался и Пироговский. Он доставлен был в Казань и дал подробные показания на допросе в Казанской секретной комиссии⁶¹.

Генерал-майор П.С.Потемкин, производивший дознание, в своей резолюции, оставленной на протоколе допроса, писал, что Пироговский - человек подозрительный, потому что дважды побывал в лагере мятежников, сперва у атамана Зарубина, а потом и у самого Пугачева; крайне предосудительно, что он, Пироговский, присягал Пугачеву, "яко государю", и это "не может быть для дворянина извиняемо, ибо нет оправдания благородному", когда он из страха смерти "злодею присягает, яко монарху изменяя истинной государине", в то время как "долг каждого, знающего важность присяги, есть умереть за право императрицы". И далее, продолжал Потемкин, он, Пироговский, "знал силу присяги, ведал о кончине государя Петра

Третьего, и оказался столь подл, что предпочел пакостную жизнь честной смерти". Учитывая все это, Потемкин полагал, что Пироговского следовало бы "предать наистрожайшей казни", но, принимая во внимание "милосердие и человеколюбие ея величества", а также и то, что обвиняемый принадлежит к сословию дворян, которые Пугачев "всех тщится истреблять", считал возможным наказать бывшего осинского воеводу лишением дворянства и "определить вечно в гарнизон в солдаты"⁶².

Такое мнение Потемкин вкратце изложил и в донесении Екатерине II от 2 августа, добавив, что Пироговский заслуживает некоторого снисхождения, потому что на его попечении находится семья, жена и четверо малолетних детей⁶³. Екатерина II решила участь Пироговского по иному, более жестоко. В рескрипте от 22 августа императрица известила Потемкина, что она повелела избавить Пироговского от смертной казни, предоставив ему оставшиеся дни жизни "на раскаяние и угрызение гнусной его совести" и, лиша "всех чинов и достоинства дворянского, наказать публично - в страх другим - кнутом и послать вечно в Колу"⁶⁴.

11 сентября 1774 г. в Казани, на городской площади, совершена была публичная экзекуция над Пироговским, палач нанес ему 25 ударов кнутом⁶⁵. Месяц спустя, когда Пироговский физически окреп после экзекуции, его отправили в сопровождении конвойной команды из Казани в Архангельск⁶⁶, куда был доставлен 19 декабря⁶⁷ и более четырех недель содержался в архангельском тюремном остроге. 16 января 1775 г. конвойная команда вывезла Пироговского, скованного ручными и ножными кандалами, из Архангельска в Кольский острог⁶⁸. 3 февраля он был сдан кольскому воеводе капитану Е. Тимофееву⁶⁹.

У местных властей в Коле возникли сложности с содержанием Пироговского. Постоянно содержать столь важного "секретного" арестанта в общей камере солдатской гауптвахты признано было неудобным, других же "особливых покоев" там не имелось, не было в Коле и "колодничьей" тюрьмы (по случаю отсутствия колодников), а самое главное осложнение было в том, что в городской казне отсутствовали средства на

кормовое довольствие арестованного. Ситуацию эту изложил архангельский губернатор Е.А.Головцын в донесении к генерал-прокурору Сената А.А.Вяземскому от 9 марта 1775 г., испрашивая решения верховной власти об условиях содержания Пироговского⁷⁰. В письме от 31 марта Вяземский сообщил Головцыну, что его донесение было доложено императрице, которая повелела освободить Пироговского из-под стражи и оставить его в Кольском остроге на поселении, установив постоянный присмотр за ним, чтобы он "оттуда не мог учинить побега", денег из казны на его пропитание не отпускать, а так как он приговорен к ссылке "за его изменнические вины, то б он и на пропитание себя принуждал работою своею"⁷¹. Донесением от 24 апреля Головцын известил Вяземского о сделанных им распоряжениях по исполнению предписания Екатерины II⁷². Более полутора месяцев ушло на то, чтобы распоряжение Головцына доставлено было в Кольский острог. 15 июня 1775 г. кольский воевода Тимофеев отправил рапорт Головцыну, извещая, что Пироговский освобожден из-под стражи, а надзор за ним возложен на гарнизонного сержанта М.Ламбухина⁷³. С того дня Пироговский уравнился в его статусе с положением десяти других ссыльнопоселенцев-пугачевцев (Т.Г.Мясников, М.А.Кожеников, П.Т.Кочуров и др.), доставленных в Кольский острог в середине февраля 1775 г.

Шли годы и со временем ссыльные освоились с жизнью в суровом краю, с тяжелым и опасным трудом поморов, да и внешне мало чем отличались от коренных жителей, разве что равными ноздрями — следами экзекуции на Болотной площади. Некоторые ссыльные из тех, что помоложе, обзавелись семьями⁷⁴.

28 июня 1787 г. Екатерина II, торжественно отмечая 25-летнюю годовщину вступления на престол, обнародовала манифест, по которому, в частности, объявлялась амнистия заключенным и ссыльным⁷⁵. Однако, как вскоре выяснилось, амнистия эта не распространялась на осужденных за причастность к Пугачевскому движению. 1 августа статс-секретарь Екатерины II граф А.А.Гизбородко секретным предписанием оповестил местную администрацию, что императрица, рассмотрев поступивший к ней запрос, объявила, что "изъявленные в помянутом

манифесте над прогрешившими милости" не касаются осужденных пугачевцев, которые и впредь должны оставаться "на прежнем положении"⁷⁶.

Неизвестно, когда именно, то ли задолго до манифеста 1787 г., то ли после него, из одиннадцати находившихся в Коле ссыльных пугачевцев ушли из жизни шестеро: Т.Г.Мясников, М.А.Кожевников, П.П.Толкачев, И.Л.Ягунов, А.С.Чучков и Ф.Д.Пироговский. Можно отметить лишь, что произошло это в хронологических рамках последней четверти XVIII столетия.

Пятеро ссыльных: П.Т.Кочуров, И.С.Харчев, Т.П.Скачков, П.И.Горшенин и С.М.Оболяев дожили до первых лет XIX века, что установлено по документам, обнаруженным в собрании материалов "Комиссии по пересмотру прежних уголовных дел". Комиссия эта была создана в 1801 г., когда только что вступивший на престол Александр I взял во внутренней политике курс на проведение некоторых умеренно-либеральных реформ и, в частности, упразднил центральный орган политического сыска прошлых царствований - Тайную экспедицию Сената. Для рассмотрения материалов о невольниках, осужденных в свое время по решениям Тайной экспедиции, и была учреждена названная Комиссия. Она собирала сведения о каторжанах, ссыльных, тюремных и монастырских арестантах, намереваясь, по возможности, либо освободить их, либо смягчить их участь. В конце 1801 г. были составлены сводные ведомости, где среди многих осужденных поименованы и бывшие пугачевцы, отбывавшие ссылку в Туруханске (М.А.Шванвич, С.П.Толкачев), на острове Эзель (В.С.Коновалов, К.Т.Кочуров, К.И.Феофанов), в городе Пернове (И.А.Творогов, И.П.Федулов), каторжные работы в Балтийском порту (Канзафар Усаев), а также находившиеся в тюремном заключении в Кексгольме жены и дети Е.И.Пугачева. В одну из ведомостей включены и "поселенные Архангельской губернии в Кольском остроге" П.Т.Кочуров, И.С.Харчев, П.И.Горшенин, Т.П.Скачков и С.М.Оболяев. Их дело рассматривалось на заседании Комиссии 19 декабря 1801 г., где и было решено "давать" действовать перед царем о некотором смягчении участи ссыльных. Это мнение высказано было и в докладе, поднесенном Комиссией 10 января 1802 г. на утверждение Александру I. Доклад

был утвержден ("конфирмован") 15 января, при этом император дал указание: поручить архангельскому губернатору освидетельствовать кольских поселенцев и о тех из них, "кои окажутся пришедшими в таковую изнеможения их старость, что пропитать себя работою не в состоянии", донести ему, императору, "для назначения к содержанию их со стороны казны некоторого пособия"⁷⁷.

К сожалению, в делах Комиссии не обнаружено документов, свидетельствующих о том, как именно исполнено было предписание Александра I о назначении казенного пособия ссыльным. И если дело это решено было положительно, то неизвестно, успели ли пугачевцы воспользоваться этим пособием: все они, отбывшие четверть века в ссылке, давно уже перешагнули за порог шестидесятилетия.

-
- 1 Письмо Екатерины II генерал-прокурору Сената князю А.А.Вяземскому от 13 января 1775 г. // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1880. Т.27. С.25.
 - 2 Полное собрание законов Российской империи (далее - ПСЗ). СПб., 1830. Т.20. № 14233. С.9.
 - 3 РГАДА. Ф.6. Д.506. Л.106-116, 117-136. Протоколы показаний Т.Г.Мясникова на допросах 9 мая и 16 июня 1774 г.
 - 4 РГАДА. Ф.6. Д.662. Л.6. Записка С.И.Маврина от 4 августа 1774 г.
 - 5 РГАДА. Ф.6. Д.515. Л.236. Записка П.С.Потемкина от декабря 1774 г.
 - 6 РГАДА. Ф.6. Д.512. Ч.1. Л.256-257. Протокол показаний Т.Г.Мясникова на опросе 17 ноября 1774 г.
 - 7 Подробнее о Т.Г.Мясникове см.: Светенко А.С. Показания командира пугачевской гвардии // Вопросы истории. 1980. № 4. С.95-103.
 - 8 РГВИА. Ф.20. Д.1230. Л.66-68 об. Протоколы показаний М.А.Кожевникова на допросах 16 сентября 1773 г.
 - 9 РГАДА. Ф.6. Д.506. Л.174-181. Протокол показаний М.А.Кожевникова на допросе 24 июля 1774 г.
 - 10 Речь идет о Степане Алексеевиче Кожевникове (1748-1774), одном из первых сподвижников Е.И.Пугачева. Избранный казаками-ПС станцами в хорунжие, С.А.Кожевников участвовал во взятии приятских крепостей, в осаде Оренбурга и Яицкого городка, схвачен карателями в Илецком городке

(7.ІУ.1774), содержался под следствием в Оренбургской секретной комиссии (протокол его показаний на допросе 31 мая 1774 г. РГАДА. Ф.6. Д.467. Ч.ІЗ. Л.179-187 об.), умер в заключении в оренбургской остроге в сентябре 1774 г.

- II РГАДА. Ф.6. Д.662. Л.6 об.
- 12 Там же. Д.515. Л.236.
- 13 РГАДА. Ф.6. Д.512. Ч.І. Л.261-261 об. Протокол показаний М.А.Кожевникова на допросе 17 ноября 1774 г.
- 14 РГАДА. Ф.1100. Д.2. Л.23 об.-24. Протоколы показаний П.Т.Кочурова на допросе 15 сентября 1777 г. В этом же деле, на л.23, протокол допроса доносчика С.Кононова.
- 15 РГАДА. Ф.6. Д.506. Л.299-301 об. Протокол показаний П.Т.Кочурова на допросе 27 мая 1774 г.
- 16 РГАДА. Ф.6. Д.662. Л.6 об.
- 17 Там же. Д.515. Л.236-236 об.
- 18 РГАДА. Ф.6. Д.512. Ч.І. Л.262-262 об. Протокол показаний П.Т.Кочурова на допросе 17 ноября 1774 г.
- 19 РГАДА. Ф.6. Д.506. Л.269-272 об. Протокол показаний П.П.Толкачева на допросе 10 июня 1774 г.
- 20 В Пугачевском восстании принимали участие пять сыновей яицкого казака Прокофия Ивановича Толкачева: Михаил, Степан, Андрей, Семен и Петр; судьба их сложилась по-разному: Михаил казнен в Оренбурге 27 мая 1774 г., Степан убит в бою у деревни Пронкиной под Сорочинской крепостью 6 марта 1774 г., Андрей погиб в бою 5 июня 1774 г. у реки Ай, Семен отбывал ссылку в Туруханске, Петр сослан на поселение в Кольский острог.
- 21 РГАДА. Ф.6. Д.662. Л.6 об.
- 22 Там же. Д.515. Л.237.
- 23 РГАДА. Ф.6. Д.512. Ч.І. Л.275-276. Протокол показаний П.П.Толкачева на допросе 17 ноября 1774 г.
- 24 РГАДА. Ф.6. Д.506. Л.283-288. Протокол показаний И.С.Харчева на допросе 21 июня 1774 г. Большая часть этого документа опубликована: Пугачевщина, Из следственных материалов и официальной переписки. М.-Л., 1929. Т.2. С.124-126.
- 25 РГАДА. Ф.6. Д.512. Ч.І. Л.264-266 об. Протокол показаний И.С.Харчева на допросе 17 ноября 1774 г.
- 26 "Брат его" - имеется в виду Петр Осипович Харчев, яицкий казачий сотник. В октябре 1773 - марте 1774 г. он служил в Оренбурге, осажденном отрядами Пугачева, был ранен в одном из боев, позднее участвовал в карательных операциях против повстанцев в Прияцкой степи и в Заволжье. Командуя казачьей полусотней, Харчев утром 15 сентября 1774 г.

вблизи Бударинского форпоста у реки Яика встретил группу заговорщиков, сопровождавших арестованного ими Пугачева, взял его под свой конвой и вечером того дня доставил в Яицкий городок (см. рапорт Харчева: Пугачевщина. Т. 2. С. 202-204). За эту операцию Харчев был награжден деньгами (150 руб.) и серебряной медалью с портретом Екатерины II и пожалован в чин казачьего полковника (7. X, 1774).

- 27 РГАДА. Ф. 6. Д. 515. Л. 236 об.
- 28 Там же. Д. 506. Л. 287.
- 29 См. выше, прим. 24.
- 30 РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. I. Л. 366-367 об. Протокол показаний Т. П. Скачкова на допросе 22 ноября 1774 г.
- 31 РГАДА. Ф. 6. Д. 515. Л. 237.
- 32 РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. I. Л. 177-179. Протокол показаний П. И. Горшенина на допросе II ноября 1774 г.
- 33 РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. I. Л. 364-365. Протокол показаний П. Л. Ягунова на допросе 22 ноября 1774 г.
- 34 РГАДА. Ф. 6. Д. 515. Л. 237.
- 35 РГАДА. Ф. 110. Д. 2. Л. 9-10 об. Промемория Мальковской управительской канцелярии в Яицкую комендантскую канцелярию от 31 августа 1773 г.
- 36 РГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 232-233 об. Протокол показаний С. М. Оболяева на допросе 16 октября 1773 г.; РГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 228-228 об. Рапорт генерал-поручика П. П. Баннера казанскому губернатору генерал-аншефу Я. Л. Бранту от 17 октября 1773 г.
- 37 РГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 234-237 об. Протокол показаний С. М. Оболяева на допросе 10 января 1774 г.
- 38 РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 38-60. Протокол показаний С. М. Оболяева на допросе II июня 1774 г.
- 39 Там же. Л. 59-59 об.
- 40 РГАДА. Ф. 6. Д. 662. Л. 7.
- 41 Там же. Д. 515. Л. 235 об., 237-237 об.
- 42 РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. I. Л. 226-233 об. Протокол показаний С. М. Оболяева на допросе 17 ноября 1774 г.
- 43 РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 10. Л. 324 об. Протокол показаний А. С. Чучкова на допросе 29 мая 1774 г.
- 44 РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 137-155. Протокол показаний А. С. Чучкова на допросе 6 июня 1774 г.
- 45 РГАДА. Ф. 6. Д. 662. Л. 7.
- 46 Там же. Д. 15. Л. 235 об., 237 об.
- 47 РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. I. Л. 244-250 об. Протокол показаний А. С. Чучкова на допросе 17 ноября 1774 г.

- 48 К пожизненным каторжным работам были приговорены И.Я.Почиталин, М.Д.Горшков, И.И.Ульянов, В.Я.Плотников, Д.К.Караваев, Г.М.Закладнов, Канзафар Усаев и А.Т.Долгополов. См.: ПСЗ. Т.20. № 14233. С.9.
- 49 РГАДА. Ф.6. Д.512. Ч.1. Л.166-167, 322. Предписания П.И.Панина: генерал-майору П.С.Потемкину от 4 ноября 1774 г. и генерал-аншефу М.Н.Волконскому от 16 ноября 1774 г.
- 50 ПСЗ. Т.20. № 14233. С.10.
- 51 РГАДА. Ф.6. Д.515. Л.179-179 об.
- 52 Там же. Л.214.
- 53 РГАДА. Ф.6. Д.512. Ч.3. Л.152-153.
- 54 РГАДА. Ф.6. Д.512. Ч.3. Л.166. Расписка секретаря Архангельской губернской канцелярии П.Павлова в приеме десяти арестантов от прапорщика Г.Игнатьева 22 января 1775 г.
- 55 Озерецковский Н.Я. Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804. С.3-80.
- 56 РГИА. Ф.468. Оп.32. Д.2. Л.751-752.
- 57 Там же. Л.753-753 об.
- 58 Там же. Л.754.
- 59 Там же. Л.755. Переписка Е.А.Головщина с А.А.Вяземским легла в основу небольшой статьи: Мартынов М.Н. Пугачевцы в ссылке на Севере // Борьба классов. 1924. № 1-2. С.246-249.
- 60 Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений: 1773-1775 гг. М., 1975. С.132.
- 61 РГАДА. Ф.6. Д.440. Л.19-22. Протокол показаний Ф.Д.Пироговского на допросе в конце июля 1774 г.
- 62 Там же. Л.22.
- 63 РГАДА. Ф.6. Д.440. Л.1.
- 64 Там же. Л.25. Аналогичное по содержанию определение было направлено в Тайную экспедицию Сената: РГАДА. Ф.7. Д.2043. Ч.13. Л.188.
- 65 Приговор Казанской секретной комиссии, оглашенный 11 сентября 1774 г. при наказании Ф.Д.Пироговского (РГАДА. Ф.6. Д.440. Л.26-27); указ Казанской секретной комиссии в Казанскую губернскую канцелярию от 11 сентября 1774 г. о препровождении Пироговского после экзекуции для последующего отправления в Колу (РГАДА. Ф.6. Д.440. Л.28).
- 66 РГАДА. Ф.6. Д.599. Л.2-2 об. Промемория Казанской губернской канцелярии в Архангельскую губернскую канцелярию от 13 октября 1774 г.
- 67 РГАДА. Ф.6. Д.599. Л.3. Рапорт конвойного унтер-офицера К.Курилова в Архангельскую губернскую канцелярию от 19 декабря 1774 г.

- 68 Рапорт конвойного унтер-офицера П. Горькова архангельскому губернатору Е. А. Головцину от 16 января 1775 г. об отъезде с Ф. Д. Пироговским из Архангельска (РГАДА. Ф. 6. Д. 599. Л. 15); днем раньше Головцин отправил в Сенат рапорт о назначенной на завтра отправке конвойной команды с арестантом в Кольский острог (РГАДА. Ф. 6. Д. 599. Л. 14-14 об.).
- 69 РГАДА. Ф. 6. Д. 599. Л. 16-16 об. Рапорт Кольской воеводской канцелярии архангельскому губернатору Е. А. Головцину от 4 февраля 1775 г.
- 70 РГАДА. Ф. 6. Д. 599. Л. 17-18.
- 71 Там же. Л. 22-22 об.
- 72 Там же. Л. 26. В архивном деле хранятся документы, касающиеся исполнения предписания Екатерины II относительно Пироговского: определение Архангельской канцелярии от 21 апреля 1775 г. и отпуск указа этой канцелярии в Кольскую воеводскую канцелярию от 23 апреля 1775 г. Там же. Л. 23-23 об., 24.
- 73 РГАДА. Ф. 6. Д. 599. Л. 27-27 об.
- 74 Это известно, например, о П. Т. Кочурове, потомки которого были известными на Севере мореходами, в том числе и в 50-х гг. нашего столетия.
- 75 ПСЗ. Т. 22. № 16551. С. 861-863.
- 76 РГАДА. Ф. 8. Д. 2711. Л. 6-6 об. Предписание А. А. Безбородко адресовано премьер-майору Я. И. Гофману, коменданту города Кексгольма (где находились в заключении члены семьи Е. И. Пугачева). Гофман 20 июля 1787 г. обратился к генерал-прокурору Сената князю А. А. Вяземскому с запросом: распространяется ли амнистия, объявленная манифестом 28 июня, на семейство Пугачева. Там же. Л. 1-3.
- 77 РГАДА. Ф. 7. Д. 3704. Ч. 2. Л. 13 об.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ И ЭПИСТОЛЯРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ О. А. КИПРЕНСКОГО

В 1992 г. исполнилось 210 лет со дня рождения выдающегося русского художника Ореста Адамовича Кипренского, названного К. Н. Батюшковым "любимейшим живописцем нашей публики". А. С. Пушкин, лучший портрет которого принадлежит кисти Кипренского, посвятил ему вдохновенные строки...

Жизнь и творчество О. А. Кипренского изучались многими историками отечественного искусства: В. О. Толбиным, Н. А. Рамазановым, В. И. Григоровичем, Н. Н. Врангелем, а после революции 1917 г. — П. Д. Эттингером, Г. А. Недошивиным, Н. Г. Машковцевым, А. А. Сидоровым, В. М. Зименко, Э. Г. Ацаркиной, М. В. Алпатовым, Т. В. Алексеевой, Е. Н. Чижиковой, М. М. Раковой, Б. Д. Сурисом, Г. Г. Поспеловым, Г. В. Смирновым, Л. И. Певзнер, В. С. Турчиним, И. Н. Бочаровым, Ю. П. Глушаковой, Д. В. Сарабьяновым, А. П. Валицкой, К. В. Михайловой¹ и другими. Наиболее интенсивное исследование творческого наследия О. А. Кипренского началось с 30-х гг. нашего столетия. При этом, однако, меньше внимания уделялось истории его жизни, которая изобилует "белыми пятнами". Долгие годы, например, считалось, что художник родился в 1783 г. И только в 1938 г. было открыто, что появление на свет младенца Ореста сместили на один год², по причинам, до сих пор до конца не выясненным. Еще со времен работ Н. Н. Врангеля в литературе установилось мнение, что Кипренский, по-видимому, был сыном дворянина А. С. Дьяконова (хотя документальных доказательств этому нет) и его крепостной Анны Гавриловой. А. С. Дьяконов по рождению ребенка дал ему и его матери вольную, а через год выдал замул Гаврилову за своего дворового человека А. К. Швальбе.

Большим вкладом в изучение творчества О. А. Кипренского явилась юбилейная выставка 1982–1983 гг., которая была приурочена к 200-летию со дня его рождения и показана в Ленинграде, Москве и Киеве. При подготовке выставки были подведены итоги исследовательской работы нескольких десятилетий,

пересмотрены некоторые традиционные атрибуты, уточнены датировки, отвергнуты как не принадлежащие кисти или карандашу Кипренского сомнительные произведения и т.д. К сожалению, каталог выставки вышел с большим опозданием³.

Но и до сего времени Кипренский – художник и Кипренский – человек остается загадкой, несмотря на его большое художественное наследие и наличие сведений о нем (правда, не столь обильных) в статьях, письмах и воспоминаниях современников: К.Н. Батюшкова, С.Ф. Шедрина, А.А. Иванова, В.И. Григоровича, П.А. Вяземского, В.А. Жуковского, А.И. Тургенева, Ф.И. Иордана, М.Д. Бутурлина и других⁴.

Не одно поколение историков русского искусства бьется, например, над тем, чтобы отгадать, кого же увековечил Кипренский в блистательной серии карандашных портретов, которые были созданы им в 1810-х гг. и многие из которых все еще значатся как изображения неизвестных. По-прежнему продолжают споры о том, с кого написана одна из самых любимых в нашей стране его картин – портрет гусара Давыдова: со знаменитого поэта и партизана Дениса Давыдова или же с его двоюродного брата Евграфа? Недостаточно выявлено эпистолярное наследие Кипренского⁵. Нет достоверных известий о целых годах его жизни.

Больше всего загадок связано с пребыванием художника в Италии, где к нему пришла европейская слава. Кипренский жил и работал на итальянской земле долгие годы: с 1816 по 1822 и с 1828 до своей смерти в 1836 г. Местонахождение многих созданных там произведений не установлено. О его жизни в Италии имеются довольно отрывочные и весьма противоречивые сведения. Даже о времени смерти художника, скончавшегося и похороненного в Риме, сохранились разночтения. Согласно сообщению русского поверенного в делах в Риме П.И. Кривцова Кипренский умер 12 (по новому стилю – 24) октября 1836 г.⁶ Но на стеле, установленной русскими художниками, жившими тогда в Италии, в римской церкви Сант'Андреа делье Фратте, где погребен Орест Адамович, указан другой день кончины – 10 октября 1836 г. Наконец, третью дату назвал пожелавший остаться неизвестным его собрат по кисти в письме из Рима в

Академию художеств, где есть такие слова: "Художник, которым столь справедливо мы, русские, гордились Г. Г. Кипренский скончался здесь 5/17 прошедшего октября"⁷. Эта дата и была принята с тех пор всеми историками русского искусства как наиболее достоверная.

Благодаря поискам как в России, так и в Италии нам удалось найти ряд документов, писем, а также графических и живописных работ О. А. Кипренского, которые пролили свет на малоизвестные страницы его жизненного и творческого пути.

Одна из самых неожиданных находок была сделана в Москве, в Архиве внешней политики Российской Империи. Там среди бумаг русского посольства в Риме имеется папка с документами Кипренского: затерявшиеся дипломы об окончании художником Петербургской Академии художеств в 1803 г., об избрании его академиком в 1812 г.; один диплом на итальянском языке, направленный Кипренскому Неаполитанской Академией художеств — об избрании его членом-корреспондентом Академии по классу рисунка, а также письмо президента Петербургской Академии художеств А. Н. Оленина Кипренскому от ноября 1833 г.⁸

Первый русский диплом подписан графом А. С. Строгановым, который был президентом Академии с 1800 г. по 1811 г. А. С. Строганов сыграл большую роль в жизни Кипренского, он высоко ценил талант художника и оказывал ему покровительство. Вообще с приходом А. С. Строганова связаны поистине светлые страницы в истории Академии художеств и в жизни ее питомцев. Именно при нем произошло значительное улучшение программы преподавания. "При его президентстве, — пишет биограф А. С. Строганова, — ...Академия достигла пышного расцвета, сделалась истинным рассадником искусства и дала ряд выдающихся талантов, для поддержки которых и для доставления им возможности продолжить свое образование за границей Строганов никогда не жалел и собственных средств"⁹. А. С. Строганов собрал одну из самых богатых в России коллекций произведений искусств, а также обширную библиотеку. Его дом был открыт для писателей, ученых, художников, включая в них воспитанников Академии. Именно там молодой Орест установил контакты с интеллектуальной русской элитой, избравшей его

впоследствии своим любимым портретистом.

Кипренский, который в старших классах получал серебряные и золотые медали, при выпуске, по не совсем понятным причинам, не был удостоен высшей награды за программную картину "Владимир" - Большой золотой медали, дававшей право на заграничную поездку. А.С.Строганов поэтому оставил Кипренского при Академии еще на три года, чтобы тот подготовил новую работу для участия в конкурсе на Большую золотую медаль.

Кипренский был дружен также с сыном Александра Сергеевича Павлом Строгановым, одним из замечательных людей своего времени, членом Негласного комитета при Александре I.

Приводим полный текст диплома О.А.Кипренского об окончании Академии художеств, датированного I сентября 1803 г.:

"Санктпетербургская
Императорская Академия
трех знатнейших художеств

Сим засвидетельствованием Господина художника Ореста Адамова сына Кипренского, обучавшегося в Академии с тысяча седьм сот восемьдесят осьмого года в живописном историческом художестве за его хорошие успехи и за особливо признанное в нем добронравие, честное и похвальное поведение, общим собранием согласиєм удостоивает пользоваться с потомками в вечные роды, тем правом и преимуществом, которые от Всемилюстивейшего Монарха в привилегии академической таковым пожалованы. Дано в Санктпетербурге, за подписанием Президента Академии, с приложением большой ее печати; сентября первого дня, в лето от Рождества Христова тысяча восемь сот третье.

Граф Александр Строганов¹⁰.
Конференц-секретарь Александр Лабзин¹¹ "12.

Следующий документ -- диплом об избрании Кипренского академиком Петербургской Академии художеств. Он был удостоен звания академика за портретные работы. К этому времени Орест Адамович был автором таких получивших

признание критики и публики произведений, как портреты А.К.Швальбе, А.Р.Томилова, А.И.Корсакова, И.Г. и А.И.Кузовых, Э.П. и Ф.В.Ростопчиных, А.А.Челищева, Евгр.В.Деждова и многих других.

Ниже следует текст этого документа:

"К пользе и славе России учрежденная и Августейшим Императором Александром Первым покровительствуемая Санкт-петербургская Императорская Академия художеств, властью ей от Самодержца данною, за оказанное усердие и познание в живописном портретном искусстве Господина Ореста Адамовича Кипренского общим во избрании согласием признает и почитает академиком своего Академического собрания, с тем правом и преимуществом, каково званью сему в установлении Академии предписано. Дан в Санктпетербурге, за подписанием Министра народного просвещения и с приложением ее печати, в лето от Рождества Христова 1812-е, сентября 1-го дня.

Г.Алексей Разумовский.¹³

Конференц-секретарь Александр Лабзин.

№ 242" ¹⁴.

Диплом Неаполитанской Академии изящных искусств имеет большое принципиальное значение. Во-первых, он свидетельствует о высокой оценке итальянскими художественными авторитетами таланта Кипренского, создавшего во второй свой приезд в Италию такие замечательные работы как "Неаполитанские мальчики" (написана в 1829 г. по заказу короля Обеих Сицилий Франциска I)¹⁵, "Сивилла Тибуртинская" (1830 г.), "Читатели газет в Неаполе" (отклик художника на польское восстание, написана в 1831 г.) и другие. Во-вторых, текст диплома подтверждает сведения надписи на стеле в церкви Сант'Андреа делле Фратте в Риме, где говорится, что Кипренский был отмечен признанием Неаполитанской Академии. Диплом подписан тем же Антонио Никколини, состоявшем президентом Неаполитанской Академии, который в 1829 г. скрепил своей подписью диплом почетного профессора Академии Сильвестру Щедрину, замечательному русскому пейзажисту, одному из основателей неаполитанской ландшафтной "Школы Позиллипо".

Публикуем текст оригинала диплома и перевод на русский язык:

"Società Reale Borbonica
Accademia di belle arti.

L'Accademia di belle arti nella tornata del di 8 agosto 1831 ha proposto per suo socio corrispondente nella classe del disegno il sig-r Oreste Kiprensky, pittore.

E La Maestà Del Re avendo approvata tale proposta con rescritto del di 26 settembre detto anno, l'Accademia ha spedito al suo nuovo socio la presente lettera che ha munito del suo suggello e delle firme volute dallo statuto della Società Reale.

Napoli, li 3 marzo 1831.

Il Presidente della Società
Reale
M.Nusi.

Il Presidente dell'Accademia
di belle arti.

Cav[aliere] Ant[onio] Niccolini.

Il Segretario perpetuo dell'Accademia
di belle arti
"Irea Celestino" 16.

Перевод

"Королевское Бурбонское Общество
Академия изящных искусств.

Академия изящных искусств на своем заседании от 8 августа 1831 года предложила удостоить звания своего члена-корреспондента¹⁷ по классу рисунка Господина Ореста Кипренского, художника. Поелику Его Величество Король одобрил это предложение рескриптом от 26 сентября того же года, Академия направила своему новому члену настоящее письмо, которое имеет печать и подписи, поставленные согласно уставу Королевского Общества.

Неаполь, 3 марта 1831 года.

Президент Королевского
Общества
М.Нузи.

Президент Академии изящных искусств
Кавалер Антонио Никколини.¹⁸

Постоянный секретарь
Академии изящных искусств
Андреа Челестино."

Дата выдачи диплома писцом, как видно, указана ошибочно: он механически повторил в конце диплома 1831 г., тогда как требовалось указать 1832 г.

Вместе с дипломами Кипренского в Архиве внешней политики России сохранилось также письмо от ноября 1833 г. А.Н.Оленина, президента Петербургской Академии художеств, Кипренскому. Черновик этого письма, который находится в архиве Академии, был известен в литературе и небольшие его фрагменты публиковались, но как письмо Э.И.Григоровича, конференц-секретаря Академии¹⁹. Между тем, беловой вариант письма имеет подпись А.Н.Оленина.

Письмо А.Н.Оленина написано на бланке министерства императорского двора, императорской Академии художеств:

"Господину профессору исторической и портретной живописи Оресту Адамовичу Кипренскому.

Картины, писанные вами в Италии и изображающие: девушку с плодами²⁰, мальчика Лозарони, разбирающего афишку²¹, во-рожек²², путешественников, читающих Gazette de France²³, и вид Везувия с моря²⁴, украшали выставку Императорской Академии художеств в нынешнем году.

Несмотря на то, что выставка сия была блестяща, многочисленна и изобиловала многими отличными произведениями русских и иностранных художников, картины ваши, и в особенности, путешественники, восхищали зрителей, стечение коих было необыкновенно.

Вам без сомнения приятно узнать о сем, но еще приятнее и одобрительнее для вашего прекрасного и созревшего в полном смысле таланта должно быть то, что Государь Император весьма любовался вашими произведениями, спрашивал, кому они принадлежат, и, узнав, что только один вид Везувия не имеет назначения, изволил взять его для Себя.

Получив вслед за сим от Г. Министра Императорского Двора²⁵ две тысячи рублей, пожалованные вам Государем за сию картину, я поспеваю доставить при сем на означенную сумму вексель, о получении коего прошу меня уведомить.

Государь Император между прочим изволил спрашивать, не известно ли, скоро ль вы возвратитесь в отечество? Разумеется, что на сей вопрос, не зная вашего расположения, я не мог дать решительного ответа. — При сем считаю нужным вам сообщить, что по силе нового постановления Академии, Всемилостивейше дарованного ей в 19-й день декабря 1830 года, вы, как отличный и известный своими трудами художник, переименованы в свое время в звание профессора исторической и портретной живописи, и с сим вместе состоите противу звания советника двумя чинами выше, и именно в 7 классе, который как вам не безызвестно, дает дворянство Российской Империи.

Президент Ал. Оленин^{26, 27}

Получение подобного письма от президента Академии, который сыграл отрицательную роль в судьбе Кипренского по его возвращении на родину, не могло не порадовать художника.

Здесь надо сказать, что А. Н. Оленин был сложной, противоречивой фигурой. Покровитель искусства, салон которого посещали лучшие художники и писатели того времени, включая и Ореста Адамовича до его отъезда в Италию, один из ближайших сотрудников М. М. Сперанского (при падении которого А. Н. Оленин, однако, не только не попал в опалу, а даже получил очередное повышение), он с 1811 г. возглавлял Публичную библиотеку, а в 1817 г. стал президентом Академии художеств. Придя в Академию в тяжелые для нее времена, Оленин сумел упрочить ее престиж и вывести из финансового кризиса. Но одновременно с этим он начал насаждать реакционные порядки и дух слепого повиновения властям, что резко контрастировало с атмосферой, которая царил там при А. С. Строганове и П. П. Чекалевском. Именно Олениным стал неукоснительно проводиться в жизнь пункт устава Академии, согласно которому в нее запрещалось принимать детей крепостных. Нововведения Оленина удивили самого Аракчеева, не понимавшего, почему он

не может выучить в Академии своего крепостного на художника или архитектора. "Академисты" единодушно не обили нового президента. Известно, что Карл Брюллов на товарищеской обеде по случаю окончания учения в 1821 г. провозгласил тост за профессоров Академии, а ее президента предложил предать анафеме. Известны и слова скульптора Самуила Гальберга, писавшего: "...сердце мое вовсе отлегло от Академии, и я ни за что не хотел бы принадлежать к ней"²⁸.

Следует ли удивляться, что Кипренский, на которого легла тень обвинений, брошенная российскими послами в Италии, не был принят Академией по достоинству. Дело в том, что в канун итальянских революций 1820-х гг. посол при Святом престоле А.Я.Италинский и исполняющий обязанности посла в Неаполе П.Я.Убри сочинили доносы на Кипренского, адресованные А.Н.Оленину и К.В.Нессельроде, требуя его выдворения из Италии. Чем были вызваны эти наветы, точно не известно, ибо в полном объеме переписку по этому вопросу до сих пор не удалось найти. Исследователями высказывалось мнение, что причиной гонения на художника могло быть сочувственное отношение к итальянским патриотам, боровшимся за свободу, независимость и единство своей родины. Возможно, что у Кипренского были какие-то контакты с представителями итальянского освободительного движения. Во всяком случае с одним из них — публицистом Урбано Лампреди — он встречался (после отъезда из Италии) в Париже, где сделал длительную остановку перед возвращением на родину, и выполнил с него карандашный портрет.

По поводу писем Италинского и Убри Кипренский в 1822 г., находясь в Париже, писал своему другу С.И.Гальбергу: "На меня, поверите ли? Не токмо Италийской"²⁹, но и Убри Убри-вич³⁰ из Неаполя чуху писал."³¹ Об обвинениях послов известно из писем современников, в том числе Н.М.Лонгинова, секретаря императрицы Елизаветы Алексеевны, которые цитировались в литературе. К этому можно добавить еще одно свидетельство, имеющееся в послании Н.М.Лонгинова К.В.Нессельроде от 9 июня 1820 г. по поводу пересылки почты императрицы в Париж и Берн, где он пишет: "Если Ваше Правосудительство

смогло бы передать Ее Величеству письмо г. д'Убри по поводу Кипренского, я уверен, что Она быда бы вам за это очень признательна"³². Естественно, что Елизавету Алексеевну интересовало мнение посла о художнике, поскольку Кипренский был отправлен в Италию как ее пенсионер.

Наветы Италинского и Убри были главной причиной холодного отношения к Кипренскому официального Петербурга. Его долго не принимала Елизавета Алексеевна, его демонстративно не принял великий князь, которого он ранее портретировал. Впавшего в немилость двора художника не жаловало и академическое начальство, ему не была предложена действительная служба в Академии. Письма Кипренского к друзьям из Италии полны негодованием на прием, уготованный ему Академией и ее президентом: "Академия художеств под скудом. Вы прежде меня видели превращение ее. Я не очень верил, а глазам своим доверился. Все там в малом виде", "...Академия здесь... заплеснела Олениным или от Оленина", "...менее всего надейтесь на Академию, здесь талантов совсем не надобно"³³.

Опала художника продолжалась долго, она не вполне закончилась и в конце 1824 г., когда он, очевидно, сумел оправдаться перед императрицей и начал писать ее портрет. В 1831 г. Кипренский, будучи в тяжелом материальном положении, обратился к Николаю I с просьбой под залог коллекции из 8 картин выдать совершенно не соответствующий их стоимости заем в 20 тысяч рублей, но получил отказ.

Возвращаясь к письму А.Н.Оленина 1833 года, надо сказать, что его любезный тон объясняется некоторой переменной в отношении к художнику со стороны царского двора (президент спешит известить Кипренского о царской милости - покупке Николаем I картины "Вид Везувия с моря"), но не только этим. А.Н.Оленин стремится ускорить возвращение Ореста Адамовича в Петербург. Император, как известно, предпринимал в это время меры, чтобы пресечь моду среди русских дворян обосновываться на всю жизнь за рубежом, а заодно призвать к порядку х. дожников, тоже не торопившихся, попав за границу, возвращаться на берега Невы. Еще до второго приезда Кипренского в Рим в Петербург были вызваны засидевшиеся в

Италии скульпторы С.И.Гальберг и М.Г.Крылов, за ними в 1830 г. последовал живописец П.В.Басин, а по днее и другие мастера, в числе которых в 1835 г. выехал в Россию "г высочайшему соизволению" и самый прославленный за рубежом русский художник Карл Брюллов...

В Архиве внешней политики Российской Империи сохранилось также письмо О.А.Кипренского русскому послу при дворе неаполитанских Бурбонов графу Г.О.Штакельбергу³⁴ от 3 марта 1834 г. с извещением о доставке долга, взятого художником при переезде из Неаполя в Рим в апреле 1832 г. Оно свидетельствует о той нужде, в которой жил великий русский мастер после отказа царя оказать ему финансовую поддержку, несмотря на признание таланта Кипренского европейскими авторитетами и успехи его картин на выставках как в России, так и в Италии. Известны слова А.А.Иванова, жившего в Риме одновременно с Орестом Адамовичем, который писал: "Кипренский не был никогда ничем отличен, ничем никогда жалован от двора, и все это потому только, что он был слишком благороден и горд, чтобы искать этого"³⁵.

Ниже следует текст письма О.А.Кипренского Г.О.Штакельбергу:

"Ваше Сиятельство Милостивейший Государь!

Не весьма спешил я возвратить мой долг, прошу мне в оном извинить, ибо сие произошло не от нерадения; но от того, что я чаял сам быть скоро в Неаполе, и тогда желал сам лично возблагодарить Ваше Сиятельство за одолжение, за которое не умею довольно возблагодарить Вас, ибо я вполне чувствую оного цену.

Впрочем прошу благосклонно принять чувства моего почтения, уважения и совершенной преданности, с коими честь имею быть

Вашего Сиятельства Милостивейшего Государя

Ваш покорнейший слуга

Орест Кипренский.

3 марта 1834. Флоренция".³⁶

Сквозь достойный тон письма нетрудно почувствовать, как нелегко было его автору прибегнуть к личной услуге

высокого официального лица, к тому же относившегося недоброжелательно к художнику. Штакельберг не понимал таланта Кипренского и дал отрицательный отзыв о его картинах в ответ на запрос министра двора П.М.Волконского, последовавший после письма Кипренского Николаю I в 1831 г. На этот же запрос послан в Риме князь Г.И.Гагарин с большим знанием дела высоко оценил эти работы, призывая П.М.Волконского пойти навстречу художнику.

В 1836 г. О.А.Кипренский женился на бедной итальянской девушке Анне Марии Фалькуччи, которую опекал с детства и с которой написал прекрасный портрет "Девочка в маковом венке". Через шесть месяцев после кончины О.А.Кипренского Анна Мария родила дочь, нареченную Клотильдой. Русские художники навещали семью своего покойного товарища, пока Анна Мария не вышла повторно замуж и не исчезла из виду.

Часть вещей Кипренского после его смерти была переслана из Рима в Академию художеств, часть, естественно, осталась у вдовы, часть рассеялась среди русских художников, живших в Италии. Сын историографа Андрей Николаевич Карамзин, путешествовавший по Европе в 1837 г., рассказывает, между прочим, в письмах, что в Риме он копировал "виды" Кипренского, которые брал у архитектора Н.В.Ефимова.

В ходе наших поисков больше всего новой информации обнаружилось в римских архивах. Прежде всего речь идет об Историческом архиве римского викариата, где хранятся церковные книги с записями о крещении, конфирмации, вступлении в брак, кончине жителей Рима, начиная с XVI в. (но есть там и документы более древние). Фонды этого архива не использовались ранее в отечественной историографии.

Записи в церковных книгах велись по приходам. По приходам же на Пасху проводилась перепись прихожан. Поскольку жена и дочь Кипренского были католичками, а в течение последних трех месяцев, хотя и чисто формально, только ради женитьбы на Анне Марии, католиком стал и он сам, в церковных книгах обязательно должны были в той или иной связи упоминаться и их имена.

В "Книге усопших" церкви Сант' Андреа делле Фратте под датой 24 октября 1836 г. мы нашли строки записи на латыни о кончине Ореста Адамовича Кипренского:

"II 70. An[no] D[omi]ni 1836 die 24bris.

Ill [ustris]mus d[omi]nus Orestes Kiprenskoy Russiae consiliarius Accademiae pulchrum artium di Pietro Burgo, filius quondam Adami, sponsus Annae Mariae Falcucci sacramento [pae]nitentiae ac extreme unctionis munitus ac anime commendatione adjunctus obdormivit in D[omi]no, cujus corpus sepultum fuit in sepulchrelo" ³⁷.

Перевод

"II 70. В лето от Рождества Господня 1836, 24 октября.

Почтенный господин Орест Кипренской, советник Петербургской Академии изящных искусств России, сын покойного Адама, супруг Анны Марии Фалькуччи, укрепленный таинством покаяния и последнего миропомозанья и поддержанный предсмертной молитвой, почил в Бозе; прах его был похоронен в крипте".

В книге приходской церкви, в которой похоронен художник, ошибки быть не могло. Общепринятая у нас дата смерти Кипренского 5/17 октября 1836 г. должна быть исправлена на 12/24 октября, как и сообщал из Рима русский поверенный в делах П.И. Кривцов ³⁸.

В архиве викариата довольно быстро удалось найти дело о бракосочетании Кипренского и Анны Марии Фалькуччи. Оно было вшито в огромный фолиант с брачными документами за 1836 г. ³⁹ Благодаря этим материалам биография Кипренского обогащается новыми, совершенно достоверными данными о последних месяцах его жизни. Именно в этих бумагах мы обнаруживаем, что в судьбе русского художника принимал участие сам папа Григорий XVI, устанавливаем точную дату перемены Орестом Адамовичем религии, находим интересные сведения о Мариучче, как называл художник Анну Марию, о которой у нас

до сего времени почти ничего не было известно.

Католичество О.А.Кипренский принял 29 июня 1836 г. Об этом свидетельствует подшитый к делу документ, удостоверяющий согласно принятой форме, что он вступил в лоно римской церкви добровольно, "осознав все заблуждения и ошибки греко-схизматической секты"⁴⁰. Это, впрочем, слова не Кипренского, а отпечатанного типографическим способом на латинском языке бланка, в котором от руки вписаны лишь конкретные данные, касающиеся вновь обращенного; его имя и фамилия, имя отца, место рождения, возраст. Как явствует из справки, Орест Адамович объявил, что ему только 46 лет, то есть преуменьшил свой возраст на целых восемь лет.

ж ж ж

Продолжение статьи предполагается опубликовать в одном из следующих сборников.

-
- I Ниже приводится краткий список работ о жизни и творчестве О.А.Кипренского: Толбин В. О.А.Кипренский // Сын отечества. 1856. № 35; Рамазанов Н. Материалы для истории художеств в России. М., 1863. Кн. I-ая; Григорович В.И. Статьи в "Журнале изящных искусств" за 1820-1830-ые гг.; Врангель Н. Романтизм в живописи Александровской эпохи и Отечественная война // Старые годы. 1908. Июль-сентябрь; Он же. Орест Адамович Кипренский в частных собраниях. СПб., 1911; Эттингер П. Кипренский и Гете // Советское искусство. 1936. 16 авг.; Недошивин Г. У портретов Кипренского // Искусство. 1938. № 6; Машковцев Н. Вопросы творческой биографии Кипренского // Там же; Сидоров А. Проблемы иконографии Пушкина // Пушкин. М., 1941; Зименко В. Портретное искусство О.А.Кипренского: Кандидатская диссертация. 1946; Апаркина Э.Н. Орест Кипренский. М., 1948; Алятов М.В. Историческое место Кипренского в развитии портрета XIX в. // Ежегодник Института истории искусств АН СССР. М., 1952; Сидоров А.А. Рисунок старых русских мастеров. М., 1956; Алексеева Т.В. О.А.Кипренский // История русского искусства. М., 1963. Т.8. Кн. I; Чижикова Е.Н. Орест Кипренский. Л., 1965; Ракова М.М. О.А.Кипренский - портретист // Очерки по истории русского портрета первой половины XIX в. М., 1966; Поспелов Г.Г. Русский портретный рисунок начала XIX века. М., 1967; Смирнов Г.В. Еще о портрете Давидова работы О.А.Кипренского // Сообщения Гос.Русского музея. Л., 1968. IX; Певзнер Л.И. Кто же автор оригинала? // Художник. 1968. № 12; Турчин В.С. Орест Кипренский. М., 1975; Восиаров I., Glusciakova J. Kiprenskij in Italia // Sputnik. 1976. N 10; Алексеева Т.В. Исследования и

находки. М., 1976; Валицкая А.П. Орест Кипренский в Петербурге. Л., 1981; Сарабьянов Д.В. Орест Адамович Кипренский. Л., 1982; Бочаров И., Глушакова Ю. Орест Кипренский в Италии // Искусство. 1982. № 3; Турчин В.С. Орест Кипренский. М., 1982; Михайлова К.В. Орест Адамович Кипренский. 1782-1836. М., 1986; Зименко В.М. Орест Адамович Кипренский. 1782-1836. М., 1988; Бочаров И., Глушакова Ю. Кипренский. М., 1990; Орест Кипренский. Новые материалы и исследования: Сборник статей. СПб., 1993; и другие.

- 2 Это открытие было сделано И.М.Степановым, работа которого осталась в рукописи. Содержащиеся в ней сведения со ссылкой на И.М.Степанова были опубликованы Э.Н.Ацаркиной. Указ. соч. С.19, 198.
- 3 Орест Адамович Кипренский (1782-1836). К 200-летию со дня рождения. Живопись. Каталог по материалам выставок в Ленинграде, Москве и Киеве (1982-1983). Л., 1988; Орест Адамович Кипренский (1782-1836). К 200-летию со дня рождения. Графика. Л., 1990. Хотя на титулах томов стоят 1988 и 1990 годы издания, на самом деле они вышли в свет, поступили в продажу и в библиотеки только весной 1993 г. Именно этим объясняется тот факт, что на каталоги, имеющие столь важное научное значение, нет ссылок в литературе о Кипренском, появившейся в 1988-начале 1993 г. Но главное в каталогах не упомянута литература о Кипренском, вышедшая после 1982 г. (а в ее числе, например, - первая фундаментальная научная биография художника, написанная таким крупным специалистом как В.М.Зименко). Это снижает научную ценность каталогов, содержащих как устаревшие данные, так и факты, основанные на новейших работах, но без ссылок на соответствующую научную литературу.
- 4 Батюшков К.Н. Прогулка в Академию художеств // Сын отечества. 1814. № 49-51; Биография Кипренского и воспоминания о нем С.И.Гальберга // Художественная газета. 1840. № 13; Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806-1858 гг. / Издал Михаил Боткин. СПб., 1880; Скульптор Самуил Иванович Гальберг в его заграничных письмах и записках. 1818-1828 // Приложение к "Вестнику изящных искусств". СПб., 1884; Записки ректора и профессора Академии художеств Федора Ивановича Иордана // Русская старина. 1891. Издание 2-ое. М., 1918; Записки графа М.Д.Бутурлина. // Русский архив. 1897-1898.
- 5 Кипренский О. Письмо из Рима от 10 июня 1817 года // Сын отечества. 1817. № 50; Письмо из Италии, Ореста Адамовича Кипренского // Рамазанов Н. Указ. соч. С.238; Письмо О.А.Кипренского к Г.И.Гагарину // Аполлон. 1911. № 10 С.46; Григорьева М. Неопубликованные письма О.А.Кипренского // Советское искусство. 1938. 4 авг.; Петрова Е.Н. Поздние письма О.А.Кипренского // Советское искусствознание. М., 1985. Вып.19. Фрагменты неизданных писем Кипренского публиковались в работах многих авторов.

- 6 Врангель Н. Дневник Кипренского за границей 1817 г. // Старые годы. 1908. Июль-сентябрь. С.437.
- 7 Художественная газета. 1836. № 9-10. С.137.
- 8 Архив внешней политики Российской Империи, Москва (далее - АВПРИ). Ф.190. Оп.525. № 35. Л.1-4.
- 9 Русский биографический словарь. СПб., 1909. Т.19. С.487.
- 10 Строганов Александр Сергеевич (1733-1811) - первый (с 1761 г.) граф в роде, обер-камергер, член Гос. совета, сенатор, в 1800-1811 гг. - президент Академии художеств, директор Публичной библиотеки; покровитель искусства и меценат.
- 11 Лабзин Александр Федорович (1766-1825) - писатель, известный мистик, в 1799-1818 гг. - конференц-секретарь, в 1818-1822 гг. - вице-президент Академии художеств.
- 12 АВПРИ. Ф.190. Оп.525. № 35. Л.1. Диплом скреплен большой печатью Академии художеств. Первое факсимильное воспроизведение текста дано: Бочаров И., Глушакова Ю. Орест Кипренский. М., 1990. 1-ая вкладка иллюстраций. Все документы и письма публикуются с сохранением орфографии подлинника, но прописные буквы сохранены только в титулах и обращениях; в пунктуацию внесены самые необходимые поправки.
- 13 Разумовский Алексей Кириллович (1748-1822) - граф, с 1786 г. - сенатор, в 1810-1816 гг. - министр народного просвещения.
- 14 АВПРИ. Ф.190. Оп.525. № 35. Л.2. Диплом скреплен большой печатью Академии художеств. Первое факсимильное воспроизведение текста дано: Бочаров И., Глушакова Ю. Орест Кипренский. М., 1990. 7-ая вкладка иллюстраций.
- 15 В каталоге "Орест Адамович Кипренский. Живопись". СПб., 1988. С.206-207 по поводу этого полотна сказано, что "в современной литературе" оно "упоминается" И.Бочаровым и Ю.Глушаковой в ряде статей, "где картина названа "Молодые рыбаки" и неверно датирована 1830 г.". О том, что картина, о которой было известно только со слов Кипренского, но о судьбе которой никто ничего не знал, обнаружена нами в 1974 г. в экспозиции неаполитанского музея "Палаццо reale", определена как работа Кипренского (на этикетке музея ее автором назывался некий *Kiprenshij*) и нами же впервые опубликована (Sputnik. 1976. № 16. Р.116), в каталоге почему-то не говорится. Умалчивается там также и то, что в нашей статье, которая вводила в научный оборот это произведение Кипренского, мы относили его создание ко второму пребыванию художника в Италии, не указывая точного года, и приводили название картины, как она именуется на этикетке музея. Ничего "неверного" в этом нет.
- 16 АВПРИ. Ф.190. Оп.525. № 35. Л.3. Диплом скреплен печатью Академии. В русском переводе диплом был опубликован: Бочаров И., Глушакова Ю. Орест Кипренский: Из итальянских

разысканий. М., 1986. С.40. Первое факсимильное воспроизведение текста дано: Бочаров И., ГлушакOVA Ю. Новое об Оресте Кипренском // За рубежом. 1989. № 40. В каталоге "Орест Адамович Кипренский (1782-1836). К 200-летию со дня рождения. Живопись". Л., 1988 (как уже говорилось, на титуле стоит 1988 г., но книга на самом деле вышла в свет в 1983 г.) помещены фотографии двух русских и неаполитанского дипломов Кипренского (с. 17, 21, 36). Однако фотографии не сопровождаются воспроизведением текста дипломов, который из-за низкого качества печати не всегда поддается прочтению, и переводом с итальянского неаполитанского документа.

- 17 В итальянских Академиях званием членов-корреспондентов удостоивали художников-иностранцев, которые не могли постоянно участвовать в работе академических собраний и общение с которыми происходило обычно путем "корреспонденции"; в некоторых толковых словарях итальянского языка это звание приравнивается к "почетному члену" (хотя обычно оно давалось не профессионалам). См.: Palazzi F. *Novissimo dizionario della lingua italiana*. Milano, 1939. P.319. Поэтому нельзя считать правильным проходящее у нас в литературе утверждение, что Кипренскому было присвоено звание "магистра" и "советника" Неаполитанской Академии. См.: Зименко В.М. Указ. соч. С.311; Орест Кипренский. Новые материалы и исследования. СПб., 1993. С.206; и др. Званий магистров и советников в итальянских Академиях изящных искусств вообще не существовало.
- 18 Никколини Антонио (1772-1850) - итальянский архитектор; большую часть жизни провел в Неаполе, к числу его наиболее известных работ принадлежит реставрация фасада и интерьера театра Сан Карло.
- 19 Ацаркина Э.Н. Указ. соч. С.167-168, 219.
- 20 Имеется в виду картина "Неаполитанская девочка с плодами", 1831 г. Масло, холст. Кишинев. Художественный музей.
- 21 Имеется в виду картина "Мальчик-ладзароне", 1831 г. (Масло, холст. Киевский музей русского искусства). Ладзароне (итал.) - нищий, босаяк.
- 22 Имеется в виду картина "Ворожея со свечой", 1830 г. (Масло, холст. Санкт-Петербург. Русский музей).
- 23 Имеется в виду картина "Читатели газет в Неаполе", 1831 г. (Масло, холст. Москва. Третьяковская галерея).
- 24 Имеется в виду картина "Вид Везувия с моря". (Масло, холст. Дворцы и парки г. Петродворца).
- 25 Волковский Петр Михайлович (1776-1852) - светлейший князь, генерал от инфантерии, впоследствии - генерал-фельдмаршал, в 1815-1823 гг. - начальник Главного штаба, в 1826-1837 гг. - министр императорского двора и уделов. Через него шли переговоры о покупке картин Кипренского императором Николаем I.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ИДЕЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (по источникам личного происхождения)

Движение либеральной интеллигенции, выступавшей за создание конституционной монархии в России на месте абсолютизма – русский конституционализм представляет собой сложное явление, затронувшее различные общественные слои. Особенно большое значение имела в его становлении и формировании интеллектуальная элита общества, прежде всего среда гуманитарной культуры, университетов, поскольку виднейшие деятели конституционализма были тесно связаны с высшей школой. Конституционное движение в России столкнулось с таким уровнем политической культуры, который делал правовое решение социальных проблем весьма затруднительным. В своей борьбе за правовое государство конституционалисты оказались перед такими факторами, как чрезвычайно низкий уровень правовой культуры населения вообще, правящих верхов и интеллигенции, в частности; отсутствие традиций парламентской жизни и соответствующей практики социального контроля; сословный и групповой эгоизм; преобладание настроений в пользу немедленных выгод без учета длительной программы преобразований. Данная сторона дела, не получившая специального раскрытия в научных и политических трудах, наводит более полное отражение в источниках личного характера. В них нашли последовательное выражение основные этапы идейной эволюции данного направления социальной мысли. Обращает на себя внимание широкий диапазон разновидностей источников, представленных в личных фондах. Среди них выделяются такие группы материалов, как научные труды и подготовительные материалы к ним, публицистика и переписка, а также документы биографического характера. В настоящей статье рассматриваются материалы личных фондов выдающихся представителей русского либерального движения с целью выявить дополнительную информацию о становлении и развитии конституционных идей и их столкновении с

исторической реальностью эпохи. Рассмотрены материалы фондов Б.Н.Чичерина, К.Д.Кавелина, М.М.Ковалевского, С.А.Муромцева, А.Ф.Кони, С.Н.Трубецкого, П.Н.Милюкова, А.А.Корнилова, Ф.Ф.Кокошкина, В.И.Вернадского и Г.В.Вернадского, П.А.Сорокина и др.¹ При всем различии в их воззрениях и отношении к коренным вопросам изучения исторического процесса и политической деятельности прослеживается несомненное единство движения в целом. Можно выделить в нем ряд постоянных доминирующих мотивов, с которыми связана научная и общественная деятельность конституционалистов и даже их социально-психологические установки. Это — пристальное внимание к изучению права, прежде всего государственного или конституционного, с точки зрения теории и практики функционирования в обществе; постоянное обращение к сравнительно-историческому анализу стадий исторического процесса России и Западной Европы, выявлению общих черт и специфики государства, институтов, социальных структур, политических и социальных конфликтов; постоянное несоответствие политического идеала (правовое государство) и действительности, вызывающее общее настроение неуверенности или даже разочарования.

В трудах русских либералов первого поколения центральной проблемой явилось обоснование демократических преобразований, конституционного строя, правового государства. Основное внимание было поэтому уделено правовым аспектам отношения общества и государства, роли последнего в социальных преобразованиях. Главный вопрос эпохи реформ 60-х гг. XIX в. — положение крестьянского сословия. Оно рассматривается с социологической, правовой и исторической точек зрения. Характерно и обращение к этой проблеме в сравнительно-исторической перспективе с целью получения политического прогноза о судьбах демократии в России. К.Д.Кавелин считал, что решение аграрного вопроса на Западе, приведшее к обезземеливанию крестьян, создало предпосылки формирования пролетариата. Подобная перспектива для России кажется ему неприемлемой. Россия не должна повторить ошибку Запада, последствия которой ощущаются в новое время. Альтернативный путь исторического развития для России Кавелин связывает с правильным решением

крестьянского вопроса, пытаюсь преодолеть традиционную недооценку крестьянского сословия в правовой науке его времени. Для Кавелина крестьянство — основная сила русского исторического процесса, то "четвертое сословие", от которого в конечном счете зависит будущее России: "Немецкие профессора говорят о четвертом сословии, имея в виду рабочих как часть городского населения. Я же думаю, что действительно новое четвертое сословие представляет социальный тип, еще никогда не игравший никакой роли в истории — тип сельского жителя, земледельца, крестьянина. Эту мысль я развивал еще в 1863 г. в Бонне, в кружке профессоров"². Вспоминая об этом позднее в переписке с французским историком А. Рамбо, Кавелин писал: "Я точно также удивил немецкую публику в Бонне в 1863 г., доказывая, что четвертое сословие (der Vierte Stand) не есть безземельный и бездомный рабочий, а мужик, владеющий землей. Россия есть и долго будет для европейцев страной сюрпризов всякого рода, потому что и история у нас совсем особенная, непохожая на европейскую, а ее-то европейцы не знают вовсе, думая, что прочитав Карамзина они все узнали"³.

В связи с историей обсуждения крестьянского вопроса накануне проведения реформы несомненный интерес представляет обмен мнениями Кавелина с А. Гакстгаузенем — немецким экономистом, путешествовавшим в свое время по России с целью изучения ее аграрного строя и особенно общины. Между этими учеными продолжалась переписка, из которой можно заключить, что они работали в одном направлении, обращаясь прежде всего к условиям проведения крестьянской реформы и политическим последствиям этого шага. Крестьянский вопрос для Кавелина — "один из величайших вопросов моей родины, которую я люблю больше всего на свете"⁴.

Русские либералы видели место крестьянства в общей социальной системе. Общая концепция сословного строя, созданная Б. Н. Чичериним, К. Д. Кавелиным и А. Д. Градовским, имела в своей основе системное изучение места и роли различных сословий в зависимости от выполняемых ими социальных функций. Речь шла о том, чтобы понять отношения общества и государства как единую систему функциональных взаимосвязей, систему

распределения обязанностей различных сословий по отношению друг к другу и к государству. Процесс дальнейшего развития общества интерпретировался в рамках данной теории как постепенное освобождение сословий от жесткой государственной регламентации их функций. В соответствии с этим смысл русского исторического процесса виделся в создании всесословного или общесословного государства, где бы выполнение тех или иных функций, а также связанных с ними обязанностей и прав, не являлось бы исключительной прерогативой какого-либо одного сословия, а общества в целом.

Глубокий реальный смысл данной концепции состоял в объяснении перехода от традиционных социальных порядков к гражданскому обществу нового времени, а также выявлению специфики этого процесса в России. По существу этими положениями и закладывалась теоретическая основа конституционализма как самостоятельного идейного и общественно-политического течения. В отличие от классического европейского либерализма русский — выступал за активное преобразование общества государством, которому не было никакой реальной альтернативы в России. В данной связи понятен интерес представителей данного направления к проблеме отношения общества и бюрократии, к осмыслению этой проблемы социологически и рассмотрению ее практически на большом новом материале фактов, которые давали для этого реформы 60-х гг.

Для нас несомненный интерес представляют их оценки как реформ, так и последующих контрреформ. В произведениях и публицистике Кавелина можно найти оригинальный взгляд на роль бюрократии в русском обществе. Уже в письмах дореформенного периода обозначился вопрос о противодействии администрации реформам, в принципе одобренным высшей властью. Осознание этого обстоятельства становится особенно отчетливым непосредственно в ходе самих реформ, когда, по выражению Кавелина, от них остался не дух, а только буква закона, а затем период контрреформ. В произведениях и переписке Кавелин неоднократно обращался к суждениям о социальной природе бюрократии. Бюрократия в России всемогуща и централизована, — констатировал он, — но ей нет противовеса, а

потому с ней необходимо считаться. Говоря о политических иллюзиях, которые развеялись в период контрреформ, Кавелин подчеркивал объективные основы существования бюрократии и ее противодействия реформам: "Русский бог, — пишет он, — избавил нас от конституционной лжи ограничения царской власти народным представительством: зато все последствия конституционного миража, будто администрация находится в руках царской власти, мы испытали вполне, до единого, во всей их печальной правде"⁵.

Преодоление административного произвола Кавелин связывает с прогрессом вообще, о подъеме культуры и просвещения, а в качестве непосредственной меры — с реформой государственных учреждений, преобразованием центральных и особенно местных учреждений, судопроизводства, освобождением печати от цензуры. Вновь к этому вопросу он обращается позднее, в 80-е г. В статье "Бюрократия и общество" (1881 г.) он говорит: "Во все времена величайшая ошибка и несчастье правителей заключалось в том, что они уединялись, давали себя окружить непроницаемой стеной приближенных и, мало по малу, по необходимости, начинали глазами этих приближенных смотреть на вещи и на людей"⁶. Для преодоления этого отчуждения необходимо, по мнению Кавелина, введение гласности, прежде всего — справедливого закона о печати и совершенствование государственных учреждений. Насущным ученый считал не политический (введение конституции), а административный вопрос. По его мнению, нужны не преобразования взаимных отношений между сословиями и даже не политические гарантии от произвола верховной власти. "Все что нам нужно, и чего хватит на долгое время, — писал он, — это сколько-нибудь сносное управление, уважение к закону и данным правам со стороны правительства, хоть тень общественной свободы"⁷.

Центральные проблемы политического строя России пореформенного периода являлись предметом постоянного обсуждения в переписке Б.Н.Чичерина с рядом ведущих государственных деятелей — Д.А.Милютиним, П.А.Валуевым, С.Д.Витте, Н.Х.Бунге. В переписке с Милютиним, относящейся к 1880-90-м гг., особый интерес представляет ретроспективная

оценка реформ и степени их реализации. Она дает ключ к пониманию того, что сами деятели реформ считали достижением, в чем видели неудачу и как объясняли ее. Так, посылая Милотину свою статью "Об историческом значении русского дворянства" (1897 г.), Чичерин спорит с противниками реформ справа. Он видит их значение в том, что "это — освобождение крестьян, введение независимого и гласного суда, земские учреждения, преобразования войска, отмена цензуры, — одним словом все то, что утвердило Россию на новых основах и подвело в ней условия истинно-человеческой жизни"⁸. Политика контрреформ воспринималась им как весьма опасное по своим последствиям движение общества вспять. "Я, — пишет Чичерин, — прочел три тома мнений губернских совещаний по предложенным им вопросам и с прискорбием увидел, как далеко не только правительство, но и общество ушло назад от идей и взглядов Положения 19 февраля. Там все клонилось к утверждению личного права; лицу давался правильный и законный исход из опутывающих его отношений. Теперь все стремления состоят в закреплении лица в сословных и общинных рамках и в возможном ограничении его прав. Хотят, чтобы крестьяне уважали право частной собственности, когда думают, чтобы выбить у них это понятие из головы"⁹.

На подъеме демократических реформ 60-х гг. перспектива движения по намечившемуся пути представлялась лидерам либерального движения ясной и определенной. Действительность, однако, не оправдала оптимистических прогнозов. Не отказавшись в принципе от идеалов гражданского общества и правового государства, они понимают, что путь к цели весьма сложен и труден. В 1899 г. Чичерин писал Милотину: "Прогресс человечества представляется мне непоколебимой истиной; только оно идет не ровной дорогой, а через доли и горы. Ныне мы находимся в периоде реализма, когда все взоры прикованы к земле и из нее добывается богатый материал. Зато исчезли все старые точки зрения, которые требуют, чтобы люди вззошли на высоту. Ссюда падение идеалов или господство таких идеалов, которые имели целью удовлетворение физических потребностей. Но собранный материал требует объединяющей мысли. Ее еще нет, но

она несомненно появится, и мы все, работники на человеческом поле, призваны готовить ее появление. Вместе с тем восстановятся и светлые идеалы нашей молодости, идеалы свободы и права, которым суждено окончательно восторжествовать в человеке" ¹⁰.

В период контрреформ нарушился тот альянс между интеллигенцией и бюрократией, который имел место в ходе реформ. Путь демократических преобразований, казалось бы утвердившийся в 60-е гг., находил поддержку и понимание русских либералов и, напротив, наступление эпохи контрреформ справедливо вызывало у них тревогу за будущее. В то же время отсутствие широкой социальной опоры затрудняло создание действенной политической программы. В этот период в переписке все чаще обсуждается проблема отношения к земству, которое рассматривалось либералами как потенциальная социальная опора. По мере того как бюрократия ужесточала свое отношение к земскому движению, намечается сближение с ним конституционалистов, и соответственно меняется отношение конституционалистов к самодержавному правительству и перспективам его развития, к отдельным ведущим деятелям. Это прослеживается, например, в отношениях Б.Н.Чичерина и С.Ю.Витте, первоначально поддержавшего публицистические выступления ученого в защиту земства (1897 г.). Когда С.Ю.Витте выступил с известной запиской, доказывавшей несовместимость земства с самодержавием, Чичерин весьма резко осудил эту позицию: Витте, — писал Чичерин, — "представил совершенно невежественную и работящую записку о несовместимости земских учреждений с самодержавием и изложил эту тему так, что я не могу верить, чтобы он, при своем уме, мог действительно это думать" ¹¹.

Рассматривая отношение ведущих либеральных мыслителей к земству, можно выделить две различные позиции, связанные с разным пониманием потенциальных возможностей этого общественного движения и перспектив создания конституционного государства в России. Это, соответственно, позиции Кавелина и Чичерина, давшие теоретическую основу двум основным тенденциям внутри русского конституционализма, проявившимся

в деятельности так называемых земцев-конституционалистов (Д.Н.Шипов, И.И.Петрункевич), а затем кадетской партии. Расстановка политических сил в условиях контрреформ и низкая политическая культура общества, неоднократно и с горечью констатировавшаяся Чичериним, привела к существенным изменениям его общей политической программы. Подводя в известном смысле итоги своей деятельности в 1900 г., он писал: "Когда в 60-х годах возник конституционный вопрос, я был против потому, что считал опасным менять зараз и политический и общественный строй. Но я всегда знал, что конституционное правление должно составлять естественное и необходимое завершение преобразований Александра II, иначе будет неисцелимое противоречие между новым, основанным на свободе зданием и унаследованной от крепостного права вершиной. Это противоречие оказалось раньше и ярче, нежели даже можно было ожидать. Износившееся самодержавие превратилось в игрушку в руках шайки людей, преследующих исключительно свои личные интересы. Пока это положение не будет изменено, об утверждении законного порядка, об охране свобод и права нечего и думать"¹². В этих условиях немалое значение придает Чичерин распространению идей конституционализма в публицистических выступлениях. Эта позиция заставляла его обращаться к вопросу о роли печати в ходе борьбы за демократические преобразования общества. Так, он высказался за необходимость объективной информации для широкого круга читателей с целью вовлечения их в политическую жизнь. Таково, например, его письмо графу П.А.Валуеву по поводу газеты "Русские ведомости". Вопрос о свободе печати представлялся ему, однако, не столь простым, тем более в условиях недостаточной политической зрелости общества. Откликаясь на выступления С.Н.Трубецкого по этой проблеме, он отмечал, что хотя серьезное обсуждение общественных вопросов в печати необходимо, но, с другой стороны, свобода печати без опоры на представительные учреждения никогда не будет допущена или приведет к господству журналистов и хаосу¹³.

Другой, несколько отличной точки зрения о перспективах конституционного развития придерживался Кавелин. Воз-

ражая тем либеральным мыслителям, которые видели в конституции и парламенте оптимальный вариант социально-политического строя, он считал это нереальным для России. По его мнению, всякая конституция во время проведения реформы неизбежно передала бы власть в руки дворянства, а это, при отсутствии среднего класса и полной политической незрелости народных масс, привело бы к освобождению крестьян без земли. Данный выход из положения Кавелин считал совершенно неприемлемым, ибо он вел к обезземеливанию и пролетаризации крестьянства. Исходя из этого, для периода реформ он считал необходимым не конституцию, а развитие местного земского самоуправления, которое явится школой политической зрелости для формирования предпосылок будущего правового государства.

Таким образом, две основные линии развития конституционализма, совпадая по своим представлениям о целях движения, расходились в воззрениях на пути их достижения.

Связь демократических реформ и становления конституционализма в России не вызывает сомнений. Подобную связь хорошо понимали и подчеркивали сами лидеры данного движения. Особенно характерны в этом отношении материалы фонда А.А.Корнилова, который, будучи историком и экономистом, являлся в то же время ведущим экспертом кадетской партии по аграрному вопросу. В его рукописном наследии конкретизируется мысль о том, что аграрные противоречия кануна русской революции являются следствием условий проведения реформы 1861 г. и особенно периода контрреформ, а их разрешение должно быть связано с дальнейшими политическими преобразованиями. "Хорошая крестьянская реформа, — подчеркивал Корнилов, — действительно неотложна; но не нынешнему бюрократическому правительству ее выполнить. Только свободно избранные представители народа будут в состоянии выполнить эту задачу"¹⁴. Крупный знаток как теории, так и практики крестьянского дела Корнилов, подводя итоги в своих воспоминаниях 1918 г., вновь подчеркнул принципиальное значение реформ 1860-х гг. для создания гражданского общества. "Теперь для меня очевидно, — писал он под впечатлением недавних событий 1917 г., — что как ни малы казались уступки русскому обществу, которые

были сделаны тогда Александром II под влиянием Лорис-Меликова, однако уступки эти и в особенности намеченные планом Лорис-Меликова дальнейшие мероприятия в области крестьянского дела и земского самоуправления были достаточны, чтобы вернуть Россию на путь реформ, оставленный нашим правительством после каразовского покушения 1866 г." ¹⁵ Корнилов считал, что объективная основа для движения по пути демократических реформ в то время была уже создана, а потому навязанная сверху реакция, проявившаяся особенно сильно после 1 марта 1881 г., искусственно остановила этот процесс преобразований. Особенно пагубным считал он то, что незавершенной осталась реформа земского самоуправления. В деятельности самого Корнилова и его документах хорошо прослеживается связь борьбы за конституцию с активным участием в земском движении. Во время и после революции 1905 г. он находился в центре бурных дебатов по аграрному вопросу, в то время когда с позиций кадетской партии обосновывалось решение крестьянского вопроса, разрабатывалось соответствующее законодательство, намечались практические меры по организации местных учреждений для подготовки аграрной реформы.

Конституционное движение, выдвигающее на первое место проблемы гражданского общества и правового государства, характеризуется подчеркнутым вниманием к проблемам теоретической юриспруденции. Наибольшее отражение эта сторона дела получила в фонде С.А.Муромцева, одного из крупнейших юристов дореволюционной России, председателя первой Государственной Думы. До нас дошли письма молодого С.А.Муромцева к двоюродному брату В.С.Муромцеву, в которых будущий ученый и деятель кадетской партии освещает причины выбора им юридической специальности; характеризует преподавание на юридическом факультете Московского университета и то место, которое занимали проблемы права в общественной и политической жизни интеллигенции. "Между всеми предметами, — пишет Муромцев 24 сентября 1868 г., — меня больше всего занимает государственное право по следующим причинам: во-первых, читается оно профессором молодым и очень симпатичным и притом

читается хорошо; во-вторых, заманчиво содержание предмета, в котором наряду с философским воззрением на государство, на верховную власть, излагается то, что можно назвать словом "администрация" или вообще государственное устройство России сравнительно с другими государствами. А тебе известно, как такие вещи интересуют меня; ты, верно, не забыл моих тетрадок, которыми я тебя мучил во время твоих приездов в Лазовку и в которых излагалось устройство фантастического государства"¹⁶.

Юридический факультет был в то время одним из наиболее многочисленных. По сообщению Муромцева на его курсе слушало лекции одновременно около 200 человек студентов и слушателей (1867 г.), а на выпускном курсе в то же время училось около 300 человек студентов. "Университет, - писал Муромцев, - смотрит на преподавание юридических наук с довольно широкой точки зрения и ввел в преподавание несколько побочных предметов, между прочим историю - новую русскую (с Петра I) и древнюю всеобщую; первая необходима для русского законодательства, а вторая для римского права"¹⁷. Русскую историю, в частности, читал С.М.Соловьев, "лекции которого, несмотря на небольшой внешний недостаток, во внутреннем отношении превосходны"¹⁸. В качестве специальных предметов Муромцев избрал также такие предметы как энциклопедия права и статистика, причем он высоко отзывается и о качестве преподавания.

Преподавание создавало у молодых правоведов разносторонний взгляд на общество и стоящие перед ним задачи. Так, факультетом была объявлена конкурсная тема сочинения - "История русского дворянства". Раздумывая над ней, Муромцев размышлял: "Чтобы писать историю дворянства, надо знать вообще историю всего народа; чтобы понять причины, породившие дворянство, надо вникнуть и во внутренний быт, и в экономический строй общества, и в политическое устройство ^{ст} ^{сетега}. А сколько вопросов затронешь, когда заговоришь о падении дворянства. Кажется, никто еще не сказал, почему пало крепостное право, а ведь падение крепостничества и есть падение дворянства"¹⁹. Социологический принцип просле-

живается и в суждениях о выборе кафедры для продолжения занятий и специализации: "Конечно, я выберу такую кафедру, которая чужда сухого юридического характера и представляет наиболее жизненного интереса. Таких кафедр три: политическая экономия, история русского права и уголовное право"²⁰. Наиболее интересными представляются автору две последние. Жизненное значение истории русского права усматривается в том, что многие явления современности обусловлены их историческим происхождением; уголовное право представляет интерес не только в национальном, но даже в общечеловеческом смысле, поскольку важнейшие вопросы о преступлении, вменяемости, а главное о причинах преступлений остаются мало разработанными. Главным объектом исследований Муромцева, ставшего впоследствии признанным главой социологической школы русской юриспруденции, стало, однако, гражданское право, прежде всего — система римского права. В нем его привлекла та степень обобщения социальной действительности, которая позволила Савиньи назвать римское право разумом, выраженным в цифрах. Влияние изменившихся общественных настроений и прежде всего судебной реформы 1864 г. прослеживается в том интересе, который проявился к ведению судопроизводства и деятельности судебных учреждений. Посещение окружного суда, изучение суда присяжных, организация студентами пробных судебных заседаний, в которых принимали участие как учащиеся старших курсов, так и профессора, — все эти формы практики нашли подробное освещение в переписке Муромцева.

Новый, социологический подход к праву, превращавший его в отрасль социологии, был встречен далеко неоднозначно традиционной университетской средой. Муромцев, являвшийся последователем германской юридической школы и особенно Р.Иеринга, в своих письмах рассказывает о различном отношении к его идеям. "Я, — писал он, — приступил к исканию магистерской степени при сочувствии молодой партии (довольно многочисленной, но по голосам еще слабой, ибо не все профессора, а лишь доценты), и при сильном недоброжелательстве стариков, которые старались всячески мне противодействовать"²¹. После успешной защиты диссертации Муромцев был

оставлен при кафедре римского права в качестве доцента. Став затем профессором Московского университета, Муромцев, однако, вынужден был вскоре оставить преподавание по политическим причинам.

Очень ценны документы личного фонда Муромцева, отражающие самый драматичный период его деятельности, связанный с участием в первой русской революции. Надо отметить, что Муромцев создал один из основных конституционных проектов, который получил название "конституции Муромцева" и был в июле 1905 г. утвержден "в принципе" Общим съездом земских деятелей. В архиве хранится личная записка Муромцева об истории создания и мотивах составления этого документа. Главным побудительным мотивом являлось стремление автора создать правовую основу социальных изменений. "История учит, — подчеркивал он, — что в великие эпохи государственного переустройства, когда правительство опасается опираться на стремления созидательных элементов страны, центр тяжести политического положения как-то неизбежно перебрасывается прямо из кругов, называющих себя охранителями, в круги разрушения и нет уже в таком случае пощады каким-либо "историческим основам государства и общества"²². В "Записке" упоминается предшествующий проект, созданный в октябре 1904 г. и напечатанный за границей в журнале "Освобождение", издаваемом П.Б.Струве. После апрельского 2-го Общеземского съезда Муромцев с некоторыми другими лицами составил свой альтернативный проект основного закона Российской империи на конституционно-демократических началах. Он сообщает об источниках нового проекта. "Разумеется, — подчеркивал он, — в такой работе пришлось пользоваться как прежними проектами, так и западноевропейскими конституционными актами"²³. Большое внимание было уделено профессиональной юридической отделке проекта, который был составлен таким образом, чтобы войти в состав свода законов взамен действовавших статей 47-81 первой части первого тома, не затрагивая непосредственно остальных разделов первой и второй частей первого тома свода. Комментируя составленный им проект, Муромцев подчеркнул, что во главу этого проекта поставлен в новой

формулировке принцип верховенства закона в области государственного управления, то есть тот же самый принцип, который лежал в основании действовавших Основных законов (статья 47). Центр тяжести нового порядка был сведен не к вопросам ограничения власти императора, а к вопросу о правах Государственной думы и об ответственности перед ней высших представителей бюрократии — министров. Подготовка текста была закончена к 30 июня, а 6 июля 1905 г. он был опубликован в Русских ведомостях и роздан членам Земского съезда для обсуждения на нем, став объектом дискуссии. Этот подготовительный этап несомненно сыграл свою роль в появлении Манифеста 17 октября 1905 г.

Наиболее значимые события из истории земского и конституционного движения данного периода отразились в документах С.Н.Трубецкого. Среди них — тексты и проекты ряда обращений к правительству, в составлении которых принимали участие видные либеральные деятели. Таков, в частности, текст известного адреса Николаю II по случаю его вступления на престол от земства Тверской губернии (1894 г.). В нем проводились идеи главенства закона над представителями власти, "ибо закон, представляющий в России выражение монаршей воли, должен стать выше случайных видов отдельных представителей этой власти"²⁴. Выразилось пожелание о незыблемой охране прав отдельных лиц и общественных учреждений, о создании возможности и права для общественных учреждений высказывать свое мнение, чтобы до верховной власти достигали настроения народа, а не только представителей администрации.

Кульминационным периодом земского конституционализма стало время лета и осени 1905 г., и именно документы этого периода полнее отражены в личных фондах. В фонде С.Н.Трубецкого важны документы, принятые на совещании земской конституционной группы 9–10 июля 1905 г. Они отражают период формирования конституционно-демократической партии, "которая бы состояла из широкого круга деятельных единомышленников в стране и имела бы полную и цельную программу со включением в нее положений по экономическим, финансовым, областным и национальным вопросам"²⁵. Согласно документу,

съезд поручал уполномоченным им на то 20 лицам вступить в соглашение с близкими по направлению группами по своему усмотрению, составить вместе с лицами, которые будут уполномочены от этих групп, временный комитет партии, приступить к необходимым действиям по ее организации с отчетом о проделанной работе следующему съезду. Предлагалось продолжить разработку программы по аграрному вопросу и организовать подобное же обсуждение вопросов рабочего, финансового, национального и областного. Провозглашалась необходимость дальнейшего обсуждения проекта Основных законов, над которыми как раз в это время велась активная работа.

В материалах С.Н.Трубецкого, который являлся профессором, а затем первым выборным ректором Московского университета, сохранилась группа документов, отражающих события в высшей школе периода первой русской революции. Они позволяют лучше представить формы участия как профессоров, так и студентов в политических событиях, а также раскрывают существенные различия и противоречия в их политических воззрениях. Так, в докладе комиссии, избранной Советом Московского университета и созданной для нормализации учебных занятий 7 февраля 1906 г., характеризовалось общее положение в университетах страны и те меры, которые, по ее мнению, могли бы привести к прекращению волнений. Председателем комиссии был известный ученый профессор Д.Н.Зернов, а секретарем профессор П.И.Новгородцев. Они отмечали, что волнения в университетах и других учебных заведениях порождены общими условиями, которые переживает Россия, а движение студентов хорошо организовано и направлено, и считали, что для решения проблемы недостаточно введения университетской автономии. "Необходимо, — по их мнению, — создать такие условия общественной жизни, при которых научные знания действительно имели бы цену, как средство успеха в свободной самостоятельности личности, и тогда можно будет рассчитывать на то, что в обществе установится правильное отношение к науке и будет ей отдаваться должное уважение"²⁶. Документы позволяют представить взгляды разнообразных социальных групп, увидеть за событиями студенческих волнений более

глубокие общественные противоречия. Постановления Совета университета от 19 января 1905 г. и от 25 и 26 февраля того же года отразили мнение консервативной части профессоров. В целом Совет подчеркивал, что не все студенчество разделяет крайние взгляды и стремится к обструкции учебного процесса. В качестве основных мер наведения порядка предлагалось осуществить автономию университетского управления и предоставить полноту дисциплинарной власти Совету. Наиболее консервативная группа профессоров выступила с особым мнением, не поддержав требование автономии²⁷. Они не усматривали связи между студенческими забастовками и уставом 1884 г., осуждали их как средство и не поддерживали саму цель — достижение автономии. Особая группа документов фонда представляет собой выражение позиций студенчества в этом конфликте.

Волнения в Московском университете в определенной мере отражают общие черты либерального движения и позицию его лидера С.Н.Трубецкого. Это прежде всего стремление к разрешению социальных противоречий правовыми методами. С другой стороны, документы показывают, как в конкретных ситуациях проявляет себя неготовность общества к такой стратегии развития, которая лишает конституционалистов их постоянной и стабильной социальной базы. Главным для них продолжает оставаться не столько практическая деятельность, сколько социологический анализ революционного процесса, во-первых, и разработка правовых документов, во-вторых. В документах личных фондов прослеживается постоянное противоречие нормы и действительности и осознание этого противоречия. В проекте конституции, точнее во введении к нему, обсуждавшемся на совещании земских деятелей в июле 1905 г. в Москве, отмечалось: "Основной целью, которую мы ставим, состояла в том, чтобы сохранив основные принципы демократической программы, вместе с тем принять во внимание конкретные условия и отношения русской жизни"²⁸. "Мы предвидим, однако, — продолжает документ, — что проект наш вызовет возражения двоякого рода: для одних будет казаться, что мы требуем слишком много, для других, слишком

мало. Одни найдут опасной организацию всеобщего избирательного права, другие будут не удовлетворены тем, что мы не даем постановлений относительно некоторых важных пунктов и сохраняем некоторые институты конституционного строя, которые подвергаются серьезной критике (как, например, двухпалатная система)"²⁹.

Используя нормы западного конституционализма, проект стремился сочетать их с условиями российской общественной жизни. Одним из них как раз и являлось отсутствие опыта парламентаризма и традиций борьбы за него (что показала история Выборгского манифеста). В докладе Сопения земских деятелей 6 ноября 1905 г. по вопросам об общих условиях, необходимых для правильного развития общественной жизни, прямо отмечалось отчуждение общества от власти. "Вместо общественной самодеятельности, — отмечалось в нем, — у нас развилась административная централизация, вместо участия общества в управлении создавалась строгая опека над всеми сторонами общественной жизни. Крепко утвердившийся бюрократический строй, постоянно равнодушно устраняя всякое проявление общественной инициативы, общественной мысли, создал почву для проявления административного произвола и личного усмотрения"³⁰. Констатируя такое состояние общественного сознания, конституционалисты не могли не понимать, что их программа вызовет активные возражения как справа, так и слева: Однако иного выхода как построение правового государства и движение в направлении конституционной монархии они не видели. С этим была связана широкая просветительская программа ученых либерального правления: В.И.Вернадского, А.Ф.Кони, П.Н.Милерова, М.М.Ковалевского, что нашло отражение в личных фондах этих деятелей и особенно в их переписке³¹. Таковы письма В.И.Вернадского А.А.Корнилову, где прослеживается идея о необходимости организации системы широкого бессловесного самоуправления и проведения для этого аграрной реформы³². Почти невольно возникает в ряде документов сравнение русской революции с французской. Об этом пишут Н.И.Кареев, Е.Нольде, Г.В.Вернадский, А.Ону и другие³³.

"Как историк, взвешивающий современные обстоятельства, — писал историк С.Святиков А.Ф.Кони уже в феврале 1917 г., — я предчувствую и предвижу наступление момента, когда право необходимой обороны против направленно и злонамеренно действующей власти будет всенародно провозглашено и осуществлено. Возможно, что я ошибаюсь. Россия весьма самобытна, но по-моему мы идем к повторению 1793 года. Желательно это или нет — другое дело. Но исторические параллели невольно напрашиваются"³⁴.

Работа по созданию правовых документов имела для конституционного движения смысл в двух отношениях. С одной стороны, эти документы рассматривались как основа для практической деятельности, перестройки государственных институтов. С другой, — они выступали как идеологические манифесты, призванные формировать определенное общественное сознание в поддержку демократических реформ. В этом отношении особенно характерна деятельность Ф.Ф.Кокошкина, являвшегося ведущим специалистом кадетской партии по конституционному праву. Документы отражают его участие в создании основных конституционных проектов. По воспоминаниям жены Кокошкина, с 1904 по 1905 гг. он не имел свободного времени: "То вырабатывались Основные государственные законы Российской империи, то подготовка к земским съездам, то программа партии... Словом заседания и заседания"³⁵. Будучи членом Союза Освобождения, он принимал участие в создании первого проекта Основных законов, а в дальнейшем участвовал в их доработке. Кокошкин не обманывался насчет практического значения всех этих правовых инициатив. Особенно показательна в этом отношении его позиция по вопросу о целесообразности Выборгского воззвания. После роспуска первой Государственной Думы группа ее депутатов подготовила воззвание к гражданам России (10 июля 1906 г.) с призывом к гражданскому неповиновению властям, однако, эта инициатива не нашла поддержки в народе, который остался совершенно безучастным к ней. Вместе с П.Н.Миллюковым и И.И.Петрункевичем Ф.Ф.Кокошкин был инициатором обращения и, по воспоминаниям жены, оставался одним из самых преданных его сторонников до конца своих

дней. На первый план выступала у него не столько практическая, сколько идеологическая сторона подобного метода борьбы. Ф.Ф.Кокошкину "было ясно, что обращение необходимо, причем он никогда не обольщался никакими иллюзиями насчет его практического значения результата, ни минуты. Не ожидал от него никакого народного признания. И тем не менее - считал его необходимым. Во-первых, для того, чтобы не дать возможности всем возложить вину на депутатов..., а во-вторых, Ф.Ф.считал это прецедентом для будущего, считая пассивное сопротивление одним из способов конституционной борьбы народа в защиту своих прав"³⁶. Главным делом жизни Кокошкина явилось создание правовых документов для организации народного представительного учреждения в России. Еще в 1905 г. был разработан проект Положения об Учредительном собрании народных представителей Российской империи для выработки Основного государственного закона. В нем сформулированы четыре основных раздела: О составе и порядке избрания Учредительного собрания; О звании народного представителя; О порядке занятий учредительного собрания народных представителей; О составлении основного государственного закона и других законов, необходимых для установления государственного правопорядка и о других полномочиях Собрания³⁷. В качестве отдельного документа были написаны Положения о выборах в Учредительное собрание народных представителей, изданные в 1905 г. отдельной брошюрой³⁸. Специальной разработкой вопроса о единстве России и автономиях была посвящена работа "Областная автономия и единство России", также изданная в 1905 г. в виде брошюры³⁹. В ней рассматривался этот вопрос в полемике с теми, кто считал, что федерализм и автономия ведут к развалу России. Кокошкин придерживался той точки зрения, что автономия не противоречит единству, а укрепляет его и обосновывал создание местных представительных учреждений - "Дум". Проблема народного представительства в парламентских учреждениях нашла в трудах Кокошкина теоретическую разработку. Он исходил из того принятого в науке положения, что сословный строй в России явился

не продуктом развития внутренних общественных сил, но результатом деятельности государства, закрепившего обязанности сословий для выполнения определенных общегосударственных целей — несения податного тягла, а также военной и гражданской службы. Поэтому он не считал целесообразным использование сословного признака в организации народного представительства. Отвергал он также и классовый принцип представительства на том основании, что классовая борьба и противоречивость их интересов ослабляет государственный консенсус. Задача же государственной власти состоит, напротив, в сдерживании классового эгоизма и подчинения его принципу общего блага, общегосударственных интересов. Признавая нормальным для политической жизни государства борьбу политических партий, к которым человек принадлежит в силу убеждения, он отстаивал принцип всеобщего избирательного права, рассматривая его наряду со всеобщим обучением "как необходимое условие современного прогресса"⁴⁰. Его концепция конституционной системы вместе с принципом народного представительства включала принцип разделения властей, то есть — отделение законодательной власти от исполнительной и судебной, а также федеративное устройство для окраин и реформу местного управления путем создания более мелких земских единиц.

Естественно, что после февральской революции именно Кокوشкин специальным указом Временного правительства Сенату был назначен председателем Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. В фонде Кокوشкина сохранилось также именное удостоверение Московской столичной по выборам в Учредительное собрание комиссии в связи с избранием его членом Учредительного собрания (25 ноября 1917 г.)⁴¹.

Документы личного происхождения дают, таким образом, новую ценную информацию о становлении и развитии конституционно-правовых идей и степени их реализации в условиях российской действительности. Особенно важны данные об общественных настроениях и роли либеральной интеллигенции в теоретическом обосновании идеала правового государства в России.

- I В статье использованы материалы личных фондов: Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). Ф.1154 (Б.Н.Чичерин); Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (далее - ОР РГБ) Ф.334 (Чичерин); Российский Государственный архив литературы и искусства (далее - РГАЛИ). Ф.264. (К.Д.Кавелин); ОР РГБ. Ф.548. (К.Д.Кавелин); ГАРФ. Ф.575. (С.А.Муромцев); Ф.579. (П.Н.Милуков); Ф.564. (А.Ф.Кони); Ф.1093. (С.Н.Трубецкой); Ф.5102. (А.А.Корнялов); Ф.1137. (Г.В.Вернадский); Ф.1190. (Ф.Ф.Комовкин); Ф.602. (П.А.Сорокин); Ф.5101. (А.А.Кауфман) и др.
- 2 Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб., 1900. Т.2. С.593.
- 3 РГАЛИ. Ф.262. Оп.1. Д.13. Л.3-3 об.
- 4 ОР РГБ. Ф.548. Карт.3. Д.39. Л.1.
- 5 Кавелин К.Д. Собр. соч. Т.2. С.945.
- 6 Там же. С.1067.
- 7 Там же. С.896.
- 8 РБ РГБ. Ф.169. (Д.А.Милютин). Карт.77. Д.53. Л.7.
- 9 Там же. Л.11-11 об.
- 10 Там же. Д.54. Л.9 об.-10.
- 11 Там же. Л.1-1 об.
- 12 Там же. Л.23.
- 13 Там же. Ф.334. (Чичерины). Карт.2. Д.35. Л.1 об.; Д.45. Л.3-4.
- 14 ГАРФ. Ф.5102. (А.А.Корнялов). Оп.1. Д.3. Л.83-84.
- 15 Там же. Д.143. Л.27.
- 16 Там же. Ф.575. (С.А.Муромцев). Оп.1. Д.1. Л.14.
- 17 Там же. Л.4.
- 18 Там же. Л.5.
- 19 Там же. Л.26.
- 20 Там же. Л.24.
- 21 Там же. Л.48.
- 22 Там же. Д.8. Л.5 об.
- 23 Там же. Л.3 об.
- 24 Там же. Ф.1093. Оп.1. (С.Н.Трубецкой). Д.1. Л.2.
- 25 Там же. Д.33. Л.1 об.
- 26 Там же. Д.40. Л.2 об.
- 27 Там же. Л.8 об.
- 28 Там же. Д.14. Л.6.

- 29 Там же. Л.6.
- 30 Там же. Л.17 об.
- 31 Подробнее см.: Медушевский А.Н. Новые архивные источники по истории русской исторической науки (конец XIX - начало XX вв.) // Советские архивы. 1988. № 6.
- 32 ГАРФ. Ф.5102. Оп.1. Д.466. Л.69.
- 33 Там же. Ф.564 (А.Ф.Кони). Оп.1. Д.2780, 2738 и др.
- 34 Там же. Д.3136. Л.1 об.
- 35 Там же. Ф.1190 (Ф.Ф.Кокочкин). Оп.1. Д.21. Л.49.
- 36 Там же. Л.56.
- 37 Там же. Д.18. Л.1 и след.
- 38 Там же. Д.19.
- 39 Там же. Д.17.
- 40 Там же. Д.16. Л.9 об.
- 41 Там же. Д.3.

ЗАПИСКА А.А.ГИРСА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИД РОССИИ.
(Апрель 1906 года)*

Публикуемая ниже записка А.А.Гирса с резкой критикой деятельности Министерства иностранных дел России и его руководства является в известной степени уникальным общественно-политическим документом, который мог появиться лишь в экстраординарных условиях первой российской революции. Эта критика затрагивала не отдельные стороны внешней политики страны, а центральный руководящий орган, сами основы деятельности МИД и его руководства, хотя внешняя политика, наряду с военным делом, традиционно являлась излюбленным занятием русских царей, а внешнеполитическое ведомство было настолько приближено к монарху, что считалось "Канцелярией Е И В по иностранным делам".

Пожалуй, впервые в практике государственной и общественно-политической жизни страны критика исходила не из "безответственных" кругов российской печати, принадлежала перу не скрывавшихся под псевдонимами фрондирующих отставных дипломатов, а только что вышедшего в отставку генерального консула России в Салониках и видного общественного деятеля, близкого к октябристским кругам, и в то же время находившегося в приятельских отношениях с такими высшими представителями царской бюрократии как В.Н.Коковцов, А.С.Танеев, князь Н.Д.Оболенский. И опубликована она была не в печати (хотя вскоре основные ее тезисы появились и в газетах), а направлена в адрес крупнейших государственных и политических деятелей страны, прежде всего - новому министру иностранных дел А.П.Извольскому. Тираж этой записки был невелик, всего 50 экземпляров, что свидетельствовало о том, что она предназначалась для узкого круга читателей. Да и сам тон записки свидетельствовал не только о "разоблачительных", но и о "конструктивных" задачах, которые ставил ее автор в анализе

* ГАРФ. Ф.892 (А.А.Гирс). Оп.1. Д.90. Л.1-5.

деятельности МИД, нацеливая ее на взаимодействие с Государственной Думой и выразителем общественного мнения страны — печатью.

А.А.Гирс обвинял руководство МИД, во-первых, в "отсутствии ясной политической программы", в игнорировании по существу важнейших направлений внешней политики страны, которые "русское общество признавало национальной политикой" (в первую очередь — балканской и ближневосточной политики), перекаладывая фактически вину за провалы внешней политики России на Дальнем Востоке с главного виновника — Николая II и его камарильи на руководство МИД. Во-вторых, в смешении "интересов дела", интересов государства с "интересами случайного и личного свойства", что проявлялось особенно в кадровой политике руководства МИД, ставившего на первое место "фаворитизм", подчинение "влияниям и даже требованиям высокопоставленных сфер и лиц, покровительствующих тому или другому чиновнику. Особое внимание обращал автор записки на преобладание узковедомственных интересов над государственными, выразившихся в игнорировании мнений заграничных представителей России, в том числе и послов, и навязывании точки зрения петербургского начальства. Наконец, министерское руководство обвинялось "в олимпийском, с примесью нескрываемой злости, пренебрежении общественным мнением и его глашатаем — печатью".

Выдвинутые А.А.Гирсом обвинения в адрес бывшего руководства МИД, которое с 1900 г. возглавлялось графом В.Н.Ламздорфом, олицетворявшим архаичные обстановку, условия и методы абсолютистско-бюрократического правления, неспособность и нежелание бывшего министра вступать в контакт с общественно-политическими и промышленно-предпринимательскими кругами, не стали открытием ни для Измильского, ни для лиц, которым была адресована эта записка. В ней были сформулированы лишь наиболее существенные пороки деятельности бывшего руководства МИД.

Безусловно, Гирс преследовал и чисто личные цели возвращения на службу в МИД, где за четверть века он так и не сделал заметной карьеры. (Он являлся однофамильцем

бывшего министра иностранных дел России Н.К.Гирса, что мешало его карьере). Критика старого руководства "пост-фактум", "в догонку", о чем свидетельствует и дата ее составления, т.е. через несколько дней после отставки графа Б.Н.Ламздорфа, свидетельствует лишь о беспроясненности принятой Гирсом акции.

О том, что критические стрелы Гирса попали точно в цель, свидетельствовало последовавшее вскоре приглашение его новым министром вернуться на службу в МИД и назначение главой вновь созданного Бюро печати. Министр нуждался в "новых людях", имевших связи в общественно-политических кругах. Гирс стал "правой рукой" Извольского в налаживании контактов с печатью и политическими группировками, лояльными царизму. Впоследствии Гирс был сделан советником МИД, а в 1912 г. назначен министром-резидентом России в Черногории в личном звании чрезвычайного и полномочного министра.

Перемена в высшем управлении Министерством Иностранных Дел в ту многознаменательную для нас пору, когда русское государство вступает в новую жизнь, к устройству которой в полном ее объеме привлекаются народные представители, является событием первостепенной важности.

Ушел министр, бывший в течение последнего времени предметом единодушных нападков со стороны общественного мнения. За ним вероятно последуют и все его сподвижники, действительные или только формальные участники в трудах Министерства за тот скорбный для России период, который завершился на Дальнем Востоке крушением нашего военного и политического могущества, а на Ближнем — утратой положения, созданного вековыми усилиями русских государей и русского народа.

Ушли люди, но своеобразная атмосфера, которую они создали вокруг своей деятельности настолько стеснилась за последние годы, что преемнику уволенного министра придется потратить много упорного труда на то, чтобы ее расчистить и поднять на должную высоту ведомство, в постоянных заботах об ограждении себя от всякого вмешательства извне дошедшее до полного обособления от общего хода государственного управления и до совершенного разъединения с жизнью народа, интересы которого оно призвано защищать за пределами его территории.

Наступившая пора врачевания всех язв нашего правительственного строя обязывает всякого из нас, кто более или менее осведомлен о недочетах какой-либо отрасли государственного управления, указать на последние, по разумению отбросив всякую условность в оценке, всякое лицепрятие, и имея в виду лишь благо государства.

Призванное у врачевать язвы старого строя, создать разумные и правильные взаимоотношения правительственной власти и населения, утишить духовные и физические муки страны, пережившей и еще переживающей неслыханную смуту, народное представительство нуждается в ознакомлении со всем тем, что могло быть в той или иной мере причиной перенесенных государством поражений и бедствий.

Ничто не должно быть от него сокрыто; это единственный верный способ помочь ему разобраться в нашем настроении, найти надежные средства к упорядочению государственного механизма и обеспечить обоснованный и авторитетный контроль над деятельностью правительственных властей.

Таковы соображения, которые побуждают меня с полной откровенностью указать на коренные, по моему мнению, недостатки ведомства, в существовании которых я не мог не убедиться за почти четверть-вековое служение мое в нем; им мы в значительной степени обязаны многочисленным за последнее время неудачам нашим в разрешении многих жизненных для нас вопросов международного общения.

Время не терпит. Под шум наших поражений, наших внутренних смут, европейские и азиатские державы продолжали жить хотя и несколько взволнованною, но нормальной жизнью, устранивали свои дела, приравливаясь к ходу событий в России и мы, оправившись от пережитых бедствий, возродясь к новой государственной жизни, встретимся в области международных сношений с условиями и обстановкою иными чем те, которые существовали еще незадолго до Японской войны.

Не говоря уже о сочетаниях европейских держав, определившихся по случаю этой войны и мароккского дела, близкий к нам во всех отношениях Турецкий Восток грозит стать полем столкновения двух культурных миров, германского и англо-саксонского и вынудить нас определить, быть может скорее чем мы бы того желали, нашу программу в вопросе проливов и балканского полуострова и наши отношения к соперникам. На эти главнейшие события указываю коротко, чтобы лишь дать общее понятие о всей трудности предстоящих нашему дипломатическому ведомству задач.

Можно быть уверенным, что оно с ними не справится, пока не будут с корнем вырваны и преданы забвению те отношения к делу, те приемы (о программе и говорить нечего — ее просто не существовало), к которым оно систематически прибегало в течение последних лет своей деятельности, не достигнув ни в одном конкретном случае каких-либо положительных и прочных результатов.

Приемы эти были двух категорий; одни касались собственно ведения дела, другие — отношений центрального ведомства к своим агентам за границу. Строгого согласования этих приемов не существовало благодаря отсутствию ясной политической программы и выработанной, ограждающей от всяких посторонних влияний, системы подгостовления и выбора лиц для замещения заграничных должностей. В результате — смешение, со всеми его последствиями, интересов государственной службы с интересами случайного и личного свойства.

В основу взглядов министерства на ведение порученного ему дела легли два чувства: священный ужас перед тем, что русское общество признавало национальной политикой (понятие, впрочем, одинаково смутно истолковываемое как министерством, так и самим обществом) и олимпийское, с примесью нескрываемой злобы, пренебрежение общественным мнением и его глашатаям — печатью.

Но властно исповедывать такие чувства и действовать в соответствии — дело не легкое; поэтому министерство предусмотрительно обставило свою деятельность такими условиями, которые позволили ему вершить дела даже неизмеримой важности втихомолку, нередко поражая своими решениями не только общество, естественно волновавшееся тем или другим вопросом, но и самих представителей России за границей и, кроме того, — путем излюбленных всеми нашими министрами приемов — обеспечить за собою полную безответственность...

Робкое и нерешительное в деле государственном Министерство проявляло несколько высокомерную (казавшуюся напускною лишь немногим посвященным) самостоятельность в сношениях с подчиненными ему агентами на местах, нередко прибегая — за отсутствием истинного авторитета — к таким оборотам начальственной речи, с которыми и послы и меньшие агенты мирились по вынуждению и скрепя сердце.

В основу деятельности по выбору должностных лиц (разумею, главным образом, заграничные должности) и отношений к ним легли совершенно ненормальные, не соответствующие пользе службы начала и взгляды, а на первом месте фаворитизм, наряду с подчинением влияниям и даже требованиям

высокопоставленных сфер и лиц, покровительствующих тому или другому агенту.

Если какой-либо агент не пользовался ничьим покровительством или личным распоряжением какого-либо из высших чинов министерства, да кроме того не проявлял должной отходливости перед начальством, он не только не мог рассчитывать на равномерное прохождение своей служебной карьеры и своевременное повышение, но по отношению к нему при каждом удобном случае выказывалось несправедливое и порою оскорбительное пренебрежение, даже в делах чисто служебного свойства, которые от этого очевидно могли лишь страдать.

Руководство такими соображениями естественно отодвигало на второй план заботу о замещении той или другой должности лицами действительно для нее подходящими и, делая порою самые неожиданные назначения или перемещения, Министерство, смотря по обстоятельствам, или прикрывалось требованиями соблюдения служебной иерархии, или соображениями высшего порядка, часто мало понятными, или просто отмалчивалось.

Ни те, ни другие специальные знания и личные свойства агента, ни его приспособляемость к обстановке, в которой ему предстояло защищать государственные интересы en passant de sa personne * в обширном смысле этого выражения (необходимое условие успеха его деятельности), — ничто из этого не только не ставилось на первый план при его выборе на ту или другую должность, но и вообще в достаточной мере в расчет не принималось. Напротив, по соображениям Министерства, агент, могущий создать себе на том или другом посту исключительное положение, к вящей пользе службы стать лицом авторитетным, с которым должны считаться и правительство и общественное мнение страны, где он несет службу, являл собой величину нежелательную: с его мнением Министерству пришлось бы слишком считаться и, чего доброго, он о себе возмечтает и отнесется без убежденности к внушениям и вообще руководительству Петербургского начальства, к тому же

ж не жалея себя.

имевшего лишь весьма смутное представление о условиях и механизме службы в чужой стране.

Доносить, что все обстоит благополучно, не возмущать никаких вопросов и не обращаться за разъяснениями положения или выяснением программы — такова должна быть деятельность агента, желающего пользоваться благоволением центрального ведомства.

Печальна участь тех из них, которые с такими требованиями не мирились, заявляли, что не все благополучно, что возникают грозные вопросы, указывали на опасность положения, а в особенности дерзали, в убеждении, что они исполняют лежащий на них священный долг службы, высказывать соображения несогласные с мнением Министерства. Как бы ни были чисты их побуждения, на них обрушивались громы негодования, выражавшегося в самых разнообразных формах, до отстранения от **в с я к о г о** дела и лишения средств к жизни включительно.

Горе и тому агенту, который при неуклонном исполнении всех требований службы руководился лишь ее пользой, интересами русского государства, отвергал всякие "иные" соображения и требования. При таких взглядах он становился неудобен для весьма многих, и своих, и чужих. Против него воздвигался поход и — как оно ни казалось бы невероятным — даже чужеземцам удавалось добиться его перемещения на другой пост, или просто смещения...

В этой краткой заметке, имеющей целью указать на условия и обстановку, при которой вершились дела нашей внешней политики и протекала служебная деятельность представителей России за границей всяких рангов, т.е. тех, кого по справедливости следует назвать *chevilles ouvrières** международного общения, я тщательно воздержался от ссылки на примеры; для всех кто служит в ведомстве они в памяти или на глазах. Лучше чем кому-либо они известны самому новому министру иностранных дел, приносящему с собой, помимо знакомства со всеми задачами нашей внешней политики, многолетний опыт служения России за ее рубежом.

* главная пружина.

В этом залог обновления нашего дипломатического ведомства, а с этим вместе, возвращения России и укрепления за нею того международного положения, на которое она имеет право, и при котором немислимы ни безнаказанное убийство русских консулов в Турции, ни стрельба русских канонерок по христианским селениям на о. Крит, не говоря уже о том позоре, который Россия пережила в сношениях с азиатской державою, лишь недавно вошедшей в правильное общение с европейскими народами.

В течение последних лет мы были свидетелями явления немислимого ни для одного благоустроенного государства, а именно полного разлада в делах внешней политики между народным настроением и дипломатическим ведомством, руководящим этими делами. Последнее как бы кичилось своею независимостью от того, что принято называть мнением страны, забывая, что лишь в нем оно может почерпнуть необходимый авторитет и нужную силу. Оно забыло, что 43 года тому назад небольшая бумажка, подписанная канцлером Горчаковым остановила и образумила ополчившуюся на нас Европу только потому, что за Горчаковым стал русский народ как один человек.

Не сомневаюсь, что вернутся такие счастливые времена и что единодушное и резкое осуждение ушедших со сцены руководителей нашего дипломатического ведомства отойдет скоро в область предания, как одно из неизбежных явлений в болезненном процессе перерождения русского государства.

Не сомневаюсь также, что страх дипломатического ведомства перед общественным мнением, воплотившимся ныне и в народном представительстве, уступит место разумному и строго согласованному совместному труду того и другого, и лишь при наличии такого труда Русская держава может смело идти навстречу событиям и обеспечить выгодное для себя разрешение всех, даже самых сложных и опасных, вопросов внешней политики. При этом не следует упускать из виду, что в настоящее время отношения к нам иностранных держав существенно видоизменяются. При возникновении и разрешении важнейших вопросов международного общения, правительства этих держав неизбежно будут считаться с настроением Государствен-

ной Думы. Для них она является выразительницей народной мысли и народных нужд, в особенности в таких вопросах, которые связаны с обязательствами в области экономических взаимоотношений народов, или же с необходимостью занять определенное положение в намечаемых соглашениях, как и в возникающих конфликтах по тому или другому вопросу общей политики.

В заключение не могу не высказать некоторых соображений о тех взаимоотношениях, которые должны установиться между Министерством Иностранных Дел и Государственной Думой.

Область внешней политики изъята из ведения Совета министров, как коллективного органа высшей правительственной власти, объединяющего деятельность последней, но едва ли она может быть совершенно изъята из сферы влияния и общего воздействия народного представительства, конечно в рамках прочно установленных практикой конституционных государств. О вмешательстве законодательного собрания в ход переговоров или в отдельные распоряжения по тому или другому международному вопросу не может быть речи; но за Государственной Думой, как властной выразительницей мнения страны, должно быть признано право авторитетного наблюдения за общим направлением иностранной политики в духе охраны народных интересов и духе наших исторических заветов.

Возникающее народное представительство недостаточно подготовлено к тому, чтобы уже в ближайшем будущем принять на себя бремя внешней политики выделением из своего состава опытных руководителей в этой области государственного управления. Кроме того, Основной закон возлагает это бремя на самого Монарха и можно лишь желать, чтобы оно было Ему облегчено опытным министром иностранных дел, который при наличии конституционных начал, легших в основу нашего государственного строя, должен быть государственным деятелем в обширном смысле этого слова, а не только начальником ведомства, и вести государственное дело в полном единении и тесном единении с прочими министрами и, в особенности, с народными представителями.

Сама жизнь укажет в непродолжительном времени на неудобство исключения из состава Совета Министров того из них, которому поручены дела внешней политики. и на необходимость пересмотра соответствующего закона. Русскому обществу остается пока надеяться, что свободная и обоснованная критика правительственных мероприятий в области иностранной политики, проверка требований при обсуждении бюджета и возможность раскрытия злоупотреблений ведомств и отдельных лиц всяких рангов, послужат достаточным обеспечением от повторения прежних роковых ошибок, а общий подъем духа и достоинства национальной жизни благотворно отзовется на деятельности и личном составе дипломатических кругов.

А. Гиро

Санкт-Петербург
29 апреля 1906 г.

О ТРАНСФОРМАЦИИ МЕМУАРОВ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ
В СОВЕТСКИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Мемуары играют огромную роль в исследовании истории революционного движения в нашей стране. Действуя в глубоком подполье, под угрозой ареста, революционеры по конспиративным причинам почти не фиксировали документально многие стороны своей работы, о которой они потом рассказывали в своих воспоминаниях. Но роль мемуаров не исчерпывается только тем, что они помогают осветить эти стороны, воссоздать достоверную картину внутренней жизни революционных организаций и их деятельности, хотя и это само по себе исключительно важно. С помощью мемуаров исследователь получает возможность наиболее объективно оценить значимость и степень достоверности многих других источников, в том числе документов судебно-административных и жандармско-полицейских органов самодержавия, внести необходимые дополнения, уточнения и коррективы к содержащимся в них сведениям о тех или иных лицах, датах, фактах и событиях, правильно интерпретировать последние. В некоторых случаях только наличие мемуаров вообще позволяет осветить многие вопросы истории революционного движения, не нашедшие отражения в других видах источников.

Однако и к мемуарам, так же как и к другим источникам, вышедшим из революционного лагеря, нужно относиться крайне осторожно, тщательно сопоставляя их друг с другом и с документами жандармско-полицейских, административно-судебных и иных органов самодержавия. И здесь необходимо коснуться выдвинутой в 20-х гг. версии о "мутном", "нечистом" происхождении этой группы материалов, а следовательно, о "сомнительности" их с точки зрения исторической достоверности. Оценивая источники о пресловутых классовых позициях, источники этой версии делили их на две группы: 1) источники, историческая достоверность которых не вызывает сомнений, и 2) источники, достоверность которых находится под вопросом.

К первой группе они, естественно, относили источники, вышедшие из революционного лагеря, ко второй — документы правительственных органов. Исходя из этой вульгарно-социологической схемы, ее сторонники отдавали, например, предпочтение явным искажениям в воспоминаниях В.Д.Бонч-Бруевича о первом публичном выступлении Е.И.Ленина в Москве, написанных спустя пятьдесят лет после этого события, а не донесению Московской охранки в Департамент полиции, составленному тотчас после этого выступления¹.

При оценке революционного движения представители правительственного лагеря не скупилась в своих документах на нелестные эпитеты, вполне обоснованно видя в участниках этого движения своих врагов, открыто провозглашавших своей целью "ниспровержение существующего государственного и политического строя России". Но что касается установления имен, дат и фактов, то тут документы правительственного лагеря имеют первостепенное значение, так как они составлялись буквально по следам событий. Вот лишь один пример. В сборнике "На заре рабочего движения в Москве", где помещены воспоминания организаторов и активных участников первой социал-демократической организации в Москве — "Московского рабочего союза", мемуаристы не сообщают точной даты собрания социал-демократов, на котором было создано руководящее ядро (т.н. "шестерка") будущей организации. Однако из опубликованной в этом же сборнике сводки донесений филеров охранки, которые тщательно следили за участниками собрания, его дата устанавливается совершенно точно, что и отметил в примечании к донесению один из участников собрания И.С.Мицкевич².

Но филеры установили лишь факт состоявшегося сбора своих поднадзорных, а о чем шла речь на собрании, они не знали, как не узнала об этом и охранка. Лишь из воспоминаний участников мы узнаем о решении собрания. Таких примеров можно было бы привести немало. И недаром прекрасный знаток официальной документации Л.П.Меньшиков, около 20 лет проработавший в Московской охранке и Департаменте полиции и написавший на основе этой документации интересную книгу,

в предисловии к ней образно отмечал: "Особенное происхождение данных, легших в основу настоящей книги, невольно придает ей специфический характер: мои очерки трактуют предмет исключительно в плоскости репрессивной деятельности так называемой "охраны"; они приподнимают завесу лишь с одного конца, показывают предмет с его тыловой стороны. Люди, принимавшие прямое, непосредственное участие в революционной борьбе, могут осветить историю последней в отношении внутреннего содержания, идейной ее сути; в их воспоминаниях надеюсь, историк найдет то, чего в моей книге не будет хватать"³.

Воспоминания некоторых участников революционного движения увидели свет еще до Октябрьской революции, особенно в "дни свобод", вырванных у самодержавия революцией 1905-1907 гг. Однако настоящий их поток начался после Октября и к настоящему времени только опубликованных насчитываются тысячи воспоминаний по истории революционного движения в нашей стране. Ориентироваться в этом огромном массиве воспоминаний исследователям и всем интересующимся историей было нелегко, хотя нельзя сказать, что имевшиеся различные библиографические указатели обходили вниманием этот вид литературы. Мемуары фигурировали во многих из них, но были рассеяны по разным разделам и рубрикам ("источники", "документы и материалы", "воспоминания" и т.п.), да и число их по сравнению с их общим количеством было относительно невелико (как правило, указывались наиболее крупные и известные).

С выходом в свет серии аннотированных указателей "История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях" положение коренным образом изменилось. В нашей печати уже отмечалось, что это поистине уникальное издание не имеет аналогов ни в прошлом, ни в настоящем. Его составители проделали колоссальную работу по выявлению, библиографическому описанию и аннотированию тысяч дневников и воспоминаний, охватывающих период с XV в. до свержения самодержавия⁴.

Известно, какое значение с точки зрения достоверности приводимых в мемуарах сведений имеет время их написания,

т.е. дистанция между описываемыми событиями и датой составления мемуаров. Естественно, что чем короче эта дистанция, тем большего доверия вызывает воспоминания. Но не меньшее значение имеет время издания и особенно переиздания мемуаров. Казалось бы, дореволюционные издания воспоминаний, написанных спустя несколько лет после событий, заслуживают большего внимания, чем написанные и изданные после революции 1917 г. Это действительно так, но при этом необходимо помнить, что по условиям конспирации мемуаристы в то время сообщали отнюдь не все, что они знали, и в частности, фамилии живых участников движения. Причем уже тогда наиболее объективные и честные из них предупреждали читателей:

"Прежде, чем начать свои воспоминания и наблюдения из жизни рабочих Москвы и Петербурга, я должен оговориться, что сведения о событиях, происшествиях, о которых я буду говорить ниже, далеко неполны, отрывочны, а некоторые, быть может, не совсем точны. Дело в том, что теперь, несколько лет спустя, очень трудно вспомнить в точности, в каком месте и когда именно произошло то или другое событие, восстановить в памяти мелкие подробности его"⁵.

Рабочий К.Миронов писал это в 1905 и 1906 гг., т.е. спустя 10-15 лет после вспоминаемых им событий. Какие же издержки памяти мемуаристов мы должны учитывать, читая воспоминания, написанные спустя 20-30, а то и 50 лет после событий, свидетелями и участниками которых они были! Более того, мы должны принимать во внимание не только издержки памяти, но и индивидуальные особенности авторов воспомина-ний, их партийную принадлежность, объективность или субъективность при изложении материала, их симпатии или антипатии и т.д., и т.п. Вот что писал, например, в своих замечаниях к воспоминаниям А.К.Петрова о первых социал-демократических кружках в Казани их участник А.М.Стопани: "Не отрицая правильности общей характеристики автором пережитого времени и главнейших событий, следует все же отметить чересчур розовое освещение, в каком представляется автору все пережитое и вытекающие отсюда некоторые, быть-может, преувеличения... Вообще говоря, все воспоминания, насколько я

заметил, грешат той или другой односторонностью в зависимости от субъективных особенностей авторов, не исключая даже произведений этого типа авторов с большими именами"⁶. Добавим здесь, что у последних, как правило, встречается больше всего "чересчур розового освещения" событий, "некоторых преувеличений", односторонности, субъективности, выпячивания своей роли в событиях, а то и просто домислов и лжи.

В настоящей статье на основе материалов указанного аннотированного указателя сделана попытка показать влияние времени издания и переиздания мемуаров конца XIX - начала XX в. на их содержание. Из полутысячи слишком воспоминаний, посвященных революционному движению этого периода, наибольшее число издано в 20-е - первой половине 30-х гг. Затем наступил резкий спад их публикаций, падающий на период культа Сталина, и лишь после смерти последнего снова началось оживление процесса издания воспоминаний. Даже до Октябрьской революции было издано воспоминаний почти в два с половиной раза больше, чем в период культа Сталина, и почти в тридцать - в 20-е гг., когда публиковались мемуары не только большевиков, но и меньшевиков, эсеров и даже белогвардейцев. Почти полное прекращение публикаций с начала 30-х гг. объяснялось просто - они были не только не нужны Сталину, но и опасны для него своей правдой, поскольку не вписывались в официальную тогда версию о двух вождах в революционном движении (Ленин-теоретик, находившийся за границей, и Сталин - практик, руководивший революционным движением непосредственно в России). Более того, прилагались все усилия, чтобы заставить еще живых участников революционного движения, особенно там, где действовал Сталин, переделывать и переписывать ранее изданные мемуары "в духе нового времени", т.е. в угодном Сталину духе.

Еще в 1922-1923 гг. в журнале "Красная летопись" (1922. № 5; 1923. № 8) С.Я.Аллилуев опубликовал "Мои воспоминания", в которых рассказал о своем жизненном и революционном пути до 1907 г. В революционное движение он вступил в Тифлисе, где работал с 1890 г. Здесь познакомился со многими деятелями этого движения, среди которых были, по

его словам, "видные члены грузинской партийной организации" Н. Жордания, С. Джапаридзе, Церетели, Джугели и др. Из активных работников революционного подполья Тифлиса Аллилуев отмечал высланных туда Ф. Афанасьева, Н. Полетаева, И. Назарова, Кириллова, Романова и др., а также местных деятелей А. Джапаридзе, З. Чодрашвили, А. Окуашвили, Копалейшвили и др. Выехав после крупного провала грузинской социал-демократической организации в 1901 г. в Баку, автор познакомился здесь с основателями первой бакинской подпольной типографии "Нина" А. С. Енукидзе и В. З. Кецховели и работал с ними. В феврале 1902 г. был арестован, но вскоре освобожден и начал работать в типографии грузинского товарищества с целью нелегального снабжения бакинской и тифлисской партийных типографий шрифтами, бумагой и др. Помогал ему Г. Лелашвили, который вместе с А. Окуашвили, З. Чодрашвили и М. Бочаридзе оборудовали Аьлабарскую подпольную типографию в Тифлисе. Вместе с ними до апреля 1903 г. работал и Аллилуев, а затем ушел из типографии и поступил в ремонтные мастерские на станции Навтлуг в 9 верстах от Тифлиса. Здесь в июне 1903 г. был арестован за участие в организации забастовки и сидел в Метехской тюрьме, где 17 августа 1903 г. был убит В. З. Кецховели. В сентябре 1903 г. Аллилуев был освобожден и с октября по июнь 1904 г. работал на нефтепромыслах в Баку, где снова встретился с А. Джапаридзе, который возглавлял борьбу с братьями Шендриковыми. В июне 1904 г. Аллилуев был выслан с Кавказа и после работал на фабрике Коншина в Серпухове. Воспоминания его доведены до 1907 г.

В 1946 г. С. Я. Аллилуев выпустил новый вариант своих воспоминаний - "Пройденный путь". Хотя в основе их лежат вроде бы те же события и факты, этот вариант почти не поддается сравнению с воспоминаниями начала 20-х гг. Если последние были написаны коротко и сухо, с простым перечислением фактов и фамилий, которых множество, и манера изложения свидетельствовала, что писал их простой "не шибко грамотный литературно" рабочий, то издание 1946 г. - почти беллетристическое произведение с диалогами и лирическими отступлениями, в котором фамилий значительно меньше. С другой стороны, если

раньше за период до 1905 г. фамилия Джугашвили упомянута вскользь лишь один раз, то теперь имя Сосо Джугашвили (Кобы) мелькает на страницах книги постоянно. А в предисловии "От автора" выражалось "сердечное спасибо И. Сталину, проявившему интерес к моим начинаниям на новом для меня, еще не испытанном поприще, и тем вдохновившему меня на эту работу" (С. 7).

Не случайно верный сталинский "соратник" М. И. Калинин писал в "Предисловии" к книге: "Воспоминания товарища Аллилуева не только знакомят читателя с историей революционного движения в Закавказье, но вместе с тем они облегчают глубокое понимание истории большевизма в целом. Достаточно сказать, что в Тифлисе были такие махровые меньшевики, как Ной Хордания, Рамизвили, Церетели и другие. Борьба с ними товарища Сталина, который возглавлял большевиков Закавказья, была не менее ожесточенной, чем борьба в Питере. Эта борьба формировала и закаляла ленинско-сталинские кадры большевистской партии. Товарищ Аллилуев почти непрерывно находился в самом пекле этой борьбы, отстаивая большевистскую линию среди рабочих масс. Вот почему его простое и вместе с тем правдивое описание всего того, что он видел, слышал и делал в те годы, приобретает огромный общественный интерес". (С. 4-5).

Такие "воспоминания" и предисловия к ним лили воду на мельницу теории "двух вождей" в истории нашей партии и раздували культ личности Сталина. Вместе с тем поразительно, что такие "воспоминания" выпустил отец жены Сталина, ставшего виновником ее смерти.

Более того, в унисон с отцом выступила в том же ключе другая его дочь Анна, муж которой старший чекист Реденс был расстрелян в 30-х гг. В 1946 г. вышли ее "Воспоминания", написанные, по ее же словам, "по воспоминаниям нашей семьи Аллилуевых" с целью дополнить воспоминания отца. "Дополняет" отца она весьма оригинально: приводит факты, которых у него не было и в помине, причем факты эти, как правило, связаны с именем Сталина и направлены на его восхваление и возвеличивание. Вот например, в каких тонах она харак-

теризует обстановку после первого ареста отца в 1900 г. и его освобождения: "Этот год был памятен участникам революционных кружков Тифлиса. Пришли новые люди, принесли новые мысли. "Надо от разговоров переходить к делу, - вот что все чаще теперь повторяли. - Надо бороться открыто, выступать смелее, настойчиво требовать признания своих прав". Эти смелые мысли принесли молодые революционеры: Сосо, - так называли тогда Сталина, - Ладо и Саша. Ладо и Саша - это были Ладо Кецохели и Саша Цулукидзе. И еще одно имя вазвучало в этом году в нашем доме - Курнатовский. Отец произносил его с особенным уважением". (С.19).

Не менее трогательно описывает А.С.Алилуева следующий эпизод, о котором в воспоминаниях ее отца нет ни слова. "В конце 1903 г. в Баку налаживали подпольную типографию. Тифлиссские железнодорожники сделали для типографии печатный станок. Шрифт тоже достали тифлисцы. Перевезти это имущество в Баку поручили отцу и В.А.Шелгунову...

А накануне отец зашел к одному из товарищей, к Михо Бочоридзе, - в его квартире, в домике у Верийского моста, хранился шрифт. Бабе, родственница Бочоридзе, встретила отца.

- Михо нет дома. Заходи, обождешь! - пригласила она.

Худощавый темноволосый молодой человек показался из соседней комнаты. Бледное лицо с резким изломом бровей, карие испытующе-внимательные глаза кажутся отцу знакомыми.

- Познакомьтесь, - говорит Бабе, - Это Сосо.

Сосо! Молодой пропагандист, который занимался с рабочими железнодорожных мастерских. Он вывел на демонстрацию бакумских рабочих.

- Очень рад, - говорит отец и пожимает руку молодому товарищу. - Откуда сейчас?

- Издалега! - бросает Сосо.

Скучно и коротко Сосо рассказал о том, как из тюрьмы, где он просидел много месяцев, его выслали в Иркутскую губернию, в село Уда.

- Оттуда решил бежать. Сначала не удалось - стражник не спускал с меня глаз. Потом начались морозы. Выждал немного,

достал кое-что из теплых вещей и ушел пешком. Едва не отморозил лицо. Башлык помог. И вот добрался. Сперва в Батум, а потом сюда. Как тут у вас? Что бакинцы делают?

Отец рассказывает о бакинских делах, и типографии, о поручении, делится сомнениями: удастся ли ему с Шалгуновым благополучно довести тяжелый, громоздкий груз — станок, барабан от него и еще шрифт?

Сосо внимательно слушает.

— А зачем вам везти все сразу? — говорит он. — Станок действительно велик. Разберите его на части и везите отдельно. Сядьте в разные вагоны и не показывайте виду, что едете вместе. А шрифт пусть привезут потом, другие...

Я запомнила рассказ отца о его первой встрече с молодым Сталиным. Это было в начале января 1904 г." (С.37-38).

В таком стиле написаны все воспоминания, опубликованные в это время. Особенно "впечатляют" сцены "Ленин и Сталин" в период подготовки и проведения Октября. Эта двуединая икона упоминается к месту (редко) и не к месту (чаще).

Подобные воспоминания малоценны как исторический источник. Писались они по заказу или по принуждению с единственной целью прославить "великого вождя", приписав ему то, чего он никогда не делал.

Не все мемуаристы, однако, "работали" так грубо и топорно при переиздании своих воспоминаний, но почти все они старались "шагать в ногу со временем", с позиций которого переделывали их. В качестве примера такой переделки рассмотрим два варианта воспоминаний известной деятельницы большевистской партии Ц.С.Бобровской (Зеликсон), изданных в 1924 и 1957 гг. Интервал между этими изданиями, как видим, довольно солидный и вряд ли спустя 30 с лишним лет можно было вспомнить что-то новое. А вот "добавить" что-то к фактам, убрать из них те, которые не вписывались в официально принятую схему, по-иному истолковать или подать их и т.п. было можно, что блестяще и продемонстрировала Бобровская. Небезынтересно отметить, что делала она это уже после XX съезда партии, т.е. после разоблачения культа личности Сталина. Такова была сила традиции, сложившейся в этот период.

Издание 1924 г. вышло под фамилией Ц.Зеликсон-Бобровская и называлось "Записки рядового подпольщика (1894-1914)"; издание же 1957 г. появилось под фамилией Ц.Бобровская (Зеликсон), причем в заглавии исчезло слово "рядового", а конечной датой мемуаров стал 1917 г.

По сравнению с изданием 1924 г. второе, с одной стороны, значительно сокращено за счет подробностей и фамилий, а с другой - "оживлено" за счет диалогов, живописных "деталей" и оценок уже с позиций современности (т.е. 50-х годов). Например, будучи в 1898 г. в Цюрихе у Аксельрода, автор встретила у него Плеханова и приехавших туда Прокоповича и Кускову - авторов впоследствии пресловутого "Credo". Произошел спор между Плехановым и ними, они, конечно, были разбиты, но потом все усаживаются за стол с кипящим самоваром. "Плеханов возбужден, он не унимается и в нашем присутствии и с издевкой говорит Кусковой: "Вот, Екатерина Дмитриевна, садитесь верхом на этот самовар, и пусть он Вас повезет - добьетесь таких же результатов, каких можно добиться Вашими теориями!" (С.13). Этой "оживляющей" фразы не было ранее.

В главе "Работа в Харькове" в издании 1957 г. уже ничего не говорится о влиянии Мартова на оформление Харьковской организации, нет фамилий членов ее Комитета и активных его деятелей, нет многих деталей и подробностей, что было в издании 1924 г. Зато автор "вспомнила" такую деталь: во время отсидки в тюрьме в 1900 г. "товарищи стали снабжать меня книгами, среди которых была и вышедшая тогда легально книга Ильина (В.И.Ленина) "Развитие капитализма в России". Никогда не забыть огромного удовлетворения, которое давало внимательное изучение фундаментального ленинского труда. Об этом удовлетворении уже потом, при личной встрече с В.И.Лениным, я как-то упомянула, а он, шутя, ответил: "Несчастливая. Вы, несчастная, в одиночной тюремной камере пришлось Вам копать в моих скучнейших таблицах. Как мне Вас жаль!" (С.22).

Почти совершенно другой текст, чем в издании 1924 г., имеется в главе "Переход на нелегальное положение". Автор приводит здесь факты, о которых в 1924 г. не было ни слова. Так, еще до ареста 1900 г., по ее словам, летом 1900 г. она

присутствовала на сугубо секретном совещании Харьковского комитета, на котором приехавший из Полтавы К.О.Цедербаум (Мартел) ознакомил присутствовавших "с планом создания будущей общероссийской газеты. Не называя имен, он сообщил, что инициатором этого плана является товарищ, недавно окончивший срок ссылки в Сибири и уже выехавший за границу в целях реализации плана, причем имеется договоренность с группой "Освобождение труда" (С.24-25).

Далее Бобровская пишет о том, что они "с большим нетерпением стали ждать первого номера газеты" и что во время отсидки в тюрьме к ним "просачивались слухи о знаменательном для партии событии - появлении "Искры", 4-й номер которой она якобы прочитала вскоре после выхода на свободу, в том числе и статью "С чего начать?", которую тут же и цитирует и характеризует ее значение (С.25-26). Теперь уже именно эта статья "явилась вехой при определении моего дальнейшего пути. Именно она подтолкнула меня немедленно перейти на нелегальное положение, чтобы затем поехать в Швейцарию, связаться с "Искрой" и, если там найдут меня пригодной, стать одним из "регулярно исполняющих дробные функции общероссийской работы" (С.26).

Обосновав таким образом свой отъезд за границу, автор далее описывает обстановку у Аксельродов, которые ранее характеризовались кратко как "дружески расположенную ко мне семью". Теперь она выглядит в новом свете: "Мне сразу бросилось в глаза, что в этом всегда приветливом доме царит сейчас какое-то мрачное, непонятное для меня настроение. На мои восторги по поводу решившей мою судьбу статьи в № 4 "Искры" и еще большие восторги по поводу вышедшей к тому времени ленинской книги "Что делать?" Аксельрод реагировал какими-то малозначащими репликами, либо вовсе упрямо отмахивался.

Когда приезжал из Женевы Плеханов, они втроем - Плеханов, Аксельрод, Засулич - подолгу беседовали за плотно закрытой дверью. Плеханов уезжал, у Аксельрода начинала болеть голова. Настроение у всех было какое-то подавленное". (С.27).

Причиной всего этого, как вскоре выяснила Бобровская, был раскол в редакции "Искры", который она подробно характеризует, о чем ранее не было ни слова. Зато теперь нет ни слова о "блестящих статьях" в "Искре" Троцкого.

Такие же сокращения за счет "крамольных" во времена культа личности Сталина деталей и других "несущественных" подробностей воспоминаний 1924 г. и добавления новых фактов, удобных времени и выгодно рисующих автора, наблюдаются и в дальнейшем. Так, вместо следующей главы "Первый период работы в качестве нелегального" в мемуарах 1924 г. в издании 1957 г. появилась глава "Агент "Искры", в которой с самого начала произошла замена одного факта другим: вместо фразы "Почему-то осталась в памяти только одна фамилия члена тогдашнего Питерского комитета нашей партии - Рериха. В дальнейшем нигде этого товарища не встречала" (С.52. Изд. 1924 г.) появилось: "Моя предполагавшаяся встреча с "Гушей" (Еленой Дмитриевной Стасовой) не могла состояться, так как за ней шла усиленная слежка" (С.31. Изд. 1957 г.). Далее при описании поездки из Твери в Ярославль в издании 1957 г. исчезла фамилия В.Н.Яковлевой, у которой Зеликсон останавливалась и ночевала в Москве, а при описании работы в Ярославле, Костроме и Твери остались фамилии партийных работников или "во-время" умерших, или не репрессированных, т.е. меньшинство. Поэтому, если воспоминания издания 1924 г. насыщены массой имен соратников, то в издании 1957 г. их единицы. Структура последнего издания также изменена. Если в издании 1924 г. вслед за упомянутой главой "Первый период работы в качестве нелегального" следует глава "Опять за рубежом", то в издании 1957 г. вместо них помещены уже названная "Агент "Искры", а затем "В Тверской партийной организации", "Отъезд за границу" и "Первые встречи с В.И. Лениным". Не обошлось без сокращений, изменений и добавлений и здесь. Изъято подробное описание встреч с Аксельродом, Мартовым, Даном и другими меньшевиками, бесед и споров с ними большевиков и т.д. Да и о встречах с Лениным рассказано не так раскованно и тепло, а более сухо и официально, с сокращениями, изменениями и дополнениями. Вот как выглядит, например,

любопытный факт взаимоотношений Ленина и Плеханова в изданиях 1924 и 1957 гг. "Помню, — писала Зеликсон в 1924 г., — как-то раз Ильич меня смешил предполагаемым им, будто, письмом к Плеханову. Письмо это должно начаться огромными заглавными буквами У.Т., что должно обозначать уважаемый товарищ, в середине надо еще придумать, что написать, а заканчивать должно письмо не преданный Вам, а преданный Вам и Ленин.

Такое письмо Ильич собирался послать вскоре после того, как Плеханов, побывавши короткое время в большевиках, покинул Ленина, вернулся к своим меньшевикам, а Ленин должен был уйти из редакции "Искры". (С.60).

Иначе этот эпизод выглядит в издании 1957 г. Здесь Ленин уже прямо говорит: "Мы с Олием (Мартовым — В.К.) теперь ходим по разным тротуарам Женевы. Завидев друг друга издали, каждый из нас переходит на противоположный тротуар, а что касается Плеханова, то я с ним состою в переписке. Подписываюсь я не "преданный Вам Ленин", а "преданный Вами Ленин".

Несмотря на шуточный тон, каким были сказаны эти слова, в них прозвучала большая горечь". (С.51).

Опущено в этом издании и подробное описание пребывания в Берлине, характеристика выступлений Бебеля и К.Цеткин, положение русской колонии и встречи с ее деятелями (М.Н.Мандельштам, И.Торшис (Пятницкий) и др.). Отсюда Бобровская в 1902 г. направилась на Кавказ (осенью — по изданию 1924 г., летом — по изданию 1957 г.).

Характерны изменения в главе "Работа на Кавказе". В издании 1924 г., например, говорилось: "Из членов Союзного Совета в Тифлисе тогда пришлось иметь дело со стариком Цхакая (Миха), которого звали Гурген, Сталиным (Сосо), затем с покойным Сашей Цулукидзе. Кто именно в тот день (первой встречи — В.К.) был в саке, я не помню. Запомнилось, что толковали на этом собрании о тяжелом положении организации, которая находится накануне провала, и о необходимости затребовать подкрепление из центра. Решено было Голованова (Бобровского — мужа Зеликсон — В.К.) направить в Баку,

а меня оставить в Тифлисе организатором одного из районов. Гурген - Миха Цхакая - отец кавказской социал-демократии и кавказского большевизма - должен был связать меня с районом. Долго это не удавалось сделать. За ним была слежка. А когда связал меня, наконец, кой с кем из рабочих, то и за мною стали следить шпики. Из моей работы в Тифлисе почти ничего не вышло, если не считать двух-трех небольших рабочих собраний, проведенных мною, да участия в одном, довольно многолюдном собрании пропагандистов. Из членов этого общегородского собрания в памяти запечатлелась фигура белокурого молодого человека в студенческой тулурке, он несколько раз брал слово и больше всех горячился. Фамилия белокурого студента была Розенфельд, - это был Каменев". (С.87).

А вот как рассказано об этом заседании Кавказского союзного комитета (а не совета) в издании 1957 г. (после XX-го съезда КПСС):

"Больше всех горячится старший из участников совещания - Гурген (Миха Цхакая). С большой силой убеждения выступает еще совсем молодой Соко (Сталин). Горячо, хотя несколько надорванным голосом, говорит Сандро (Цулукидзе)...

Главный вопрос, обсуждавшийся на совещании, - это вопрос о необходимости активного участия кавказских организаций в подготовке созыва III съезда партии. Важность этого участия подчеркивалась в недавно полученной директиве В.И.Ленина, с которым у Союзного комитета была постоянная связь. Второй вопрос носил чисто местный характер - речь шла о более правильной расстановке работников в Тифлисе в связи с арестом ряда товарищей и необходимостью Ефрему (Бобровскому) немедленно покинуть Тифлис, так как за ним по пятам ходили шпионы. На заседание Ефрем смог явиться лишь благодаря необыкновенной изворотливости Камо (С.А.Петросяна), который только ему одному известными проходными дворами ухитрился привести сюда Ефрема и брался устроить беспрепятственный выезд его из Тифлиса. Сталин предложил отправить Ефрема в Баку, чтобы он вошел в мес. рай комитет партии, оставшись в то же время членом Союзного комитета. С этим предложением все согласились, и Ефрем в сопровождении своего "ангела-хранителя", как шутил"

мы, отправился на вокзал.

О том, на какой работе использовать меня, вновь бывшего работника, тоже говорил Сталин, который, чувствовалось, пользовался большим авторитетом и к голосу которого внимательно прислушивались и старшие товарищи. Сталин предложил оставить меня в Тифлисе, устроив в безопасном месте, и связать с кружком рабочих одного из районов. Это — на первых порах, а когда удастся достать для меня паспорт, чтобы я могла прописаться и закрепиться в городе, круг моей партийной работы будет расширен. С этим предложением также все согласились, и заседание было закрыто". (С.55).

Комментарии здесь, как говорится, излишни. Хотя культ личности Сталина к этому времени был уже развенчан, инерция была еще так велика, что Зеликсон спустя более 30 лет после выхода первых воспоминаний, писавшихся через 20 лет после описываемых событий, "вспомнила" о ведущей роли Сталина среди кавказских большевиков и "забыла", что М.Цхакая (Гурген) был "отцом кавказской социал-демократии и кавказского большевизма", что "белокурый студентом" был Каменев, что тогда ее муж назывался "Головановым", а не "Ефремом", а Камо вообще не упоминался и т.п. По такому же принципу составлены воспоминания издания 1957 г. и дальше, вплоть до 1917 г.

Конечно, не все мемуаристы так кардинально переделывали свои воспоминания, как Бобровская (Зеликсон), но все, кто переиздавал их в период культа Сталина вынуждены были вносить те или иные изменения или сокращения. Примером "усечения" воспоминаний за счет изъятия "крамольных" имен и фрагментов могут служить мемуары П.Н.Лепешинского "На повороте", изданные в 1922 и 1955 гг. Рассказывая о спорах среди народников в середине 90-х г., Лепешинский в 1922 г. писал: "Бесконечные наши дискуссии... вертелись главным образом около ненавистного марксизма, который негаданный и непрошенный, клином вторгся в "целостное" мировоззрение современной нам "соли земли" с явной тенденцией растворить эту "соль" в среде обывательщины, внести разлад в кадры русских революционеров, подсунуть им под соусом "научного

социализма" чистейшего вида буржуазную идеологию с лозунгом "идем на выучку к капитализму", "насмеяться и оплевать таких светочей революционной мысли, как Н.К.Михайловский и втоптать в грязь такие драгоценные реликвии здорового первообитного коллективизма, как община или артель, на которые делал ставку наш народнический социализм"⁷.

Естественно, что в 1955 г. такая "крамола" была недопустима, и весь этот текст опущен.

Особенно "не везло" Ю.О.Мартову (Цедербауму). Рассказывая о "молодых" социал-демократах в Петербурге, руководимых Чернышевым, Лепешинский писал: "Это были социал-демократы уже совершенно другой марки. У них не хватало того теоретического багажа, которым могли похвалиться - не говоря уже о Владимире Ильиче - некоторые из членов его кружка, как например, Ю.О.Цедербаум, Г.М.Кржижановский и В.В.Старков" (1922. С.30). В издании 1955 г. в этой фразе фамилия Цедербаума опущена (С.35). Далее в тексте опущена важная часть его характеристики, данной в 1922 г.: "Начну с Ю.О.Цедербаума. Наилучшим образом "подкованный" по части марксистской выучки, как о нем выразилась, если не ошибаюсь, Н.К.Крупская в своих воспоминаниях о Петербургском Союзе Борьбы, он казался на целую голову выше остальных" (С.59).

В 1955 г. в рассказе о Г.И.Окуловой - после раскола с меньшевиками "твердокаменной" большевички - нет конца: "Выйдя замуж за известного партийного работника Ивана Адольфовича Теодоровича, она долгое время делила с ним все невзгоды его ссыльных периодов жизни. Сейчас она занимает амплуа советской служащей, ценимой, как старая партийная работница. К числу более молодых членов семьи принадлежит Алексей Иванович Окулов, довольно талантливый человек, немножко беллетрист, а в революционное послеоктябрьское время занимавший довольно ответственные посты в рядах нашей Красной Армии" (С.85-86).

Особенно в сложном положении в период культа Сталина находились мемуаристы - участники начального этапа революционного движения на Кавказе. Если в 20-х годах они писали

правду и показывали то, что происходило в действительности, то теперь от них требовали фальсифицировать историю, выдвигая впереди на первый план "дорогого и любимого вождя и учителя". И, боже упаси, было опоздать в этой безумной гонке восхваления "великого и гениальнейшего". К чему это приводило, видно по судьбе А.С.Енукидзе.

Еще 14 января 1923 г. он сделал в клубе старых большевиков доклад "История организации и работы нелегальных типографий РСДРП на Кавказе за время от 1900 по 1906 год". В том же году доклад был опубликован в журнале "Пролетарская революция", № 2 (14). Подробнее об этом докладе - воспоминании будет сказано ниже, здесь же отметим также, например, его высказывания: "Владимир Кецховели, бывший воспитанник Тифлисской духовной семинарии, являлся в 1895-1897 гг. старшим нашим товарищем по нелегальным кружкам в Тифлисе и, в частности, старшим по кружку в семинарии, в котором, между прочим, участвовал и Джугашвили - Сталин, нынешний секретарь ЦК РКП" (С.109).

Рассказывая далее о том, как главный организатор Бакинской подпольной типографии "Нина" В.Кецховели договорился с одним предпринимателем об изготовлении печатного станка и о нехватке денег на его оплату. Енукидзе говорил: "Поэтому я был командирован в Тифлис для переговоров с тамошними товарищами относительно средств. Я хорошо помню, как встретился с двумя товарищами. Один из них был известный по всей Грузии Сильвестр Джибладзе, лидер тогдашней организации, а другой - молодой тогда член партии - товарищ Сталин, Коба или Сосо, как он тогда назывался. Я встретился с ними в трактире в Тифлисе около вокзала. После переговоров сначала они отказали мне в средствах на том основании, что тифлисская организация желала, чтобы все дело печатания находилось под ее контролем и руководством. Иначе, сказали они, нельзя рискнуть из скудных средств тифлисского комитета теми 100 или 150 рублями, которые я просил" (С.112).

Тогда Енукидзе обратился за помощью прямо к типографским рабочим, бывшим членам кружка, которым руководил Кецховели. Они снабдили его шрифтом и обещали собрать денег

для бакинских товарищей.

Последний раз Енукидзе в своем докладе упомянул имя Сталина в следующем контексте. В период кампании за созыв II съезда партии между Бакинской и Тифлисской организациями разгорелся спор по вопросу издания нелегальной газеты. Бакинцы выступали за необходимость издания, а тифлисцы против. Победила все-таки точка зрения первых.

"Не раз за последние годы, — говорил Енукидзе, — мне приходилось вместе с товарищем Сталиным, бывшим тогда членом тифлисской организации, вспоминать период этих споров между Баку и Тифлисом о значении нелегальной прессы для нашего рабочего движения. Товарищ Сталин много раз с удивлением подчеркивал выдающиеся способности покойного товарища Кецховели, который в то время умел правильно ставить вопросы в духе революционного марксизма. Сталин часто вспоминает, что т. Кецховели еще в тот момент стоял на совершенно правильной большевистской точке зрения. Я и т. Сталин не сомневаемся в том, что если бы Кецховели удалось дожить до момента раскола РСДРП, он был целиком стоял в рядах большевиков и был бы одним из влиятельнейших и сильнейших работников нашей партии" (С. 119).

Итак, Енукидзе лишь три раза упомянул имя Сталина, рассказывая о событиях, на главную роль в которых последний претендовал в 30-х годах. Такое "небрежение" по отношению к "вождю" дорого обошлось ему.

Сравнительно недавно журнал "Огонек" опубликовал книгу бежавшего еще в 30-х гг. на запад крупного чекиста А. Орлова (Льва Фельдмана) "Тайная история сталинских преступлений"⁸. Одна из глав этой книги называется "Ближайший друг" и посвящена как раз судьбе Енукидзе. Орлов писал:

"Казалось, из всего сталинского окружения только у Енукидзе было надежное положение. Вот почему опала, внезапно постигшая его в начале 1935 года, поставила в тупик многих сотрудников НКВД и породила самые фантастические слухи. Впрочем, некоторой неуверенности Енукидзе в своем будущем можно было догадаться, прочитав его статью в одном из номеров "Правды" за январь того же года. В этой статье

Енукидзе сетовал, что в воспоминания некоторых авторов о большевистском подполье Закавказья вкралось немало ошибок и искажений, требующих исправлений. В частности, он признавался в своей собственной ошибке, которая состояла в преувеличении собственной роли в руководстве бакинской подпольной организацией большевиков, причем это преувеличение попало даже в Большую Советскую Энциклопедию.

Правда, статья, где он стремился преуменьшить свою роль в закавказском подполье, уступая первенство Сталину, еще не доказывала, что он впал в немилость. Как раз в это время в Москве во всю шла работа по фальсификации истории партии, целью которой было всячески выпятить Сталина как главного героя большевистского подполья. Многие полагали, что Енукидзе просто подает пример другим, как надо пересматривать и переписывать более ранние воспоминания. Случалось ведь, что в этих воспоминаниях старых большевиков Сталин вовсе не был упомянут или же ему уделялось совершенно недостаточное внимание, чего, разумеется, теперь нельзя было допустить". (С.22).

Однако и это не помогло Енукидзе. Сталин, безусловно, затаил злобу на него с того момента, как он так скупно и даже в какой-то степени отрицательно осветил его роль в истории Бакинской типографии "Нина" (вспомним отказ в деньгах на покупку печатного станка).

Безусловно, не забыл Сталин и следующего факта, о котором рассказал в своих документированных воспоминаниях об убийстве С.М.Кирова один из его сотрудников по работе в Ленинграде М.В.Росляков. В 1934 г. в журнале "Большевик" (№ II) Л.П.Берия опубликовала статью, безудержно восхваляющую Сталина. Фальсифицируя факты, автор утверждал, что имя Сталина тесно связано со всей историей революционной борьбы в Закавказье, с историей большевистских организаций, основоположником которых он якобы был. "Статья, - писал Росляков, - вызвала бурную реакцию, особенно кавказских товарищей, и, в первую очередь, старейшего большевика А.С.Енукидзе". Росляков отметил далее, что, прочитав статью, С.М.Киров иронически заметил по адресу ее автора: "Тоже - историк!"⁹

(Вскоре и он поплатился за эту иронию и многое другое).

Сталинский "логический конец" был не только в судьбе А.С.Енукидзе. Теперь мы знаем, что он настиг многих как потенциальных, так и действительных мемуаристов.

Из 561 названий мемуаров, отражающих историю революционного движения в 1895-1904 гг., до Октября 1917 г. было издано 35 названий, за 10-15 лет после революции (до начала 30-х годов) вышла основная их масса - 429 мемуаров, за последующие четверть века - лишь 15 и 7 было переиздано, и с середины 50-х до середины 80-х гг. - 82 и 24 переиздано. Цифры говорят сами за себя. Как уже отмечалось, резкое падение числа изданий воспоминаний в период культа Сталина объяснялось просто - ему нужна была не объективная история революционного движения, а фальсифицированная - с его особой на первом плане. Естественно, что после его смерти и разоблачения культа публикация мемуаров снова оживилась, но уже не с тем размахом, как в 20-х гг. Многие потенциальные мемуаристы погибли в сталинских застенках и лагерях, многие умерли своей смертью, и теперь надавались, главным образом, воспоминания, сохранившиеся в архивах родственников.

В целом имеется довольно солидный комплекс опубликованных мемуаров по истории революционного движения в 1895-1904 гг., принадлежащих перу различных авторов. Одни из воспоминаний ярко отражают индивидуальность автора, другие написаны по шаблону (вспомним инструкции Истпарта). Для исследователя здесь важно установить лицо автора - его социальное и политическое положение в то время, которое он описывает в своих воспоминаниях, и в момент оставления мемуаров, его отношение к описываемым событиям (положительное или отрицательное), степень участия в них, место и роль, которые он играл, взаимоотношения с другими участниками и т.д.

Первостепенное значение имеет время и обстановка, в которых были написаны воспоминания: одно дело, если они вышли в 20-е гг., и другое, - в 30-50-е гг. Сравнительный анализ показывает, что даже один и тот же мемуарист писал

в разные годы про одни и те же события совершенно разные вещи.

-
- 1 Подробнее об этом см.: Кутьев В.Ф. Московский "Рабочий союз". М., 1985. С.26-34.
 - 2 На заре рабочего движения в Москве. Воспоминания участников "Московского рабочего союза" (1893-95 гг.) и документы. М., 1932. С.240-241.
 - 3 Меньшиков Л.П. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. М., 1925. Ч.1. 1885-1898 гг. С.12.
 - 4 См.: История СССР. 1977. № 3. С.177-179; Вопросы истории. 1978. № 4. С.138-140; История СССР. 1980. № 2. С.198-202.
 - 5 Миронов К. Из воспоминаний рабочего. М., 1906. С.3.
 - 6 Пролетарская революция. 1923. № 2 (14). С.596.
 - 7 Лещинский П.Н. На повороте. (От конца 80-х гг. к 1905 г. Путевые впечатления участника революционной борьбы). Пг., 1922. С.22-23.
 - 8 Огонек. 1989. № 51. Сноски на страницы даны в тексте.
 - 9 Росляков М.В. Как это было. // Звезда. 1989. № 7. С.105.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И СТРУКТУРА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Анализ научного состояния вспомогательных, или специальных, исторических дисциплин в последние два десятилетия неоднократно предпринимался в советской историографии. Этот факт сам по себе уже свидетельствует о динамике как отдельных дисциплин, так и вспомогательных дисциплин в целом — как комплекса.

Предпринятое в конце 70-х гг. одним из авторов настоящей статьи детальное ознакомление с литературой по целому ряду дисциплин, традиционно включаемых в комплекс под названием "вспомогательные", позволило проследить некоторые закономерности их развития к указанному времени и выявить основные тенденции исследования в названной области¹. В целом процесс становления вспомогательных исторических дисциплин на том этапе развития исторической науки отличался, скорее, экстенсивностью, чем интенсивностью. Под экстенсивностью понималось "значительное расширение фронта исследований", свидетельством чего являлись следующие моменты: 1) организация тематических симпозиумов, конференций, совещаний, координирующих в какой-то мере исследовательскую деятельность в данной области 2) увеличение количества тематических изданий по проблемам вспомогательных исторических дисциплин 3) возрастание роли вспомогательных исторических дисциплин в учебном процессе — систематическое чтение курсов по отдельным дисциплинам, составление специальных программ, учебных пособий 4) осязаемое увеличение по сравнению с предыдущим периодом трудов по многим дисциплинам и проч.

Подчеркнем, что речь идет о развитии комплекса вспомогательных дисциплин, хотя в ряде случаев можно говорить и об интенсивности развития отдельных дисциплин. Например, наблюдались тенденции к углубленному и теоретическому осмыслению предмета и задач дипломатики, палеографии, исторической географии, генеалогии, геральдики, акцентировалось

внимание на разработке сложных специфических технических приемов исследования в латинской палеографии, нумизматике.

Этот процесс развития вспомогательных исторических дисциплин был взаимосвязан с изменением структуры их комплекса. Одна сторона явления — исключение ряда дисциплин из числа вспомогательных. Это относится в первую очередь к источниковедению, архивоведению, археографии и др., которые только по традиции продолжали считаться вспомогательными. Другая сторона — исключение из традиционного понимания предмета отдельных дисциплин как бы его части, обособление этой части в самостоятельную вспомогательную дисциплину с собственным предметом и задачами исследования. (В палеографическом исследовании — изучение филигранных, в нумизматике — фалеристика.)

Данные характеристики были свойственны основным направлениям в развитии вспомогательных исторических дисциплин 10 лет тому назад. От них нельзя отказаться и сейчас. Экстенсивность остается — насчитывают уже свыше шестидесяти выделяемых ныне вспомогательных исторических дисциплин². Конференции по источниковедению, которые практически всегда теперь имеют секцию "Специальные исторические дисциплины", всесоюзного характера (Новороссийск, 1979³; Днепропетровский, 1983⁴), а также регионального и тематического плана (по нумизматике, генеалогии, исторической географии и т.д.); публикация (обязательная) тезисов и самих докладов этой секции⁵; активизация процесса преподавания все расширяющегося "набора" дисциплин в пединститутах и университетах и публикация учебных и учебно-методических пособий; составление и публикация программ по этим дисциплинам⁶; возросшее за последнее десятилетие число не только кандидатских, но и докторских диссертаций по ряду дисциплин, — все эти моменты можно отметить, анализируя состояние изучения и развития вспомогательных исторических дисциплин последнего десятилетия.

В общих своих чертах развитие идет по пути, обозначенному предшествующим десятилетием. Отдельные дисциплины достигают уровня отрасли исторической науки: архивоведение,

историография, археография. В настоящее время историческая география также уже реально выделена из комплекса, и причисление ее к вспомогательным историческим дисциплинам вызывает аргументированные возражения⁷.

Каковы причины и критерии выделения названных дисциплин в самостоятельные отрасли исторической науки? Основная причина — развитие исторической науки в целом, обуславливающее становление данных отраслей (подобно выделившейся, например, ранее археологии, которая еще в начале XX в. таковой не была, этнографии), в основе которого лежит совершенствование принципов исторического познания. К числу признаков самостоятельности отрасли относится формирование исследовательских задач, устойчивость (относительная) теории и метода, стабилизация понятийного аппарата, создание административных подразделений (институт, кафедра, сектор, отдел — как внешний признак) и, естественно, определенная обеспеченность реальными научными трудами. Окончательный вердикт о самостоятельности ранее входившей в комплекс дисциплины, превращении ее в отрасль исторической науки выносит все-таки время. Ведь даже сейчас, когда архивоведение, например, по всем параметрам приобрело черты отрасли, некоторые историки относят его к вспомогательным историческим дисциплинам⁸.

Вернемся, однако, к характеристике современного уровня исследований в вышеназванной области исторической науки. Несмотря на наличие общих с предшествующим периодом характеристик, можно отметить и новые — прежде всего появление черт научной самостоятельности у все большего числа традиционных вспомогательных исторических дисциплин. (Внешнее проявление — защита докторских диссертаций по нумизматике, геральдике, эмблемам, исторической географии.) Этому в значительной степени способствовали новые исследования, посвященные теории источниковедения в целом⁹, где так или иначе акцентируется внимание на "взаимодействии" источниковедения и отдельных вспомогательных исторических дисциплин. Сыграли свою заметную роль и статьи теоретического плана, авторы которых дают собственную интерпретацию процессов, происходящих в комплексе вспомогательных исторических дисциплин,

предлагают ту или иную схему соотношения последних с источниковедением, устанавливая определенную субординацию как в отношении источниковедения, так и в отношениях между отдельными дисциплинами¹⁰.

Подобные акцентации и размышления ученых явились своеобразным толчком, стимулирующим научные разработки, если не всех, то многих традиционно включаемых в "комплекс" вспомогательных исторических дисциплин.

Следует отметить, что большинство схем соотношения, субординации источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, соотношения этих дисциплин между собой, их роли в историческом исследовании и проч., кажутся искусственными. Например, в схеме корреляции источниковедения с "другими отраслями исторической науки" А.П. Григорьева нумизматика, геральдика и сфрагистика – это части археологической науки; дипломатика и текстология в соотношении с источниковедением – главные науки и т.д. Недавно вышедший труд украинских историков по вспомогательным историческим дисциплинам предлагает иерархическую систему взаимоотношений источниковедения и названных дисциплин, внутри которой существует в свою очередь иерархическая схема соотношения различных дисциплин, в своей основе имеющая ту схему, которую 20 лет тому назад предложил француз Р.Делор¹¹.

Уже приходилось отмечать¹², что в основе этих представлений лежит распространенный взгляд на исторические дисциплины как "вспомогательные по отношению к источниковедению", поскольку, говорится в книге украинских историков, "большинство вспомогательных исторических дисциплин возникло (подчеркнуто нами – Н.С., А.А.) в связи с изучением памятников древней и средневековой истории"¹³. Исходя из принципа происхождения, А.В.Сандевч – автор I главы ("Система вспомогательных исторических дисциплин") рассматриваемой книги, объединил все дисциплины в три группы, восходящие к источниковедению: I. "Ведущие" дисциплины – хронология и историческая география с картографией, поскольку события прошлого происходили во времени и пространстве. II. Дисциплины, изучающие определенные стороны письменного

исторического источника — палеография (эпиграфика), дипломатика, метрология, берестология и др. Ш. Дисциплины, изучающие отдельные источники — генеалогия (родословные росписи), нумизматика, геральдика, вексиллология, фалеристика и др., объединенные "под крышей" эмблематики иконография, фидателия и т.д.

Построение это, возможно, справедливо для одного из частных проявлений развития исторических дисциплин и оправдано для решения дидактических задач, но не соответствует взаимоотношениям дисциплин на исследовательском уровне, к тому же внутренне противоречиво. Например, генеалогия отнесена к третьей группе на том основании, что она "занимается родословиями". Не говоря уже о неточности определения предмета генеалогии, а вернее, произвольного ограничения этого предмета весьма узкой задачей, стоило бы подумать и о том, что генеалогические известия по сути своей являются первичным историческим знанием и, если следовать логике автора, она должна бы занять место в первой группе "ведущих" дисциплин. То же произошло с топонимикой, которая волею формального деления стала производной от исторической географии, хотя совершенно очевидно, что она является одной из составных частей ономастики. По классификации, предложенной А.В.Санцевичем, следовало бы в таком случае еще одну составную часть ономастики — антропонимику считать генеалогической дисциплиной; но это ведь противоречило бы реальному соотношению исторических и смежных с ними лингвистических дисциплин.

И дело не в каких-то авторских недоработках, а в искусственности двух подобных построений. Это хорошо подтверждает последняя в ряду классификаций попытка, осуществленная С.М.Каштановым. И здесь наблюдается деление дисциплин на те, которые изучают источник в целом (Ш группа, по А.В.Санцевичу), или (по С.М.Каштанову) имеющие "однородный объект исследования" в виде источников одного рода, вида, разновидности (I группа), и те, которые рассматривают отдельные стороны источника (II группа). Понимая всю условность классификации, С.М.Каштанов тут же оговорился, что

целый ряд дисциплин (геральдика, сфрагистика, дипломатика и др.) по многообразию своих признаков могут быть отнесены и к той и к другой группе. Это ведет "к нарушению стройности" классификации. Чтобы стабилизировать столь неустойчивую систему, он выделил еще одну группу дисциплин, "изучающих не источники как таковые, а на базе источников круг вопросов, связанных единством предмета"¹⁴.

По нашему мнению, это весьма плодотворная идея. И если отвлечься от не очень удачных попыток разделить объект (источник) и отдельные его части (стороны), то мы получаем простую двоичную классификационную схему деления исторических дисциплин по объекту и предмету. При подобной схеме связь дисциплин может выступать как функция каждой из них, как результат прямого взаимодействия, как проявление конкретных свойств той или иной дисциплины в системе отношений, определяемой исследовательскими задачами. В подобном аспекте обозначенная схема отражает и двойственную природу исторических дисциплин: их прикладную, справочную ("вспомогательную") суть и способность к самостоятельному решению общеисторических проблем. Практически каждая из дисциплин может выразиться во второй своей ипостаси и, следовательно, список из хронологии, метрологии и генеалогии, объединенных С.М.Каштановым "единством предмета", будет постоянно расширяться. Что и происходит уже с большинством вновь возникающих ("отпочковывающихся") и рядом традиционных дисциплин.

Как показывает анализ опубликованных в последнее время работ, в настоящее время существует несколько классификационных схем так называемых вспомогательных исторических дисциплин, по-разному представляющих их взаимосвязь. Несмотря на существование в историографии различных взглядов на комплекс вспомогательных исторических дисциплин (специальные исторические дисциплины, вспомогательные исторические дисциплины, метаисторические дисциплины, или отрасли методологии истории, вспомогательные источниковедческие дисциплины и т.д.), их объединяет одно: неизменное стремление поставить данные дисциплины в жестко соподчиненные, субординационные отношения (например, по отношению к источникове-

дению), проистекающее из формально-схематического подхода (см. программы курсов, учебные пособия по вспомогательным историческим дисциплинам, вводные статьи, обзоры и т.д.). Такой подход диктуется не столько реальным состоянием, или уровнем, вспомогательных исторических дисциплин, сколько все тем же традиционным представлением о них в современной исторической литературе как о некоем комплексе. Это понимание сложилось в XIX в., когда в понятие "источниковедение" вкладывался не тот, вернее, не совсем тот смысл, что сейчас, приоритетным представлялась внешняя и внутренняя критика источника, "предусматривающая использование приемов вспомогательных исторических дисциплин". Но прочтение даты написания источника - разве это прием хронологии? Или описание печатки при документе - прием сфрагистики? Все это действия, помогающие источниковедческой критике, которые осуществляет любой ученый, исследуя письменные источники.

Кроме искусственности объединения в комплекс, в историографии бытует, на наш взгляд, не совсем правильное представление о какой-то особой близости между различными вспомогательными дисциплинами. (Например, между сфрагистикой и геральдикой. Однако сфрагистика не менее близка дипломатике - печать как правовой знак, скрепляющий акт, о печати говорится в corroborации - утвердительной формуле акта; а геральдика - нумизматике, ибо на монете обычно изображался государственный герб). Этот принцип находит отражение в учебных пособиях, ориентируя студентов на "комплексность" и "взаимосвязь". Повторимся: подобное понимание сложилось исторически и отход от него происходит в науке и преподавании с трудом.

В 20-40-е гг. вспомогательные исторические дисциплины находились в забвении, хотя и наблюдались отдельные всплески (особенно в 20-е гг.), в частности, в области краеведения, ставшего своего рода отдушиной для старой российской историографии¹⁵. Историческая наука этого времени не дала ни одного серьезного (монографического) исследования по той или иной дисциплине¹⁶. Но при этом вышло несколько общетеоретических работ (А.М.Большаков, Г.П.Саар, С.Н.Быковский),

читался ряд курсов по вспомогательным историческим дисциплинам (в частности, в МГИИИ), что уже в последнее время дало некоторым историкам ложное основание видеть в этом их расцвет. Указанные труды по существу явились обобщением дореволюционного опыта, связанного, как правило, с представлением о "вспомогательном" значении исторических дисциплин, хотя справедливости ради надо отметить, что отечественная историография на рубеже нашего века выходила уже на новый уровень понимания значения, по крайней мере некоторых из них. Речь идет прежде всего о переосмыслении их собственных возможностей для решения конкретно-исторических задач. В области генеалогии, например, это делали Н.П.Лихачев, Н.В.Мятлев и др., что дало основание Л.М.Савелову увидеть тенденцию превращения генеалогии из сутобо прикладной в специальную дисциплину. Сфрагистику на уровень "самостоятельности" выводил в начале века исследовавший металлические печати-буллы Н.П.Лихачев, нумизматику — А.В.Орешников и т.д.

Начавшееся в 50-е гг. известное раскрепощение советской исторической науки настоятельно потребовало обогащения ее методической базы. Обращение к вспомогательным историческим дисциплинам в этих условиях было естественным. Но искусственно прерванный процесс их развития и совершенствования собственных методов, потеря традиции использования готовых "вспомогательных" форм вызвали к жизни исследования, в которых те или иные дисциплины использовались уже не в качестве "побочного" средства, но становились сами прямым инструментом для решения исторических задач, опосредованным (или детерминированным) источниковедческой методикой (работы В.Л.Янина, А.А.Зиминой, С.М.Каштанова, М.Е.Бычковой, Н.А.Соболевой, А.И.Аксенова, И.Г.Спасского, В.М.Потина). Заметим, что речь идет главным образом о дисциплинах, так сказать, социальных, напрямую выходящих на социально-экономические и политические проблемы, о таких как дипломатика, нумизматика, генеалогия и т.д. Именно выход на общесторические проблемы является решающей отличительной чертой работ последних трех десятилетий, в которых конкретное исследование осуществлялось в жанре и на материале ранее традиционных дисциплин. Показательно, однако, что на решение обще-

исторических проблем (культурологического плана) выходят за дисциплины, кажущиеся прикладными, например, фалеристика, вексиллология. Свидетельством тому являются доклады, прочитанные на источниковедческих конференциях.

О чем говорят несомненные успехи ряда бывших вспомогательных исторических дисциплин, ставших сегодня отраслями исторической науки, как например, историческая география, историография, или набирающих "темпы научности", как нумизматика, дипломатика? Во-первых, о том, что степень вспомогательности и научности дисциплин, объединяемых по традиции под шапкой "вспомогательные", различна. Во-вторых, они заставляют усомниться в приоритетности их вспомогательной функции (во всяком случае на исследовательском уровне): развитие каждой из дисциплин не только детерминировано логикой развития исторической науки в целом и смежных областей (дисциплин), но и имманентными, внутренними свойствами каждой из них. Это значит, что в принципе любая дисциплина, пользуясь методами других, создает и свой, присущий ей метод, свою специфическую методику, позволяющую ей не только выполнить вспомогательные задачи по отношению к другим (в том числе и к источниковедению), но и решать общеисторические проблемы. В-третьих, каждая из так называемых вспомогательных исторических дисциплин занимает по значимости не одинаковое место в системе исторического знания, или в исторической науке. И противопоставление их как комплекса источниковедению или исторической науке неправомерно. Поэтому странными представляются попытки утвердить старые схемы соотношения дисциплин как некоего субординационного конгломерата, целиком исходящие из примата их вспомогательного прикладного значения.

По-видимому, перспективным для развития (пока традиционно воспринимаемых как комплекс) вспомогательных дисциплин является формирование представления об изучении их "объекта" и "предмета" с позиций современных концептуальных положений историкоисследовательской науки. С аналогичных позиций также должна оцениваться степень их "вспомогательности", "специальности", "самостоятельности".

Продemonстрируем свою мысль на примере геральдики. Объектом геральдического исследования, осуществленного несколько лет тому назад в виде монографии "Российская городская и областная геральдика XVIII-XIX вв.", явился процесс становления, и эволюции института городского герба, существовавшего в дореволюционной России как явления исторической действительности, а также - комплекс эмблем, составляющих городские гербы. Последние, представляя собой своеобразную знаково-символическую систему, выполняют определенную общественные функции. Они, как и всякий знак, - социальные феномены, следовательно, в них в явной или неявной форме отражено социальное лицо определенной эпохи, в визуальной форме воплощены идеологические установки, отражена духовная жизнь, культура народа. Таким образом, гербы - составная часть общественной жизни. Следовательно, сведения об объекте мы получаем через гербы, и способ получения информации и составляет, по-видимому, предмет геральдики. В чем он состоит? В рассмотрении герба (особенно изобразительной его стороны) адекватно символу, который является важным средством и орудием познания объективной реальности.

Материалистическое понимание символа, в основе которого лежит определение последнего как отражения, функции действительности, обуславливает постановку комплекса городских эмблем в конкретную историческую эпоху. Определение предметно-практических отношений, лежащих в их основе, определение сферы, реальности, детерминирующей их специфическую знаково-символическую деятельность, позволяет проследить, как эта реальность влияет на художественное воплощение эмблем. Подобный подход обусловил методику исследования: построение своеобразного хронологически-тематического ряда гербовых изображений, позволившего датировать эмблемы городских гербов и объяснить символику.

Думается, что именно определение объекта, предмета, основных задач дисциплины (пусть не в окончательном варианте, ибо задачи, естественно, могут быть изменены, расширены) открывает перед геральдикой перспективу превращения из отрасли знания гербов в научную дисциплину, отличающуюся

от других, подобных ей, прежде всего сложившейся специфической методикой исследования.

Вспомним, формирование дипломатики осуществлялось в связи с конкретным определением предмета изучения, т.е. актовых источников XIV-XVI вв., и связанных с ним общеисторических задач. Это породило замкнутую, но реально функционирующую систему исторического знания (работы С.М.Каштанова). Последующие попытки разрушить эту замкнутость, экстраполировав разработанные методы на более поздние периоды (В.В.Фарсобиц, Л.Е.Шепелев), хотя и выглядели теоретически оправданными, но по существу не дали практических результатов в виде конкретных работ. И это не случайно. Таковые возможны лишь при предметном переосмыслении функций актового материала нового времени, а следовательно, иных задач исследования и иных методов.

Добавим, что генеалогия формировалась под влиянием изучения ограниченного объекта - дворянства и предмета - родословных росписей, что замыкало ее на уровне прикладного, справочного значения. Но постановка этих вопросов в ряд общеисторических знаний позволяла уже решать проблемы истории землевладения (С.Б.Веселовский), формирования высших сословных групп (А.А.Зимин, В.Б.Кобрин, В.Л.Янин). Выход же на новые социальные объекты - непривилегированные сословия - радикально изменил предметные функции генеалогии. Совершенно иной корпус источников потребовал выработки принципиально новых приемов создания родовых досье, препарирование которых в свою очередь требовало иной методики для разрешения задач изучения эволюции крестьянства (М.М.Громыко), купечества (А.И.Аксенов), рабочих людей (А.Н.Семенова).

Важно отметить принципиальное различие или даже смену вектора в изучении генеалогии правящих и низших сословий. Дворянская генеалогия, основывающаяся на периоде практического развития, это (хотя и с оговорками) фиксированная генеалогия. Исследовательские задачи при ее изучении лежат в плоскости пополнений и уточнений. Непривилегированные сословия не имели фиксированной генеалогии. И первичная

задача исследователя состоит в создании на базе массовых делопроизводственных разновидностей источников (актов гражданского состояния, материалов переписей и учета, исповедных ведомостей и пр.) некоего банка генеалогических данных (или реконструкции родословий). В этом качестве не генеалогия является "вспомогательной" дисциплиной по отношению к источниковедению, а источниковедение выполняет вспомогательную функцию по отношению к генеалогии. На следующем же исследовательском уровне, при анализе и обобщении данных (здесь задачи генеалогии непривилегированных сословий и дворянства смыкаются) генеалогия окончательно отрывается от источниковедческих проблем, приобретая право самостоятельного исторического построения.

Изложенный выше подход (он базируется на учении об информативности источника), который характерен для ряда исследователей, специализирующихся в области отдельных вспомогательных исторических дисциплин, бесспорно способствует превращению последних из "знания" в научные дисциплины, выводя их из узких рамок эмпиризма.

Естественно, усложнение метода отдельных дисциплин ведет к усложнению их взаимосвязей, повышение же уровня задачи исследования до общесторических проблем с неизбежностью повышает общеметодический уровень взаимосвязей дисциплин, делая их широко функциональными. Соотношение дисциплин, формировавшееся в жесткую схему на узкой базе их вспомогательности, неизбежно становится подвижным и изменяемым в зависимости от постановки той или иной общесторической задачи. Каждый раз вновь поставленная исследователем историческая задача (проблема, вопрос) будет требовать для своего разрешения нового сочетания приемов и методов (или "системы методов", по выражению И. Д. Ковальченко¹⁷), предлагаемых необходимыми в данных случаях дисциплинами. (При этом изначальный первородный фундамент каждой из них остается относительно стабильным в рамках его естественного внутреннего развития). Не это ли рождает так усилившееся в последнее время отпочкование новых самостоятельных дисциплин? Ведь в рамках традиционных нумизматики

и геральдики, например, трудно было бы выделиться науке о наградных знаках (фалеристике). Поставленные же в ранг изучения "социальной" функции эти источники формируют предмет и методы самостоятельной дисциплины.

Конкретные исследования последних лет в области вспомогательных исторических дисциплин показывают, что "работают" не сложившиеся схемы соподчинения и субординации, а функциональные методические связи. Из них рождаются новые представления о методах, объектах, задачах традиционных дисциплин, из них в конце концов рождаются и новые самостоятельные дисциплины, отпочковываясь от ранее сложившихся.

Однако, чтобы эти связи приносили осязаемый результат, требуется "одинаковость" уровня "соединяющихся" дисциплин. Экстенсивность же, характерная для настоящего этапа развития дисциплин, объединяемых под названием "вспомогательные", не способствует этому. Большинство из них находится все-таки на уровне эмпиризма, на том уровне, когда происходит накопление конкретного исследовательского материала с использованием способа, а не метода исследования. Однако и на этом этапе просматривается тенденция развития более гибких самостоятельных дисциплин и их систем, чем это было ранее, но от чего никак не может отказаться отечественная историография.

- 1 Соболева Н.А. О тенденциях развития специальных исторических дисциплин. Историографический обзор за 1964-1978 гг. // Источниковедение отечественной истории. М., 1980.
- 2 Исторические дисциплины. Краткий библиографический справочник-указатель. Киев, 1990.
- 3 Недосекин В.И., Пивовар Е.И. Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. Конференция в Новороссийске // История СССР. 1980. № 4.
- 4 Болесбрух А.Г. Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин // История СССР. 1985. № 7.
- 5 Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах. Тезисы докладов. М., 1979; Проблемы источникове-

- дения истории СССР и специальных исторических дисциплин. Статьи и материалы. М., 1984; Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Тезисы докладов IV Всесоюзной конференции. М., 1983; Историко-графические и источниковедческие проблемы отечественной истории: Актуальные проблемы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Днепропетровск, 1985.
- 6 Кобрин В.Б., Леонтьева Г.А., Шорин П.А. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1984; Козлов Л.Р. Вспомогательные исторические дисциплины. Минск, 1980; Рачков Л.И., Чуистова Л.И. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1982; Русская палеогеография нового времени. Неогеография. М., 1982; Пронштейн А.П., Овчинникова В.С. Развитие графики кирилловского письма. Ростов н/Дону, 1981; Бурков В.Г. Фалеристика. Л., 1985; Потин В.М. Введение в нумизматику // Эрмитаж. Труды. Л., 1986. Т.26; Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988; Программа дисциплины "Вспомогательные исторические дисциплины". /Сост. А.Т.Николаева и др. М., 1987.
- 7 Воронкова С.В., Мурашев А.В. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в системе вузовского преподавания. (Из опыта кафедр отечественной истории исторического факультета МГУ) // История СССР. 1981. № 4; Жекулин В.С. Историческая география: Предмет и методы. Л., 1982. С.3.
- 8 Шепелев Л.Е. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины: к вопросу об их задачах и роли в историческом исследовании // Вспомогательные исторические дисциплины. (Далее - ВИД). Л., 1983. Вып. XIV. С.16.
- 9 Фарсобиан В.). Источниковедение и его метод. Опыт анализа понятий и терминологии. М., 1983; Григорьев А.П. Содержание термина "источниковедение" // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1986. Вып. IX.; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.
- 10 Шmidt С.О. Археография, архивоведение, источниковедение и другие специальные исторические дисциплины // Советская историческая наука в 1975-1979 гг. М., 1980; Буганов В.И., Зимин А.А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин в изучении и издании письменных источников по истории русского средневековья // История СССР. 1980. № I; Шепелев Л.Е. Указ. соч.; Панеях В.М. Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А.А.Зимина // ВИД. Л., 1983. Вып. XIV; Каменцева Е.И. "Вспомогательные исторические дисциплины". Обзор // Вопросы истории. 1984. № 3 и др.
- II Вспомогательные исторические дисциплины: Историография и теория. Киев. 1988; Delort R. Introduction aux sciences auxiliaires de l'histoire. Paris, 1969.

- I2 История СССР. 1990. № 4. С.191-193.
- I3 Вспомогательные исторические дисциплины: Историография и теория. С.5.
- I4 Каштанов С.М. К вопросу о классификации вспомогательных исторических дисциплин // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Тезисы докладов и сообщений У Всесоюзной конференции. Киев, 1990. С.75-77.
- I5 См. об этом: Филимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы Общества изучения Московской губернии (области). К методике изучения советского исторического краеведения. М., 1976; Он же. Краеведческие организации Европейской России и документальные памятники (1917-1929 гг.). М., 1991.
- I6 Правда, в этот период проводились разработки отдельными историками, однако, главным образом в "стол". Например, "Исследования по истории класса служивых землевладельцев" С.Б.Веселовского вышли уже много лет спустя после смерти историка, в другую "историографическую эпоху" (М., 1969).
- I7 Ковальченко И.Д. Указ. соч. С.214 и др.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Кучкин В.А. Клягinya Анна — тетка Симеона Гордого	4
Муравьева Л.Л. Палеография рукописи Рогожского сбор- ника XV века	12
Елисеев Г.А. Апокрифические книги Древней Руси и творчество Максима Грека	29
Рогожин Н.М. Наказы русским послам XVI века как исторический источник	44
Демкин А.В. О численности привилегированных купе- ческих корпораций в XVII веке. Росписи 1653 г.	71
Богданов А.П. Нарративные источники о Московском восстании 1682 года	77
Елисеева О.И. К вопросу о русском языке Екатерины II в ее переписке с Г.А.Потемкиным	109
Овчинников Р.В. Документы о путачевцах, отбывавших ссылку на Баломорском Севере	123
Глушакова В.П. Документальные и эпистолярные мате- риалы о жизни и творчестве О.А.Кипренского	147
Медушевский А.Н. Становление и развитие конститу- ционно-правовых идей в конце XIX—начале XX века (по источникам личного происхождения)	166
Емец В.А. Записка А.А.Гирса о деятельности МИД России. (Апрель 1906 года)	188
Кутьев В.Ф. О трансформации мемуаров революционных деятели в советских публикациях	199
Соболева Н.А., Аксенов А.И. Вспомогательные истори- ческие дисциплины: современное состояние и структура взаимоотношений	220

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 21.09.93. Формат 60x84/16. 14,75 п.л.
11,45 уч.-изд.л. Тираж 300 экз. Цена 114 р. 50 к. Заказ №48

УОП Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19